

ПОЛИТИК,
ДИПЛОМАТ,
УЧЕНЫЙ

*Евгений
Тришак*

МОСКВА
«Вест-Консалтинг»
2019

УДК 82-94
ББК 94.3
П50

Редактор-составитель сборника В. Н. Казимиров.

Совет ветеранов и Фонд ветеранов дипломатической службы выражают глубокую признательность сотрудникам и ветеранам Министерства иностранных дел России, принявшим участие в подготовке выступлений и воспоминаний о политике, дипломате и ученом Евгении Максимовиче Примакове.

Особая благодарность Торгово-промышленной палате Российской Федерации и Российскому фонду мира за поддержку, обеспечившую выход в свет данного сборника.

П50 **Политик, дипломат, ученый Евгений Примаков. Сборник воспоминаний.** — М.: «Вест-Консалтинг», 2019. — 320 с., илл.

ISBN 978-5-91865-579-5

Воспоминания сотрудников и ветеранов Министерства иностранных дел Российской Федерации о Евгении Максимовиче Примакове, возглавлявшем Правительство России (1998–1999) и занимавшем ряд видных государственных и научных постов, в том числе пост министра иностранных дел России, продолжают серию книг о выдающихся отечественных дипломатах. Авторы очерков о нем трудились под его началом, были рядом с ним на внешнеполитическом фронте нашей страны.

Часть материалов, публикуемых в этом сборнике, были ранее напечатаны в книге «Неизвестный Примаков» и спецвыпуске журнала «Международная жизнь» за октябрь 2014 года «Человек — Эпоха».

© Фонд ветеранов дипломатической службы, 2019
© Совет ветеранов МИД России, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Лавров С. В. Обращение к читателям	7
Семенов С. М., Гоманькова Н. Н. <i>Биографический очерк.</i> Примаков Евгений Максимович	11
Вечер памяти Е. М. Примакова в Министерстве иностраннных дел России 2 июля 2015 года	
Казимиров В. Н.	59
Лавров С. В.	59
Торкунов А. В.	61
Бажанов Е. П.	66
Акопов А. С.	69
Елизаров Н. М.	71
Комплектов В. Г.	76
Петров Г. Г.	78
Масалов В. И.	86
Ранних А. А.	87
Воспоминания друзей и коллег	
Александр АКСЕНЁНОК. Незабываемый человек	90
Андрей БАКЛАНОВ. Ближневосточное наследие Примакова	97
Кирилл БАРСКИЙ. Е. М. Примаков и «восточный вектор» внешней политики России	105

Абдул-Рахман ВЕЗИРОВ. Мой самый близкий друг. . . .	124
Юлий ВОРОНЦОВ. Мы с Примаковым — державники .	126
Александр ДЗАСОХОВ. Вершина.	140
Константин ДОЛГОВ. Мгновения, уходящие в вечность	153
Анатолий ЗАЙЦЕВ. Первый визит в Закавказье.	164
Игорь ИВАНОВ. Его присутствие побуждало окружающих быть добрее	169
Владимир КАЗИМИРОВ. Лидер и человек	175
Григорий КАРАСИН. У каждого человека есть «лучшие люди в его жизни»... у меня одним из таких людей является Евгений Максимович Примаков	190
Василий КОЛОТУША. Пять эпизодов из встреч с Максимычем	196
Константин КОСАЧЁВ. Virtuоз политического прогнозирования.	218
Валерий КУЗНЕЦОВ. Как Примаков стал Примаковым	227
Сергей ЛАВРОВ. Учитель и друг.	229
Валентина МАТВИЕНКО. Стиль Примакова.	236
Рафик НИШАНОВ. Долгая дорога вместе	245
Борис ПАСТУХОВ. Шедший напролом.	251
Вениамин ПОПОВ. Особая доброжелательность к людям и глубокие знания — отличительная черта Е. М. Примакова.	255
Борис ПЯДЫШЕВ. Евгений Максимович — безоговорочный лидер с уникальной способностью мыслить и находить правильные решения.	259
Анатолий ТОРКУНОВ. Академик об академике	261
Вячеслав ТРУБНИКОВ. Примаков научил нас понимать, что суверенного государства без разведки не бывает .	265

О произведениях и публикациях Е. М. Примакова 271

СТИХИ

Евгений ПРИМАКОВ..... 275

Сергей ЛАВРОВ..... 291

Авторы очерков и выступлений о Е. М. Примакове..... 295

Тематический указатель 309

Именной указатель 311

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Обращение к читателям

Дорогие друзья,

Вашему вниманию предлагается сборник воспоминаний о Евгении Максимовиче Примакове – выдающемся политическом, государственном, общественном деятеле, дипломате и ученом.

Евгений Максимович – человек-эпоха. С его именем связаны ключевые события новейшей истории страны. Невозможно переоценить его роль в преодолении последствий экономического кризиса 1998 года. Самое широкое признание получила деятельность Е.М.Примакова во главе Службы внешней разведки, Министерства иностранных дел, Торгово-промышленной палаты. А ранее – крупных научно-исследовательских центров в области международных отношений. На всех занимаемых постах он неизменно способствовал упрочению российской государственности, обеспечению динамичного, комплексного развития Родины, укреплению ее позиций на международной арене. Примечательно, что усилия Евгения Максимовича пользовались самой широкой общественной поддержкой.

Е.М.Примаков стоял у истоков современной внешнеполитической доктрины России. Сформулировал ее ключевые положения – такие, например, как самостоятельность и многовекторность, которые в полной мере доказали свою эффективность и сегодня зафиксированы в утвержденной Президентом В.В.Путиным Концепции внешней политики. Неоценим вклад Евгения Максимовича в теоретическое осмысление и продвижение теории полицентричности, отражающей появление новых центров экономической мощи и политического влияния, культурно-

цивилизационное многообразие народов мира, их стремление самим определять свою судьбу.

Последовательный противник конфронтации, Е.М.Примаков неизменно выступал за наращивание широкого межгосударственного сотрудничества в интересах эффективного решения многочисленных проблем современности. В этом плане его известный «разворот над Атлантикой» стал твердым напоминанием безальтернативности выстраивания международной жизни исключительно на принципах Устава Всемирной Организации, недопустимости использования военной силы в обход СБ ООН.

Евгений Максимович много сделал для укрепления кадрового и интеллектуального потенциала Министерства. Демонстрируя чуткое, бережное отношение к сотрудникам, он сплотил коллектив, нацелил его на эффективное отстаивание национальных интересов. Лучшие качества Е.М.Примакова, его исключительная порядочность и принципиальность, мудрость и прозорливость, беззаветная преданность Отечеству остаются для всех нас нравственным ориентиром.

Убежден, что сборник станет достойным вкладом в празднование 90-летия Евгения Максимовича, позволит читателям ознакомиться с новыми страницами биографии этого удивительного человека, по достоинству оценить всю многогранность этой масштабной личности.

S. LABPOV

Евгений Максимович Примаков

**ПРИМАКОВ
ЕВГЕНИЙ МАКСИМОВИЧ
(1929–2015)**

Лауреат Государственной премии СССР, лауреат Государственной премии РФ, директор Института востоковедения АН СССР (1977–1985), директор ИМЭМО АН СССР (1985–1989), директор Службы внешней разведки России (1991–1996), министр иностранных дел РФ (1996–1998), председатель правительства РФ (1998–1999), президент Торгово-промышленной палаты РФ (2001–2011), академик Российской академии наук, председатель Совета директоров ОАО «РТИ», президент, председатель совета «Меркурий-клуба», руководитель Центра ситуационного анализа РАН.

Родился 29 октября 1929 года в Киеве. Мать — Примакова Анна Яковлевна (1896–1972). Отец — Максим Немченко, рано ушел из семьи и был репрессирован в 1937 году. Первая супруга — Лаура Харадзе (1930–1987). Сын — Примаков Александр Евгеньевич (1954–1981). Дочь — Нана (1962 г. рожд.). Внуки: Евгений (1976 г. рожд.), Александра (1982 г. рожд.), Мария (1997 г. рожд.). Супруга — Примакова Ирина Борисовна (1952 г. рожд.).

«Тбилиси, 1937 год. Все вокруг провалилось. Те, с кем моя мама дружила, встречалась, водила знакомство, — все рухнуло. Маминого брата (они оба были врачи-гинекологи) арестовали в Баку и, как стало известно позже, этапировали в Тбилиси, где расстреляли. Он был бесконечно далек от по-

литики. Через много лет мне стало известно, что главным "вещественным доказательством" его принадлежности к "антисоветской группе" стал найденный при обыске юнкерский кортик — Александр Яковлевич действительно несколько месяцев перед революцией служил юнкером.

Своего отца я никогда не видел. У мамы я был единственный ребенок — свет в окошке. Она родила меня уже в достаточно зрелом возрасте и жила мною. Она работала в Железнодорожной больнице и была, как говорили, превосходным акушером-гинекологом. Но ее оттуда попросили, и она не без труда нашла работу в женской консультации Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. Оставалась там единственным врачом непрерывно 35 лет. Комбинат находился далеко от центра города, а во время войны мама еще взяла и вторую работу — в другом конце Тбилиси. Приходила домой лишь вечером, загружая себя до предела, чтобы я был накормлен и одет в то нелегкое для всех военное время. Ее любили работницы, уважали и побаивались руководители комбината — она не стеснялась в выражениях, если, к примеру, беременных женщин не отпускали в положенный отпуск или ставили в третью смену. Я узнал обо всем этом из прощальных слов на похоронах матери 19 декабря 1972 года — в последний путь ее провожал почти весь Тбилисский прядильно-трикотажный комбинат.

Мама никогда не состояла в партии, не произносила зажигательных речей, не поддерживала разговоров на политические темы. Но это вовсе не означало ее политической инфантильности. Помню, как уже будучи студентом, в самом начале пятидесятых годов приехал на каникулы в Тбилиси и разговорился с матерью на "сталинскую тему". Сознаюсь, был в ужасе от ее слов о том, что Сталин — "примитивный душегуб". "Да как ты можешь, ты хоть что-нибудь читала из трудов этого "примитивного человека"? — полез я на рожон. Меня сразил спокойный ответ матери: "И читать

не буду, а ты пойди и донеси — он это любит". Я никогда больше не возвращался к этой теме».

Евгений с матерью жили в Тбилиси в общей квартире без элементарных удобств, в 14-метровой комнате. Целыми днями Женя с ребятами пропадал на улице. Окончив семь классов, он объявил матери, что хочет поступать в Бакинское военно-морское подготовительное училище. Мать уговаривала передумать, потом — отпустила.

«Я провел в училище два, скажем прямо, нелегких года, прошел практику на учебном корабле "Правда". Когда уже казалось, что все трудности адаптации позади, был отчислен по состоянию здоровья — обнаружили начальную стадию туберкулеза легких. Тут же примчалась в Баку моя дорогая мама. Я меньше всего думал о здоровье, в вагоне поезда Баку — Тбилиси стоял у окна, мимо проносились столбы, деревья, здания какие-то, а я ничего не видел. Глаза застилала слезы. В течение двух лет связывал свое будущее с флотом, а тут... Жизнь, считал, кончена». Приехав в Тбилиси, Евгений заботами матери вылечился и окончил одиннадцатый класс в 14-й мужской средней школе. Учился хорошо, больше всего любил математику, историю, литературу. Преподаватели были очень сильные. Выпускники русских тбилисских школ абсолютно на равных и в то время без всякого блата выдерживали конкурсные экзамены в престижные московские институты. Среди них был и Евгений Примаков, поступивший в 1948 году в Московский институт востоковедения.

«Приехали в Москву. Хорошо сдали вступительные экзамены. В тот год замаячила широкая потребность в специалистах по Китаю. Не исключая, что поддался бы на уговоры и выбрал бы китайское направление, но задели на собеседовании слова профессора Евгения Александровича Беляева: "Вы, должно быть, решили пойти на арабский, так как вам мерещатся караваны в пустыне, миражи, заунывные голоса муэдзинов?" В ответ сказал твердо: прошу зачислить на араб-

ский — баллов для этого у меня достаточно. Так и стал арабистом.

В институте больше всего любил страноведческие и общеобразовательные предметы. Блестящие лекции по исламоведению профессора Беляева, по различным разделам истории — профессоров Турка, Шмидта, по политэкономии — профессора Брегеля были настоящими праздниками. Гораздо меньше интереса я проявлял, к сожалению, к арабскому языку, что и сказалось тогда: по всем предметам, кроме арабского, в дипломе были пятерки, по арабскому на го-экзамене получил удовлетворительно...» Весной 1953 года Евгений Примаков окончил институт и поступил в аспирантуру Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

«В марте умер И. В. Сталин. Нас — студентов, аспирантов, преподавателей — захлестнуло горе. На траурном митинге плакали многие. Выступавшие искренне недоумевали: сумеем ли жить без Сталина, не раздавят ли нас враги, уцелеем ли? Я чуть не заплатил жизнью, когда пытался через Трубную площадь пробиться к Колонному залу Дома Союзов, чтобы проститься с вождем. Была настоящая Ходынка, в страшной давке погибли десятки людей. Нас возмутили услышанные по радио абсолютно спокойные голоса Маленкова и Берия, выступавших с трибуны Мавзолея на похоронах Сталина. Наши симпатии были на стороне третьего выступавшего — Молотова, который еле сдерживал рыдания.

Так или иначе, XX съезд нас раскрепостил и оказал сильное влияние на формирование мировоззрения моего поколения. Конечно, впоследствии серьезное воздействие оказывали и другие события, но первым импульсом, заставившим мыслить по-иному, чем в прошлом, нужно считать XX съезд партии».

«В наше время многие ранние браки распадаются. Я прожил с Лаурой 36 лет. Вначале в житейском смысле нам было очень не просто. Свое собственное жилье, комнату в об-

щей квартире, я получил лишь в 1959 году, уже работая в Гостелерадио. Это было настоящим счастьем: все годы до этого снимали, если повезет — комнату, если нет — угол. Особенно трудно стало, когда в 1954 году родился сын, — многие хозяйки предпочитали сдавать жилье семьям без детей, и поиски места проживания становились настоящей мукой. Мы вынуждены были отправить девятимесячного Сашеньку в Тбилиси, где до двух с половиной лет он жил у моей мамы».

Окончив аспирантуру МГУ в 1956 году, по приглашению Сергея Николаевича Каверина — главного редактора арабской редакции Главного управления радиовещания на зарубежные страны — Евгений Примаков поступил на работу в редакцию, с которой сотрудничал уже несколько лет, и стал профессиональным журналистом. За год он последовательно прошел путь корреспондента, выпускающего редактора, ответственного редактора, заместителя главного редактора. Вскоре после безвременной кончины Сергея Николаевича стал главным редактором.

«Работа в иновещании дала очень многое. Прежде всего — умение быстро и при любом шуме подготовить комментарий на происходящие события. Вместе с тем для меня это была первая школа руководителя. В свои 26 лет я возглавил коллектив в 70 человек, среди которых, пожалуй, был самым молодым».

В 1958 году в качестве корреспондента Всесоюзного радио Евгений Примаков удостоился чести сопровождать Генерального секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского и других членов партийно-правительственной делегации в Албанию. Командировка эта запомнилась ему на всю жизнь.

«Или по неопытности, или потому, что ответственность за выполнение порученной мне столь важной миссии — освещать по радио визит советского лидера в Албанию — отодвинула на задний план все формальные мо-

менты, я решил вторгнуться в "святая святых" — в порядок публикации выступлений Генерального секретаря. Подошел к его помощникам и сказал: "Разрешите мне готовить для передачи на Московское радио изложение основных идей, высказываемых Никитой Сергеевичем". — "Если ты такой смелый, — сказал Шуйский, — пиши и передавай под свою ответственность". Я это и сделал.

Выятив основные идеи речи Хрущева на первый план, продиктовал корреспонденцию по телефону нашим стенографисткам в Москве, а сам, довольный собой, пошел пить пиво. Вдруг подходит ко мне корреспондент "Правды" Ткаченко и говорит: "Иду из резиденции, там переполох, речь Хрущёва решили не публиковать, но она улетучилась, и сейчас пошли на нее отклики во всем мире. Ищут, кто виноват в утечке". У меня сердце ушло в пятки. Я на минуту представил себе, как меня срочно отзывают в Москву, снимают с работы. Кстати, все тогда так и могло случиться. Увидев мое побледневшее лицо, Ткаченко ухмыльнулся: "Я пошутил. Напротив, Никите показали зарубежные отклики, и он очень доволен оперативностью". Очевидно, все было именно так, потому что я с этого момента спокойно передавал свои корреспонденции в Москву, и ни Шуйский, ни Лебедев (помощники Хрущёва) мне не делали никаких замечаний. Правда, и не хвалили, просто не замечали».

В 1956 году Евгений Примаков стал старшим научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО). К этому времени он подготовил диссертацию на тему о получении максимальных прибылей иностранными нефтяными компаниями, оперирующими на Аравийском полуострове. Имел и необходимые публикации на диссертационную тему. Защитить диссертацию до окончания срока аспирантуры не удалось — не мог себе позволить длительную паузу, необходимую для вторичного обсуждения диссертации и выполнения по ней всех

формальностей в другом институте, где по правилам должна была проходить защита. Кандидатскую степень получил только четыре года спустя. Членом КПСС Е. М. Примаков стал в 1959 году. С 1962 года начал работать в газете «Правда» обозревателем отдела стран Азии и Африки, с 1965 года — собственным корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке с постоянным пребыванием в Каире. Здесь он выполнял ответственные поручения Центрального Комитета, Политбюро ЦК КПСС. Много раз посещал север Ирака, где контактировал с руководителем курдских повстанцев Мустафой Барзани с целью сблизить его с Багдадом.

Советский Союз хотел мира в Ираке, симпатизировал освободительной борьбе курдов и в то же время стремился укрепить свои позиции в новом руководстве Ирака, которое пришло к власти в 1968 году. С багдадской стороны ответственным за переговоры с курдами был Саддам Хусейн. Е. М. Примаков встретился с ним в 1969 году, тогда же познакомился с Тариком Азизом — в то время главным редактором газеты «Ас-Саура». До подписания мирного соглашения в 1970 году Евгений Максимович совершил много поездок на север — сначала во время боевых действий к зимней резиденции Барзани по тропам на мулах, затем вертолетом. Он стал первым иностранцем, который встретился в 1966 году с совершившими переворот в Дамаске левыми баосистами — премьер-министром Зуэйном. Был также первым иностранцем, который встретился с генералом Нимейри, возглавившим переворот в Судане в 1969 году.

В 1969 году Е. М. Примаков защищает докторскую диссертацию по теме «Социальное и экономическое развитие Египта» и получает степень доктора экономических наук. В 1970 году принимает предложение директора ИМЭМО академика Н. Иноземцева стать его заместителем. Одновременно продолжает выполнять ответственные миссии по заданию советского руководства. Среди этих миссий — конфиденци-

альный полет в Оман для установления дипломатических отношений СССР с этим аравийским княжеством. Особое значение имели и строго конфиденциальные встречи с израильскими руководителями — Голдой Меир, Моше Даяном, Шимоном Пересом, Ицхаком Рабином, Менахемом Бегинном. Целью всех этих контактов был зондаж возможности установления всеобщего мира с арабами.

С Ясиром Арафатом, Абу Айядом, Абу Мазеном, Ясиром Абд Раббо и другими палестинцами Евгений Максимович познакомился, много беседовал, спорил, дружил с конца 1960-х — начала 1970-х годов. Многократно встречался и испытывал самые добрые чувства к иорданскому королю Хусейну. Откровенные и доверительные отношения установились у него с президентом Сирии Хафезом Асадом и Египта — Хосни Мубараком. В дальнейшем, являясь одним из ведущих экспертов по внешней политике на Востоке, он издает ряд книг по современной истории Востока.

В 1974 году Е. М. Примаков избирается членом-корреспондентом АН СССР, в 1977 году — становится директором Института востоковедения — важного академического исследовательского центра, сопоставимого по размерам со знаменитым ИМЭМО, в 1979 году — академиком АН СССР. В самые застойные годы настоящим «островом свободомыслия» была Академия наук СССР. Парадокс заключался в том, что преобладающая часть ученых-естественников, а они задавали тон в академии, была так или иначе, прямо или косвенно связана с «оборонкой». Казалось бы, эта среда меньше всего подходила для политического протеста, больше всего должна была бы способствовать подчинению диктуемой сверху дисциплине. А получилось совсем не так.

«Мы понимали, что следует отходить от догматических представлений и во внешнеполитической, и в военно-политической областях. С появлением у двух сторон ракетного вооружения, способного уничтожить не только две

сверхдержавы, но в случае его применения и весь остальной мир, стали относить мирное сосуществование между двумя системами к категории более или менее постоянной. Но при этом не забывали добавлять, что это отнюдь не притупляет идеологическую борьбу».

В 1970-х и первой половине 1980-х годов происходили только эпизодические контакты СССР с США и другими западными странами по правительственной линии. При этом особое значение приобрели дискуссии по наиболее злободневным внешнеполитическим вопросам на уровне организационно-общественном. По линии ранее созданного Советского комитета защиты мира, где Е. М. Примаков был заместителем председателя, предпринимались попытки разъяснить политику СССР, приобрести друзей и единомышленников за рубежом, апеллируя, как правило, к интеллигенции, деятелям науки, культуры.

Со временем стали возникать и другие каналы. Е. М. Примаков принимал непосредственное участие в закрытых обсуждениях, которые проводил ИМЭМО со Стратегическим центром крупнейшего в США научно-исследовательского института — Стенфордского (SRI). Одной из тем было сопоставление методик подсчетов военных бюджетов двух стран. Эта работа позволяла стать на путь сокращения вооружений. Участвовал в Пагуошском движении, имевшем международный характер, и в советско-американских Дартмутских встречах. Особую роль в организации этих встреч со стороны СССР играли институты ИМЭМО и ИСКАН. Американскую группу политологов возглавлял Дэвид Рокфеллер. Е. М. Примаков вместе со своим партнером Г. Сондерсом — бывшим заместителем госсекретаря США — были сопредседателями рабочей группы по конфликтным ситуациям.

«Во время проведения очередной встречи в Тбилиси в 1975 году родилась идея пригласить американцев и наших коллег в грузинскую семью. Я предложил пойти на ужин к тете

моей жены Надежде Харадзе. Профессор консерватории, в прошлом примадонна Тбилисского оперного театра, она жила, как все настоящие грузинские интеллигенты, довольно скромно. Чтобы достойно встретить высоких гостей, пришлось одолжить у соседей сервиз.

В результате весь дом, конечно, знал, что в гости приедет "сам Рокфеллер". Вечер удался — прекрасный грузинский стол, русские, грузинские и американские песни. Атмосфера была по-настоящему теплая и раскрепощенная. Д. Рокфеллер отложил вылет своего самолета и ушел вместе со всеми в три часа утра.

Впоследствии он много раз говорил мне, что тот чудесный вечер запомнился ему надолго, хоть вначале явно недооценил искренность хозяев и, может быть, считал все очередной "потёмкинской деревней". Даже подошел к портрету Хемингуэя, висевшему на стене над школьным столиком моего племянника, и, отодвинув портрет, убедился, что стена под ним не выцвела — значит, не повесили к его приходу».

Большое значение имели встречи с японским Советом по вопросам безопасности «Анпокен», организованные со стороны СССР ИМЭМО. Инициатором этих встреч был И. Суэцугу. В диалоге с японской стороны активно участвовали лица, пользовавшиеся большим влиянием в либерально-демократической партии Японии. Вначале такие ежегодные «круглые столы» напоминали скорее разговор глухих. Но постепенно лед таял.

«С каждым разом все более росло уважительное отношение друг к другу. Я, например, никогда не забуду того, как Суэцугу, узнав, что я потерял — это было в 1981 году — сына, всю ночь каллиграфически выводил иероглифы древнеяпонского изречения и подарил мне эту запись, смысл которой заключался в необходимости смиренно переносить все горести и трагедии, думая о Вечном». Все большему сближению ИМЭМО с практической деятельностью в международных отношениях способствовало развитие абсолютно

нового направления исследовательской работы с прямым выходом на политику — ситуационные анализы. Е. М. Примаков руководил разработкой методики «мозговой атаки» и большинством из таких обсуждений. В результате были спрогнозированы бомбардировки американской авиацией Камбоджи во время вьетнамской войны. После смерти Насера — поворот Садата в сторону Запада при его отходе от тесных отношений с СССР. Наконец, после победы «исламской революции» в Иране — неизбежность войны между этой страной и Ираком, которая и началась через 10 месяцев после проведения ситуационного анализа.

За разработку и осуществление ситуационных анализов группа ученых, которую возглавлял Е. М. Примаков, получила в 1980 году Государственную премию СССР. В 1985 году он стал преемником А. Н. Яковлева на посту директора ИМЭМО и до 1989 года руководил институтом.

В составе группы экспертов Е. М. Примакову довелось присутствовать на встречах М. С. Горбачёва и Р. Рейгана в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне, Москве и видеть с близкого расстояния, как трудно начинался диалог и каких усилий стоило отвести мир от опаснейшей черты. Тем не менее сближение сторон продолжалось.

Накануне прихода к власти президента Дж. Буша состоялся визит М. С. Горбачёва в Индию. Встреча в КНР с Дэн Сяопином, в которой участвовал Е. М. Примаков, практически открыла дверь для многостороннего сотрудничества СССР с Китаем.

Вскоре Евгению Максимовичу стало известно, что Горбачёв планирует его назначение послом в Индию. От этого перспективного назначения он вынужден был отказаться, опасаясь за ухудшившееся здоровье жены.

«Я не стал послом в Индии. А вскоре был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, затем членом ЦК. Но жену потерял — она скончалась в 1987 году, и кто знает, может быть, индийский климат был бы не столь уж плохим для ее больного сердца?»

Потерю жены — Харадзе Лауры Васильевны — переживал очень тяжело. Она была частью всей моей жизни. До сих пор ловлю себя на мысли о том, что она принесла в жертву мне, детям свой разносторонний, незаурядный талант. Широко эрудированная, прекрасно разбиравшаяся в искусстве, сама блестящий пианист, а по образованию инженер-электротехник, однозначно прямолинейная, никогда не кривящая душой, неспособная соглашаться с ложью или лицемерием, в том числе и в официальной политике, интернационалист по всем своим убеждениям, но в то же время искренне восхищавшаяся лучшими чертами России и Грузии, очаровательная женщина — именно такой видели мою жену и я, и все те, кто был рядом со мной и с ней.

Через семь лет после смерти Лауры женился второй раз. Судьба оказалась ко мне после моих потерь благосклонной. Ирина — прекрасная женщина, друг, блестящий специалист — врач-терапевт. Ее любят и уважают все мои близкие. Во многих чертах своего характера она напоминает Лауру, которую не знала, но с исключительной теплотой относится к ее светлой памяти».

После смерти жены Евгений Максимович с головой ушел в работу в ИМЭМО. В 1988–1989 годах он — академик-секретарь Отделения мировой экономики и международных связей АН СССР, член Президиума АН СССР. Его избирают первым председателем только что созданного Советского национального комитета азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества. Во главе группы экспертов комитета совершил поездку по Приморскому, Хабаровскому краям, Амурской и Сахалинской областям.

«Занимался тогда делами интересными и перспективными. Но опять подступали перемены в моей жизни. Хорошо помню тот майский день 1989 года. Сидел за столом в своем кабинете в ИМЭМО на 16 этаже и правил подготовленную сотрудниками записку о малом и среднем бизне-

се в США. Вдруг зазвенел "кремлевский телефон" и в трубке раздался совершенно неожиданно для меня — он мне никогда не звонил до этого — голос Горбачёва. — Помнишь наш разговор в Пекине? Я уже тогда сказал, что есть планы в отношении тебя. Теперь предстоит их осуществить. Речь идет о твоей работе в Верховном Совете СССР. — Ну что ж, Михаил Сергеевич, нужно так нужно, — ответил я, не сомневаясь, что мне как депутату предложат, пожалуй, возглавить комитет по международным делам. — Хорошо отреагировал, — прозвучало в ответ. — Как ты отнесешься к предложению стать во главе одной из палат Верховного Совета?

Меня это совершенно неожиданное предложение огорошило. — Но как быть с институтом? — Обещаю, что ты примешь участие в подборе своего преемника.

Преемником стал мой первый заместитель, впоследствии избранный академиком В. А. Мартынов, который достойно возглавил институт. Что касается меня, то во время представления моей кандидатуры депутатам, и отвечая на вопрос, а как Примаков совместит свою работу Председателя Совета Союза с работой в Академии наук, Горбачёв заявил: "Он уходит со всех своих постов в академии". Следует отметить, что такой "поворот" со мной не оговаривался.

Страна в то время буквально жила сессиями Верховного Совета. Все было непривычно. И выступления, в которых звучали острые мотивы, и столкновения мнений, иногда переходящие в нелицеприятный спор. И самое главное — все это транслировалось без всяких купюр. Сначала "живьем", в прямом эфире. Глазок телекамеры был нацелен на трибуну для выступавших, причем ракурс был такой, что державший речь оставался все время на фоне председателя палаты. Сидеть с утра до вечера почти ежедневно, зная, что ты перед глазами многомиллионной аудитории телезрителей, — занятие и неприятное, и очень трудное».

Работа в качестве руководителя Совета Союза Верховного Совета СССР включала в себя содержательную подготовку законов. Евгению Максимовичу так же было поручено курировать работу аппарата Верховного Совета.

Став председателем верхней палаты, Е. М. Примаков показал свою приверженность линии на самостоятельность Верховного Совета, считая, что лишь такой курс сможет превратить его в важный инструмент эволюционного перехода от командно-административной системы к новому обществу.

В сентябре 1989 года Е. М. Примаков избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. В марте–декабре 1990 года, оставив пост Председателя Совета Союза Верховного Совета, вошел в состав Президентского совета, где занимался вопросами внешней политики. В этот период он принял участие в событиях, связанных с глубоким кризисом, а затем и войной в зоне Персидского залива, к которым было приковано внимание всего мира.

Идея направить в Багдад представителя Президента СССР впервые возникла в августе 1990 года. Так в жизнь Е. М. Примакова окончательно вошла глобальная мировая политика. При его участии происходили многие серьезные решения, которые принимались главными игроками в мировой политической игре в связи с развитием опасных событий, ситуаций, конфликтов.

«Мое знакомство с Саддамом Хусейном, очевидно, было принято во внимание, когда президент Горбачёв, несмотря на позицию МИДа, все-таки поручил мне выехать в Багдад в качестве своего личного представителя. Были поставлены две задачи: во-первых, договориться о беспрепятственном выезде из Ирака наших специалистов, и во-вторых, во время разговора с Саддамом Хусейном показать ему полную бесперспективность отказа подчиниться требованиям Совета Безопасности ООН».

Беседа Е. М. Примакова с Саддамом Хусейном состоялась 5 октября. Углубившись в чтение переданного ему послания

президента Горбачёва (перевод на арабский язык был сделан в МИДе СССР заблаговременно), С. Хусейн прямо не отреагировал на достаточно жесткие фразы о необходимости незамедлительного ухода из Кувейта и восстановления суверенитета этого государства. Обстановка была натянутой.

Сразу после возвращения, 6 октября Е. М. Примаков доложил М. С. Горбачёву о встречах в Багдаде. Тут же родилась идея ознакомить с его наблюдениями президентов Дж. Буша, Ф. Миттерана, премьеров М. Тетчер, Д. Андреотти, Х. Мубарака, Х. Асада, короля Саудовской Аравии Фахда.

В октябре Е. М. Примаков готовился к встречам с главами государств для того, чтобы поделиться с ними идеями о «невидимом пакете»: Ирак обязан заявить о выводе войск из Кувейта, а затем незамедлительно осуществить этот вывод. При этом предполагалось заранее проинформировать Хусейна, что после вывода войск начнется реальный процесс, ведущий к урегулированию арабо-израильского конфликта, и в этом процессе примут активное участие члены Совета Безопасности ООН. Важной частью «невидимого пакета» была также система безопасности, которую мировое сообщество хотело бы видеть в регионе в посткризисный период.

Политическая активность Советского Союза на Ближнем Востоке попала в центр мирового внимания. Но главный вывод от поездок Е. М. Примакова за океан и в Европу сводился к следующему: барометр ситуации явно показывал на военное решение. Е. М. Примаков продолжает миссию и с этой целью вылетает в Каир, Дамаск, Эр-Рияд и Багдад. Это был практически единственный канал прямого выхода на Саддама Хусейна. В конце октября на встречах с Е. М. Примаковым президенты Сирии и Египта — Х. Асад и Х. Мубарак — высказались в поддержку советской инициативы. 28 октября в Багдаде Е. М. Примаков снова встречается с Саддамом Хусейном. Хусейн продемонстрировал свой интерес к идеям арабской активности в деле урегулирования. В качестве главного араб-

ского партнера он выделял Саудовскую Аравию. Но по главному вопросу — готовности вывести иракские войска из Кувейта — он не сказал «да».

Между тем ставка на войну как средство разрешения конфликта в зоне Персидского залива была сделана. 17 января на аэродромы и радиолокационные системы Ирака обрушились ракеты, направленные с американских кораблей, находившихся в Персидском заливе.

Накануне войны С. Хусейн прямо заметил в своем окружении: «Я говорю вам, что Советский Союз запугивает нас неизбежностью войны — события идут по другому сценарию». В то время как американские бомбардировки набирали силу, в Москве была создана «рабочая кризисная группа», в состав которой вошли министры иностранных дел, обороны, внутренних дел, председатель КГБ, помощник президента по международным делам А. С. Черняев и Е. М. Примаков. С целью прекращения войны было принято решение выступить еще одной политической инициативой. 9 февраля по поручению Горбачёва Е. М. Примаков снова вылетел в Багдад. На его предложение о выводе иракских войск из Кувейта Хусейн ответил предварительным согласием. Ночью 13 февраля в советское посольство Тарик Азиз привез письменное заявление, в котором говорилось, что иракское руководство серьезно изучает идеи, изложенные представителем Президента СССР, и даст ответ в ближайшее время.

В последующие дни на переговорах Тарика Азиза с президентом М. С. Горбачёвым в Москве готовность Ирака полностью вывести свои войска из Кувейта в 3-недельный срок была подтверждена. Развитие событий показало, что затяжка времени с иракской стороны, неопределенность срока вывода войск оказались фатальными. 22 февраля президент Дж. Буш предъявил ультиматум Ираку с требованием вывести войска с территории Кувейта в недельный срок.

Тем временем в Советском Союзе набирали скорость ставшие необратимыми политические процессы. Е. М. Примаков оказался в эпицентре событий.

«Накануне четвертого Съезда народных депутатов мы на даче в Волинском готовили доклад Президента СССР "О положении страны и мерах по преодолению сложившейся кризисной социально-экономической и политической ситуации"». Присутствовали А. Н. Яковлев, С. С. Шаталин, В. А. Медведев, А. С. Черняев, Г. Х. Шахназаров, Е. Г. Ясин и другие. Думаю, что большинство из них поддерживали идею о первоначальности экономического договора. Мое предложение на этот счет сначала было воспринято М. С. Горбачёвым не скажу что с большим энтузиазмом, но отвергнуто с ходу не было. На следующий день, однако, он сказал: — Не пойдет. — Почему? — спросил я. — Ведь это проходной вариант, причем все республики согласны с тем, что при подписании экономического договора они возьмут на себя определенные обязательства, без которых не сможет функционировать единое экономическое пространство. — Если мы подпишем экономический договор, — ответил Горбачёв, — то многие остановятся на нем и не захотят подписать Союзный, который уже готов, и все заявили о своей согласии присоединиться к нему. — Да, но ведь и экономический договор подразумевает создание наднациональных структур. Нужно начать с экономики, а затем наращивать политические структуры Союза.

М. С. Горбачёв отверг эту идею. Думаю, что он искренне верил в реальность Союзного договора и возможность его подписания. Так или иначе, но развести по времени экономический договор, приемлемый для всех, и политический не удалось.

Стало еще сложнее оттого, что вместо создания общесоюзной рыночной инфраструктуры ставку сделали на так называемый "региональный хозрасчет". В республики передавалась государственная собственность. В некоторых

из них решалось, отчислять ли средства в союзный бюджет. Провозглашался приоритет республиканских законов над союзными. В общем, дело шло к распаду не только Союза, но и единого экономического пространства.

После XXVIII съезда я всецело сделал упор на работе в Президентском совете. Отношения с Михаилом Сергеевичем считал хорошими и мог ставить перед ним проблемы довольно острые, решение которых, на мой взгляд, было необходимо. Но постановка этих вопросов вызывала определенную напряженность. Сознаю, главное, что меня волновало, даже возмущало, — это недостаточная решительность в укреплении власти Закона».

После роспуска Президентского совета в 1991 году Е. М. Примаков стал членом Совета Безопасности СССР, в составе которого занимался главным образом внешнеэкономической деятельностью. 1990-й и первая половина 1991 года знаменовали собой резкое обострение внутрисоюзных отношений, усилились процессы, которые привели в конце концов к развалу Советского Союза. Настроения в пользу суверенитета стали быстро развиваться и в России. Начало приобретать организационные формы движение в пользу создания компартии Российской Федерации. На заседании Политбюро значительная часть его членов, кандидатов и секретарей ЦК, в том числе и Е. М. Примаков, выступили за то, чтобы ЦК КПСС официально поддержал эту идею.

В это время возник другой российский центр — во главе с Б. Н. Ельциным. Ельцин и его окружение поставили своей целью добиваться абсолютного суверенитета Российской Федерации.

В январе 1991 года Е. М. Примаков принял решение подать в отставку, но М. С. Горбачёв решительно отказал. Его желание оставить Евгения Примакова в «активной команде» подтвердилось в начале марта во время выборов членов Совета Безопасности, когда он настоял на переголосовании его

кандидатуры, и она была принята. На XXVIII съезде партии Е. М. Примаков, как и некоторые другие члены Политбюро, отказался баллотироваться в ЦК.

«Я упорно пытался навести порядок в первую очередь в сфере внешнеэкономической деятельности, за которую нес в Совете Безопасности ответственность. Не приходилось рассчитывать на то, что нам радикально помогут извне обезболить или, во всяком случае, сократить трудности переходного периода. И все-таки... В своем кабинете в Кремле я обсуждал какую-то проблему с моим старым другом академиком С. А. Ситаряном. Секретарша сказала, что пришел Г. А. Явлинский. Я попросил его войти. Это была первая наша встреча.

Он рассказал, что получил приглашение принять участие в семинаре в Гарвардском университете. По его словам, речь шла о выработке конкретных мер экономической помощи Советскому Союзу размером не менее 30 миллиардов долларов. Оговаривалось, что помощь строго целевая: каждая ее часть будет ответом на тот или иной наш шаг по пути реформ. Например, мы отпускаем цены — за этим следует товарная интервенция в СССР с Запада; мы делаем свой рубль конвертируемым — Западом создается стабилизационный фонд. — Можете ли вы со мной подписать письмо о нашей согласии на такую схему? — спросил Явлинский. — Вторая моя просьба — устройте мне встречу с Горбачёвым.

Я ответил утвердительно. На следующий день у меня на квартире мы отредактировали письмо. Явлинский был искренне удивлен, что я, не согласовав ни с кем содержание этого письма, подписал его. Затем его принял Горбачёв».

Вскоре в США была направлена советская экономическая делегация во главе с Е. М. Примаковым. В состав делегации по просьбе Горбачёва включили Г. А. Явлинского, находившегося в это время в Бостоне. Однако в ходе встреч с американским руководством вопрос об экономической поддержке реформ в СССР не был решен. Не дала конкрет-

ных результатов и работа советско-американской группы в Бостоне.

В 1991 году Е. М. Примаков становится «шерпой» — помощником главы государства в отношениях с «семеркой». В обязанности «шерпы» входили предварительные встречи с коллегами с целью подготовки участия СССР в саммите «семерки» в Лондоне. Во время встречи руководителей семи государств с Президентом СССР 17 июля Е. М. Примаков был единственным, кто из советского руководства находился в зале рядом с М. С. Горбачёвым. Он вел подробную запись выступлений. Почти в каждом из них звучал энтузиазм по поводу «исторической первой встречи "семерки" с главой советского государства». Однако было очевидно, что Запад не собирался масштабно поддержать СССР. 19 августа 1991 года произошел путч. В это время Евгений Максимович находился с внуком в санатории «Южный», километрах в 8–10 от дачи в Форосе, на которой отдыхал М. С. Горбачёв с семьей. На следующий день рано утром он приехал в Кремль и вместе с В. Бакатиным выступил против переворота, устроенного ГКЧП.

«При прямом участии А. И. Вольского, который возглавлял в то время промышленный союз, в 11.30 утра 20 августа 1991 года по каналам Интерфакса, а затем многократно по радио "Эхо Москвы" было передано за моей и Бакатина подписями следующее: "Считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц. По имеющимся у нас данным, Президент СССР М. С. Горбачёв здоров".

Ответственность, лежащая на нас как на членах Совета Безопасности, обязывает потребовать незамедлительно вывести с улиц городов бронетехнику, сделать все, чтобы не допустить кровопролития. Мы также требуем гарантировать личную безопасность М. С. Горбачёва, дать возможность ему незамедлительно выступить публично».

Через некоторое время после августовских событий Е. М. Примаков становится главой внешней разведки сначала Советского Союза, а после распада СССР — России. Инициатором его перехода в разведку был В. Бакатин, ставший председателем КГБ.

«Предложение возглавить разведку было настолько неожиданно ошеломляющим, что, каюсь, воспринял его вначале несерьезно. Начисто забыл о нем во время сентябрьской поездки по Ближнему Востоку, куда полетел с большой группой представителей союзных и российских органов власти с целью получить столь необходимые стране кредиты. Нам тогда это неплохо удалось сделать — сумма полученных только несвязанных займов составила более 3 миллиардов долларов. Во время поездок в Саудовскую Аравию, Кувейт, Арабские Эмираты, Египет, Иран, Турцию в полной мере использовал и свои связи, но главное, конечно, было не в них, а в высоком авторитете нашей страны в арабском мире.

Прилетел в Москву окрыленный успехом. Однако для личного доклада меня Горбачёв не вызвал. Он позвонил по телефону и, не сказав ни слова о результатах поездки, предложил в условиях ликвидации Совета Безопасности стать его советником по внешнеэкономическим вопросам. Я понимал, что мне "подыскивается место". Может быть, сказала в какой-то степени обида — предложение делалось как бы мимоходом, по телефону. Так или иначе, я ответил: "Михаил Сергеевич, мне как-то уже надоело советовать". — Тогда соглашайся на работу руководителем разведки, мне Бакатин говорил об этом. — Хорошо, — сходу, неожиданно даже для самого себя, ответил я».

Так с сентября 1991 года Е. М. Примаков назначен начальником Первого главного управления (ПГУ) и одновременно первым заместителем председателя КГБ СССР. Далее в период следующей реорганизации он — начальник Центральной службы разведки (ЦСР) (такое название внешняя разведка получила, обретя организационную самостоятельность). На-

конец, в ноябре 1991 года Е. М. Примаков назначается директором Службы внешней разведки (СВР) РФ. В этом качестве он работал по январь 1996 года.

«Главная моя задача, как я ее понимал, заключалась в сохранении российской разведки. Прежде всего, необходимо было стабилизировать положение в самой СВР. В ней традиционно сосредотачивается цвет офицерского корпуса. В большинстве это интеллигентные, образованные люди, многие из них знают несколько иностранных языков, государственники по своему призванию и профессии. В то же время ряд сотрудников был дезориентирован происходящими переменами, в том числе и разделом на части Комитета государственной безопасности, в котором прослужили уже не один год, а некоторые и не один десяток лет.

В целом офицеры разведки были за демократические преобразования в стране. Однако многих возмущал искусственно раздуваемый настрой против КГБ. Грубо затапывались традиции, всех мазали одной, черной краской. Некоторые "демократы" вообще предлагали не реорганизовать КГБ, а "закрыть" его, а всех сотрудников без разбора уволить.

В таких условиях нужно было идти в двух направлениях — сделать все для улучшения материального положения сотрудников СВР и последовательно, без кадровой ломки вести дело к тому, чтобы найти и утвердить место российской разведки после окончания "холодной войны"».

В своей работе в СВР Е. М. Примаков опирался на поддержку своих старых друзей и знакомых — работников ПГУ, в частности — руководителя группы консультантов, в прошлом первого заместителя начальника В. А. Кирпиченко, В. И. Трубникова — начальника ведущего в политической разведке первого отдела, занимавшегося Соединенными Штатами, В. И. Гургенова — заместителя начальника, в качестве советника, сопровождавшего его

в поездках в Ирак и другие страны во время кризиса в зоне Персидского залива.

Окончание «холодной войны» диктовало необходимость адаптироваться к реалиям, сложившимся в мире. Нужно было отходить от глобализма, тотальности в работе внешней разведки. Как важнейшая ставилась задача отслеживания изменений в подходах к так называемым «критическим технологиям», корректировки их приоритетности в ведущих индустриальных государствах. Изоляционизм угрожал тупиком научно-техническому прогрессу в России.

Несмотря на возрастающее значение научно-технической разведки, приоритетной для СВР оставалась политическая разведка — получение информации о намерениях других государств, особенно в отношении России. Наряду с существовавшими еще в ПГУ аналитическими подразделениями было создано новое управление, работе которого придавался особый смысл. Оно занималось обострившейся проблемой распространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения и средств их доставки.

В 1992 году Е. М. Примаков добился принятия закона «О внешней разведке РФ». Важным направлением работы СВР стало отслеживание экономических и политических процессов, которые могли бы нанести ущерб интересам России. Создано подразделение, в функции которого входили: контроль за выполнением зарубежными странами экономических соглашений, заключенных с Россией, определение объективных и субъективных причин в случае, если такие соглашения не претворяются в жизнь; определение реальной, а не запросной позиции зарубежных партнеров при подготовке соответствующих документов; действия, способствующие возвращению долгов России; проверка истинной дееспособности фирм, предлагающих свои услуги различным российским государственным организациям, и так далее.

Было принято решение периодически публиковать открытые доклады СВР, с тем чтобы знакомить не только руководство, но и широкую общественность — и российскую, и зарубежную — с выводами аналитиков разведки по самым животрепещущим проблемам. Достоянием общественности стали и многие из закрытых ранее эпизодов жизни внешней разведки, возвращены истории неизвестные имена разведчиков — самоотверженных борцов за интересы своего народа. Начался выпуск и многотомных очерков по истории разведки России.

На внутреннем положении разведки, на ее боеспособности не мог не отразиться новый для нее вопрос — участвовать или нет во внутривнутриполитических процессах в своей стране.

«В октябре 1993 года, когда произошло прямое столкновение парламента с президентом, мы, естественно, не затыкали уши ватой, следили за происходившим не как посторонние наблюдатели, но непосредственно не вмешивались в события. Я не собирал директорат для вынесения политических вердиктов, как это сделали все остальные российские спецслужбы. Созвал лишь совещание руководителей ряда подразделений СВР, дав указание усилить охрану территории штаб-квартиры, а офицерам не выходить в город с табельным оружием. Любая политическая заангажированность в тот момент нам дорого стоила бы — мы могли потерять значительную часть своего агентурного аппарата».

Новым для внешней разведки России стало развитие контактов и взаимодействие со спецслужбами различных стран, в том числе входящих в НАТО. Речь шла о качественно иных контактах — с теми, кто прежде рассматривался лишь как противник. В октябре 1992 года Москву по приглашению Е. М. Примакова посетил директор ЦРУ Роберт Гейтс. Он встретился также с министром внутренних дел и министром безопасности, начальником Генерального штаба Вооруженных сил России. В июне 1993 года состоялись встречи на «высшем разведывательном уровне» Е. М. Примакова и нового

директора ЦРУ Дж. Вулси в США. Обсуждались югославский кризис, положение на Ближнем Востоке, исламский фундаментализм, проблемы борьбы с наркобизнесом, нераспространением оружия массового уничтожения. О многом говорит тот факт, что обсуждения проходили в Лэнгли — штаб-квартире ЦРУ. Ответный визит в Россию директора ЦРУ и его коллег по разведке состоялся в августе 1993 года.

Американцы стремились получить через сотрудничество с СВР достоверную информацию о том, что происходит в России. Это создавало хорошие возможности для доведения непосредственно до высшего руководства США информации, отражающей реальную действительность.

Перелом в отношениях между СВР и ЦРУ произошел в связи с «делом Эймса». Конечно, арест Эймса был пренеприятнейшим событием для нас — мы потеряли важнейший источник в самом ЦРУ, — но и для США: выяснилось, что в течение многих лет он передавал нам важнейшую информацию. Но даже при всем этом можно было «спустить эмоции на тормозах» — ведь никто не застрахован от подобных провалов в то время, когда никто не отказывается от разведдеятельности.

В январе 1996 года в жизни Е. М. Примакова совершается очередной крутой поворот: он назначается Министром иностранных дел Российской Федерации.

«Я совершенно определенно не хотел переходить в МИД и об этом сразу же сказал Борису Николаевичу. Причем привел, как мне казалось, убедительные доводы, среди которых не последнее место занимала легко прогнозируемая негативная реакция на Западе, где меня не так уж редко называли "другом Саддама Хусейна", считали "аппаратчиком старой школы". Но предложение было слишком настойчивым, и я не мог его отвергнуть.

Через три дня после назначения министром иностранных дел, 12 января 1996 года, состоялась пресс-конференция. Пресс-центр МИД на Зубовской площади был переполнен.

Интерес журналистов подогревался и неоднозначными оценками решения о моем переходе в МИД, особенно в США и некоторых других странах. Отклики продолжали поступать и после пресс-конференции. Характерной была статья в "Нью-Йорк Таймс" У. Сафайра, который писал, что мое неожиданное появление в качестве министра иностранных дел России приводит Запад в состояние озноба. По его словам, выбор "дружелюбного змея", который возглавлял шпионское агентство, сигнализирует, что пришел конец "мистера Хорошего Парня" в российской дипломатии».

За годы работы на посту Министра иностранных дел РФ Е. М. Примаков объездил весь мир — бывшие республики СССР, Чехию, Венгрию, Словакию, Польшу, Югославию, Индию, Сирию, Израиль, Мексику, Кубу, Венесуэлу, Индонезию, Финляндию, Италию, Ватикан, Францию, Германию, Португалию, Японию, США, Бразилию, Аргентину, Колумбию, Коста-Рику. Откровенные отношения установились у него с министрами иностранных дел Франции — Эрве де Шареттом, Юбером Ведрином, ФРГ — Клаусом Кинкелем, Италии — Ламберто Дини, Канады — Ллойдом Эксуорси, Швеции — Леной Ельм-Валлен, Финляндии — Тарьей Халонен, Швейцарии — Флавио Котти, Мексики — Гурриа, Индии — Гуджралом, Японии — Икэдой и другими. С некоторыми министрами, например, Египта, Китая, его связывали многолетние хорошие отношения.

Не столь успешно складывались отношения с официальными представителями США. Первая встреча Е. М. Примакова с госсекретарем США У. Кристофером состоялась 9 февраля 1996 года в Хельсинки, где Евгений Максимович сознательно нарушил протокол. Американцами предлагалось: когда У. Кристофер выйдет в плаще из своей машины у резиденции российского министра, Е. М. Примаков пойдет к нему (тоже в плаще) и они перед кинокамерами пожмут друг другу руки. Но Примаков к машине Кристофера

не пошел, а остался стоять в костюме на крылечке, чем поставил Кристофера в положение гостя.

«В ходе встречи одной из главных проблем разговора стало будущее НАТО. — Известно, — сказал я Кристоферу, — что Россия не намерена стучать кулаком по столу, как, к сожалению, и вы, и мы делали в эпоху "холодной войны". Но это отнюдь не снимает наших весьма серьезных тревог в связи с расширением Североатлантического альянса. Нам заявляют, что НАТО не собирается вести военные действия против России. Но и вам известно, что российские ракеты не нацелены на США. Однако следует ли из этого, что Вашингтон был бы готов поддержать наращивание Россией ее ракетно-ядерного потенциала, не нацеленного на Соединенные Штаты? Так или иначе, само приближение НАТО к российским границам создает совершенно новую, крайне невыгодную для нас военно-политическую и геополитическую ситуацию. — Президент Клинтон, — сказал госсекретарь, — ясно заявлял, что начиная с 1993 года НАТО будет расширяться».

Разговор с Кристофером не оставил сомнений в том, что с нами решили не считаться при расширении НАТО. В первые же дни пребывания на Смоленской площади Е. М. Примаков собрал совещание по НАТО. В сложившейся ситуации было решено не сходить с негативной позиции в отношении расширения НАТО и одновременно вести переговоры с целью минимизировать последствия, в наибольшей степени угрожающие безопасности и не отвечающие интересам страны. Было ясно, что США осуществляют координацию между всеми западными участниками «параллельных» контактов с Россией. Но одновременно далеко не все из них считали безупречной крайнюю позицию, проталкиваемую госсекретарем Соединенных Штатов.

Например, министру иностранных дел Германии К. Кинкелю принадлежала идея создания Совета Россия — НАТО, где

Россия была бы представлена на равноправной основе. Президент Франции Ж. Ширак высказал идею «цепочки»: реформирование НАТО, затем диалог между Россией и обновленным Североатлантическим альянсом с целью установления особых отношений Россия — НАТО, а затем уже переговоры о его расширении, включая формы и содержание. Во время встречи «восьмерки» в Лионе Ж. Ширак подчеркнул, что идею такой «цепочки» разделяет и Федеральный канцлер Г. Коль.

У. Кристофера сменила М. Олбрайт — волевая, решительная, неплохо знающая русский язык, активная сторонница продвижения НАТО на Восток и силового решения международных конфликтов. Несмотря на столь сильные противоречия во взглядах, у Е. М. Примакова и М. Олбрайт вскоре сложились не только конструктивные деловые, но и дружеские отношения, основанные на взаимном уважении и даже доверии.

В сентябре 1996 года Е. М. Примакову предстояли важнейшие встречи в Нью-Йорке, куда он должен был вылететь на заседание Генеральной ассамблеи ООН. 24 сентября в здании миссии США при ООН состоялась его встреча с президентом Клинтоном. *«С первых дней пребывания на своем посту, — сказал Б. Клинтон, — я был привержен идее создания демократической России, чтобы она стала надежным и сильным партнером США в XXI веке». При этом Б. Клинтон выделил — признаюсь, тогда неожиданно для меня — особое значение наших совместных, скоординированных действий, так как в течение предстоящих 25 лет, по его словам, вероятно возникновение конфликта между Индией и Пакистаном, с угрозой сползания к опаснейшей перспективе применения ядерного оружия. «То же самое можно сказать и о Ближнем Востоке, — добавил президент, — мирное урегулирование и здесь невозможно без совместного участия России и Соединенных Штатов».*

Перед российско-американским саммитом в Хельсинки, намеченным на 20–21 марта 1997 года, в Вашингтоне на встрече Е. М. Примакова и М. Олбрайт в результате

трудных дискуссий удалось подтвердить обязывающий характер документа об отношениях Россия — НАТО, который должен был быть подписан высшими руководителями России и всех стран НАТО. Впервые было получено согласие включить в совместное Заявление заверение от имени президента США, что вблизи России не произойдет наращивания постоянно размещенных боевых сил НАТО. Американцы согласились не только отразить в Заявлении по европейской безопасности положение о неподвижности ядерного оружия, но и зафиксировать необходимость включения этого заверения в документ Россия — НАТО. В совместное Заявление было включено положение об ОБСЕ как универсальной организации, которая может играть особую роль в системе европейской безопасности. Еще один результат встречи высших должностных лиц России и США: согласованный текст Заявления двух президентов по стратегическим наступательным вооружениям. Оно включило в себя продление сроков сокращения вооружений по Договору СНВ-2. Все проекты, подготовленные Е. М. Примаковым и М. Олбрайт на встрече в верхах в Хельсинки, превратились в документы. Позднее, в сентябре того же года, в Нью-Йорке Е. М. Примаков и М. Олбрайт подписали на основе хельсинкских заявлений юридические соглашения по СНВ и ПРО, открывшие дорогу для ратификации Договора по СНВ-2 и начала переговоров о более глубоких сокращениях стратегических наступательных вооружений РФ и США в рамках СНВ-3. основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора был подписан 27 мая в Парадном зале Елисейского дворца.

Начало лета 1997 года было ознаменовано переходом к практическому сотрудничеству в рамках Совместного постоянного совета Россия — НАТО (СПС). На Совете председательствовали представители России, генеральный

секретарь НАТО и, в порядке ротации, представитель одного из государств-членов НАТО.

«Впервые я взял в свои руки молоток и утвердил повестку дня встречи СПС на министерском уровне 26 сентября 1997 года в Нью-Йорке. Конечно, кое для кого все происходящее было запредельно. Представитель России предоставлял слово министрам иностранных дел стран НАТО, включая и госсекретаря США, а затем после каждого выступления комментировал его, выделяя главные идеи и предлагая остальным на них сосредоточиться. Оказывается, такая форма ведения заседаний в НАТО ранее была не принята, но нужно было считаться с полным равноправием всех участников Основополагающего акта.

Это был несомненный успех сил, добивающихся стабильности международной обстановки. Но угрожающая ситуация начала развиваться вокруг Ирака. Камнем преткновения в то время стала Спецкомиссия ООН, созданная после эвакуации иракских войск с территории Кувейта для инспекции различных объектов Ирака с целью выявления и ликвидации оружия массового уничтожения. 23 октября 1997 года Совет Безопасности ООН десятью голосами при пяти воздержавшихся (Россия, Франция, Китай, Египет, Кения) принял по докладу Спецкомиссии резолюцию 1174, в которой были осуждены неоднократные случаи отказа иракских властей разрешить допуск на объекты, указанные Спецкомиссией. Однако вскоре из-за отказа иракцев в допуске на объекты американцев инспекционные работы Спецкомиссии были фактически заморожены. Началась эскалация политических мер. В ответ иракским руководством было принято решение выслать из Ирака граждан США, работающих в Спецкомиссии. Соединенные Штаты при поддержке Великобритании начали интенсивную подготовку военного удара по Ираку. 9 ноября, в воскресенье, Ельцин вылетал в Пекин. Сопровождал президента в этой поездке и я. Как только

самолет набрал высоту и погасло табло, требующее находиться на местах, ко мне наклонился адъютант Ельцина и сказал: "Борис Николаевич просит Вас к себе".

По просьбе Ельцина я изложил свое видение обстановки на Ближнем Востоке и сказал, что нужно предпринять экстраординарные меры для того, чтобы сбить напряженность и одновременно заставить Ирак выполнять предписания мирового сообщества, зафиксированные в резолюциях Совета Безопасности ООН. Родилась идея направить жесткое послание Ельцину Саддаму Хусейну».

В послании говорилось: «Просил бы Вас не только публично подтвердить то, что Ирак не отказывается от сотрудничества со Спецкомиссией, но и предложить инспекторам Спецкомиссии вернуться в Ирак для нормального продолжения работы. Естественно, при этом имелось бы в виду возвращение их в прежнем составе». 17 ноября из телефонного разговора с министром иностранных дел Ирака Саххафом Е. М. Примаков узнал, что после обсуждения на Совете революционного командования С. Хусейн утвердил ответ на послание президента Б. Н. Ельцина. На следующий день в Москву прибыл Т. Азиз. В подготовленном совместном российско-иракском заявлении Ирак дал согласие на возвращение Спецкомиссии в полном составе, Россия же брала на себя ряд обязательств по сближению сторон.

В ночь на 20 ноября в Женеве состоялась встреча министров США, России, Англии, Франции и посла Китая. Е. М. Примаков и М. Олбрайт представили коллегам проект «заявления пяти». После согласования текст был подписан. В нем подчеркивалась важность солидарных усилий постоянных членов Совета Безопасности ООН в целях безусловного и полного выполнения Ираком всех соответствующих резолюций СБ ООН. Подписавшие заявление приветствовали дипломатическую инициативу, предпринятую Россией в контакте со всеми остальными постоянными членами Со-

вета Безопасности. Одна из опаснейших страниц в кризисе вокруг Ирака была в то время закрыта.

1998 год поставил перед Министерством иностранных дел РФ и его главой новые сложнейшие внешнеполитические проблемы. В конце февраля 1998 года произошло резкое обострение ситуации в Косово, о котором Е. М. Примаков предупреждал президента С. Милошевича еще в 1996 году. 9 марта в Лондоне на заседании контактной группы США, Великобритания, ряд других европейских стран высказали предложение о введении экономических и иных санкций против Югославии. В части санкций Россия поддержала лишь положения, предусматривающие временные ограничения на поставки в СРЮ оружия и техники военного назначения, исходя из того, что запрет касается поставок вооружений и косовским сепаратистам. 17 марта Е. М. Примаков встретился в Белграде с С. Милошевичем в рамках рабочего визита по четырем бывшим югославским республикам.

«Я убеждал Милошевича выступить с инициативными шагами об автономном статусе Косово, отвести воинские части в места их постоянной дислокации, взять личную ответственность за начало переговоров с лидером более или менее умеренного крыла косовских албанцев Ругова и объявить об этом, согласиться на приезд в Косово группы наблюдателей ОБСЕ.

Вечером во время ужина, который был дан в нашу честь, незадолго до этого избранный президентом Сербии Милутинович сказал, что Милошевич принял наши предложения. Однако утром объявление о намерении начать переговоры с албанской стороной было сделано от имени Милутиновича. Милошевич как бы оказался в стороне. Несмотря на то, что ряд высказанных нами идей не нашел отражения в заявлении Милутиновича, мы остались довольны результатом, так как шаг вперед был сделан со стороны Белграда. 25 марта в Бонне состоялось заседание контактной группы на уровне министров иностранных дел. М. Олбрайт жестко

настаивала на эскалации требований и мер в отношении Белграда. В конце концов, удалось принять документ, в котором констатировалось, что решение косовской проблемы должно базироваться на сохранении территориальной целостности СРЮ, соблюдении стандартов ОБСЕ, принципов Хельсинки и Устава ООН. При этом объявленные 9 марта санкции сохранялись. 22 мая в Приштине прошло первое рабочее заседание делегаций сторон. Однако через неделю ситуация в Косово снова взорвалась. Боевики ОАК предприняли попытку установить контроль в приграничных с Албанией районах края. В ответ сербы провели широкомасштабную полицейскую операцию в районах западного Косово.

Становилась все более очевидной возможность применения силы НАТО против Югославии, хотя целый ряд европейских государств, в том числе членов НАТО, колебались в отношении осуществления такой акции, особенно в обход Совета Безопасности ООН. Я как-то сказал М. Олбрайт: "Россия присутствует на Балканах двести лет, если не больше. Непостижимо, почему американцы хотят навязать Балканам свои рекомендации, не советуясь с нами, или решить по-своему существующие здесь конфликты"».

16 июня 1998 года состоялась встреча президентов России и Югославии в Кремле. Е. М. Примаковым совместно с С. Милошевичем было разработано Совместное заявление, в котором говорилось о готовности СРЮ начать переговоры с ОБСЕ о приеме ее миссии в Косово и незамедлительно продолжать переговоры по всему комплексу проблем. Таким образом, Россия, и это подтверждалось выводами объективных наблюдателей, дипломатическими средствами сняла необходимость применения силы против Белграда. После совместного заявления, подписанного в Москве, положение в Косово начало улучшаться. Казалось, дело идет к политической развязке.

Но события разворачивались иначе. В сентябре в Сочи, где отдыхал Е. М. Примаков, произошла его встреча

с представителем К. Кинкеля, прибывшим с «архиважным личным посланием по Косово».

«Он прилетел с переводчиком на рейсовом самолете из Москвы и вручил мне обширное послание министра иностранных дел Германии. Критикуя нашу позицию, блокирующую ссылку на главу VII в резолюции Совета Безопасности ООН, Кинкель угрожающе писал о "приближении" значительных рисков для: — отношений между Западом и Россией, включая и отношения между Россией и НАТО; — позиции России в Совете Безопасности и способности России играть свою роль в урегулировании международных кризисов; — роли России в контактной группе; — нашей способности конструктивно и сообща сотрудничать в других областях, включая экономические и финансовые вопросы.

Обосновывая "исключительную заинтересованность" Германии в принятии ссылки на главу VII, Кинкель сослался на растущее число беженцев, устремляющихся в Германию ("мы исходим из того, что 400 000 косовских албанцев проживают в Германии и ежемесячно добавляются 2000 лиц, ходатайствующих о получении убежища"). "Я пишу все это тебе, — заключил Клаус Кинкель свое "неординарное" послание, — как человек, которому, как ты знаешь, очень близки к сердцу отношения с Россией. Именно потому, что я очень озабочен, я думаю, что я, как друг, обязан так откровенно тебе все сказать".

Прочитав письмо при посланце Кинкеля, я сказал ему: "Передайте Клаусу, что мы расходимся в понимании происходящего в эти дни в Косово. Напряженность там не возрастает. Следует продолжать поиск политического выхода — и нам, и американцам, и ЕС. Позиция России постоянна. Она, образно говоря, состоит из четырех "нет": натовской вооруженной операции против Белграда; выводу Косово из Югославии; эскалации санкций против СРЮ; сохранению нынешнего статуса Косово, который не предоставляет автономии

этому краю. Необходимо добиваться немедленного прекращения огня с двух сторон и начать переговоры"».

В этой острейшей ситуации в карьере министра иностранных дел Е. М. Примакова произошли капитальные изменения. Сентябрь 1998 года засвидетельствовал глубокий политический кризис в России. После того как Государственная дума дважды отклонила кандидатуру В. С. Черномырдина, предлагаемую президентом на пост главы правительства, Б. Н. Ельцин предложил возглавить правительство Е. М. Примакову. Евгений Максимович отказался.

«Выйдя из кабинета президента, в коридоре натолкнулся на поджидавших меня людей: главу администрации Юмашева, руководителя протокола президента Шевченко и дочь Бориса Николаевича Дьяченко. Я развел руками — сказал, что не мог согласиться. Тогда Володя Шевченко, с которым меня связывают годы приятельских отношений, буквально взорвался — я никогда не видел его в таком возбужденном состоянии. — Да как вы можете думать только о себе, разве вам непонятно, перед чем мы стоим? 17 августа взорвало экономику. Правительства нет. Дума будет распущена. Президент физически может не выдержать в любой момент. Есть ли у вас чувство ответственности?!

Я отреагировал вопросом: "Но почему я?" — Да потому, что Думу и всех остальных сегодня устроит именно ваша кандидатура, и потому, что вы сможете.

После моего спонтанного согласия меня начали обнимать. Кто-то побежал сообщить президенту».

В тот же день 12 сентября президент направил представление в Государственную думу. При голосовании Е. М. Примаков получил 317 «за» — больше конституционного большинства.

«Перед правительством в это время стояли сложнейшие задачи. К середине 1998 года в России в полную силу развились процессы, которые толкали страну в пропасть. Падало производство, росла безработица, месяц от месяца

накапливались долги по заработной плате бюджетников, денежному довольствию военнослужащих, пенсиям. Забастовки не только захлестывали страну, но принимали все более опасный характер. Когда я пришел в Белый дом, на его пороге сидели шахтеры, разбившие здесь палаточный лагерь и стучавшие периодически касками по асфальту, — они требовали выплаты заработной платы. Начал "расшатываться" установленный Центробанком валютный коридор, в пределах которого мог колебаться курс рубля. Угроза "взрывного" роста цен становилась все более ощутимой.

Мои заместители и я сказали друг другу: не решим незамедлительно задачи своевременных выплат всех категорий денежных зарплат и пенсий и не начнем погашать долги по ним — нам в правительстве делать нечего».

Коренной поворот в экономической политике России был невозможен без создания условий для развития производственного сектора. В числе наиболее важных вопросов, вставших перед правительством Е. М. Примакова, была «расшивка» неплатежей. Вопреки мнению МВФ и прежней практике, правительство приступило к взаиморасчетам между бюджетом и предприятиями, что уже на первых порах высвободило 50 миллиардов рублей. Был взят курс на уменьшение числа налогов и их снижение. Наряду с этим началась серьезная борьба с махинациями, которые проделывались для того, чтобы уходить от налогов совсем или не платить их в полном объеме. Немалое значение для пополнения бюджета всех уровней имело введение государственного контроля за производством и торговлей алкогольной продукцией. В центр внимания правительства попали также вопросы, связанные с продажей государственной собственности. Правительство резко выступило против необоснованного роста цен и тарифов на продукты и услуги естественных монополий.

Тенденция экономического роста появилась уже в конце 1998 года. Последовательно сокращался спад производства.

Апрель 1999 года превысил уровень апреля 1998 года. Позитивная динамика в экономике способствовала тому, что на 1999 год был предложен и принят Госдумой жесткий, но реальный бюджет. Его удалось выполнить полностью. Впервые за 1990-е годы доходы бюджета превысили расходы. С целью погашения накопленных предшественниками задолженностей был установлен первичный профицит, который достиг 2%.

«Вскоре после вступления в должность <...> осложнились <...> отношения с Кремлём. Насторожили разговоры управляемых извне СМИ о том, что нынешней экономической команде не удастся переломить тяжелейшую ситуацию, сложившуюся после 17 августа. Меня при этом — пока (!) — никто не трогал. Судя по всему, расчет был вполне определенный: через некоторое время, скажем так, через пару тройку месяцев, заменить "левую" часть команды, а меня, "полезного для общества" (ведь я получил широкую поддержку — никуда от этого не денешься), превратить в "карманного премьера", соглашающегося, не неся ответственности за экономику, работать с совсем другими по своим взглядам людьми, которых мне "дадут" в правительство».

Постоянно предпринимались попытки скомпрометировать заместителей Е.М. Примакова, начиная от распространения слухов о том, что на государственные посты назначаются люди за взятки, и кончая огульными обвинениями в коррупции в связи с их деятельностью до вхождения в правительство. Что касается самого Е.М. Примакова, он не был мишенью для подобных наветов. Вынужденные согласиться с очевидными достижениями правительства в области стабилизации политической ситуации, противники Е.М. Примакова начали обвинять его и кабинет в целом в бездействии в области экономики.

«Им было невдомек, что если бы мы не принимали решительных и продуманных, взвешенных мер в экономической области, способных одновременно дать результат

и в социальной сфере, то наше правительство попросту не смогло бы удержать политическую ситуацию в России».

Возглавляемый Е. М. Примаковым кабинет придерживался левоцентристских взглядов, и это создавало почву для определенного сближения с левыми силами. Е. М. Примаков имел контакты с Г. А. Зюгановым и другими руководителями КПРФ, во время которых происходил обмен мнениями о деятельности правительства. Но стремления к политическому союзу не наблюдалось ни с одной стороны. Такой союз мог бы возникнуть лишь в том случае, если бы компартия сделала упор на необходимость единства всех «государственников», патриотов, осознав и отразив в своих документах, что возврата к командно-административной модели общественного и экономического устройства быть не может.

С первых же дней работы в правительстве Е. М. Примаков публично подчеркивал, что мероприятия кабинета всегда обговариваются с президентом или осуществляются после получения его санкции. При этом он неоднократно говорил Б. Н. Ельцину, что не имеет президентских амбиций.

«Однако вскоре у Ельцина появились сомнения — его целенаправленно информировали о том, что я "веду свою партию". Ничего у меня не получилось и со стремлением участвовать в обсуждениях, призванных найти оптимальные решения для президента, все больше отходящего по состоянию здоровья от самостоятельного руководства страной. В октябре 1998 года я пригласил к себе в Белый дом Татьяну Дьяченко — дочь Бориса Николаевича, которая играла в "семье" роль скорее не идеолога-стратега, а исполнителя, так как больше, чем другие из окружения, имела к нему доступ и знала, когда можно у него подписать ту или иную бумагу или получить нужную резолюцию.

Мы встретились в моем кабинете в Доме правительства. У меня не было никакой предвзятости в отношении нее. Я начал разговор со слов: "У нас с вами общая цель — сделать все, чтобы

Борис Николаевич закончил свой конституционный срок в кресле президента. Досрочный его уход в нынешних условиях не соответствует интересам стабилизации обстановки в России. Давайте думать и о тактике. Необходимо показать стране, миру, что президент работает бесперебойно и эффективно. Если вы разделяете сказанное мной и не сомневаетесь в моей искренности, то почему замкнулись в узком кругу? К тому же я не новичок в анализе ситуаций, прогнозных оценках, выработке вариантов. "Да что вы, Евгений Максимович. Мы так вас уважаем". К этому был сведен ответ на высказанные мною недоумение и предложение работать вместе. Так была захлопнута дверь, которую я пытался распахнуть. Мотив мог быть только один: окружение президента понимало, что я не соглашусь играть в оркестре, дирижируемом олигархами».

На первые месяцы работы Е. М. Примакова во главе правительства пришлось пережить болезни президента. В это время по поручению главы государства ему приходилось принимать высоких гостей, вести переговоры, устраивать приемы. Вместо президента Е. М. Примаков участвовал в саммите государств Азиатско-Тихоокеанского региона в Малайзии, посетил Австрию для встречи с руководством ЕС. На его плечи лег прием в Москве первых руководителей Германии и Израиля — Шредера, Нетаньяху и других. Тема передачи функций президента председателю правительства стала распространяться в средствах массовой информации.

Все более становилось очевидным: отношения президента и премьера обостряются. И это на фоне распространившихся предположений о том, что Б. Н. Ельцин настроен на запрет КПРФ, введение чрезвычайного положения, срыв предстоящих президентских выборов. 22 января 1999 года Е. М. Примаков направляет письма председателям двух палат российского парламента, в которых предлагает выступить с совместным заявлением о добровольно принимаемых на себя обязательствах, действующих до новых президентских выборов.

Со стороны президента это — обещание не распускать Думу и не использовать право отставки правительства, со стороны правительства — не ставить в Государственной думе вопрос о доверии, со стороны Думы — отказ от импичмента. Совещание членов Совета безопасности, посвященное подготовке документа, состоялось 5 февраля. Проводил его по поручению президента Е. М. Примаков. Но идея совместного заявления ни в той, ни в другой редакции так и не была реализована. Тем временем рейтинг правительства и его руководителя продолжал расти. Но параллельно увеличивалось и количество публикаций и телепередач, в которых все более грубой и беспредметной критике подвергался кабинет, стучались прогнозы по поводу его предстоящей замены.

Между тем в 1999 году, несмотря на предпринимаемые правительством меры, направленные на привлечение и восстановление доверия иностранных инвесторов, несмотря на то, что наиболее крупные иностранные компании не покинули российский рынок после событий 17 августа, двусторонние отношения России с рядом зарубежных стран оставляли желать лучшего.

«На середину двадцатых чисел марта было назначено заседание российско-американской комиссии, которую возглавлял со стороны США вице-президент А. Гор, а с нашей сменявшие друг друга председатели правительства — Черномырдин, Кириенко, а теперь и я. Мы провели серьезную подготовку к поездке. Заранее в США для проведения переговоров с американцами вылетел ряд членов кабинета. Я подготовился к принятию участия в рассмотрении вопросов не только на пленарных заседаниях комиссии, но и на ее профильных комитетах.

Намечена была встреча и с представителями крупного американского бизнеса, которых я намеревался пригласить к самому активному сотрудничеству с нами.

В целом экономическая программа визита в США оказалась сверстана хорошо. Правительство считало своей важной задачей защиту за рубежом интересов отечественного бизнеса вне зависимости от форм собственности. И конечно, поездка в США давала возможность провести беседы с президентом, вице-президентом, государственным секретарем по всей сумме российско-американских отношений».

В связи с предстоящей встречей в Вашингтоне отчетливее зазвучала «косовская нота». Помощник вице-президента США Л. Ферг 22 марта, подчеркнув, что читает заранее и тщательно подготовленный текст, сообщил следующее по телефону помощнику председателя правительства К. И. Косачеву: 1. В Вашингтоне считают предстоящий визит Е. Примакова очень важным для обеих сторон. 2. Этот визит будет проходить на фоне быстро развивающейся ситуации вокруг Косово. 3. Американская сторона дает еще один шанс С. Милошевичу, направив в Белград Р. Холбрука. 4. Если эта встреча не принесет искомым результатов, С. Милошевич будет нести всю полноту ответственности за последствия, включая проведение военной операции. 5. Главное, чтобы Е. Примаков понимал серьезность ситуации и чтобы возможные действия американской стороны не явились для него сюрпризом. Американская сторона хочет быть в этом вопросе абсолютно понятной.

Для вручения А. Гору Л. Фергу был передан следующий ответ: «Примаков также считает свой визит в США очень важным. Он тщательно готовится к предстоящим переговорам. Но, получив ваш сигнал, просил передать следующее. В Вашингтоне хорошо известна позиция России — мы против применения силы в отношении Югославии. Тем более, что при всей сложности ситуации далеко не считаем исчерпанными политические меры. Если США все же пойдут на военную акцию против Югославии, то Примакову, естественно, не останется ничего иного, как прервать свой визит». 23 марта утром самолет, взлетевший

с правительственного аэродрома Внуково-2, взял курс на США. На борту вместе с Е. М. Примаковым находились: ряд министров, губернаторы Э.Э. Россель, К. А. Титов, В. А. Яковлев, председатель Центробанка В. В. Геращенко, видные бизнесмены В. Ю. Алекперов, Р. И. Вяхирев, помощники и другие. Во время промежуточной посадки в Шенноне в 15 часов по московскому времени в телефонном разговоре с Примаковым А. Гор подтвердил, что «вероятность удара постоянно нарастает, так как переговоры с Холбруком в Белграде ни к чему не ведут». «С учетом того значения, которое имеют для нас отношения с США, — сказал Е. М. Примаков, — я принимаю решение вылететь в направлении Вашингтона. Но если во время моего полета все-таки будет принято американское решение об ударе по Югославии, прошу немедленно предупредить меня об этом. В таком случае я не приземлюсь в США». После того, как самолет взлетел и взял курс на Вашингтон в 21.00 по московскому времени, поступил звонок от А. Гора. После разговора Евгений Максимович пригласил к себе всю команду и проинформировал о принятом им решении развернуться над Атлантикой и лететь домой. Все единодушно высказались за это решение.

В ночь на 25 марта Югославия подверглась бомбардировкам и ракетному обстрелу НАТО. 30 марта Е. М. Примаков по просьбе президента Франции Ширака вылетел вместе с российскими министрами иностранных дел и обороны, руководителями СВР в Белград, где встретился с президентом С. Милошевичем. Итогом встречи стало заявление Милошевича о готовности к политическому урегулированию путем переговоров представителей национальных общин Косово; к переговорам для обеспечения равных прав всего населения Косово вне зависимости от национальности и вероисповедания; началу отвода югославских вооруженных сил, находящихся

ся в Косово, и обеспечению возвращения беженцев сразу же после прекращения бомбардировок.

Но ответ на любой сигнал со стороны Югославии в это время уже был предопределен. Победила продиктованная США линия на продолжение бомбардировок. Президентские выборы в октябре 2000 года выиграл Коштуница. В Косово были введены многонациональные вооруженные силы.

Не были использованы дипломатические достижения российского МИДа и в деле мирного урегулирования ситуации на Ближнем Востоке. Еще в октябре 1998 года Совет Безопасности ООН одобрил предложение Генерального секретаря ООН о проведении всеобъемлющего обзора выполнения Ираком резолюций СБ. Впоследствии, по мере того как Спецкомиссия убеждалась в отсутствии у Ирака оружия массового уничтожения (ОМУ), постоянными членами Совета Безопасности мог быть согласован график снятия санкций. Зажегся бы свет в конце тоннеля для Ирака.

Но Соединенные Штаты Америки пошли по другому пути. 2 октября 2002 года Конгресс США принял резолюцию, разрешающую администрации применять силу против Ирака без предварительного одобрения СБ ООН. После заявлений о том, что Ирак обладает различными видами ОМУ, в том числе ядерным оружием, представляет собой угрозу безопасности Соединенных Штатов, американские войска оккупировали страну. В дальнейшем высокие должностные лица США вынужденно признали, что в Ираке не обнаружено ни ядерное оружие, ни другие виды ОМУ.

«Россия до самого начала операции против Ирака пыталась ее предотвратить. За три недели до американского вторжения ночью меня вызвал к себе президент Путин, и утром я уже вылетел в Багдад, имея поручение передать его устное послание Саддаму Хусейну.

В послании содержалось предложение Хусейну уйти с поста президента и обратиться в парламент с просьбой про-

вести демократические выборы. Если вы живете интересами своей страны и своего народа, просил передать Путин Хусейну, то вам следует сделать это, чтобы попытаться остановить Вашингтон. Саддам сказал несколько несвязанных фраз, похлопал меня по плечу и ушел.

Но вернемся к событиям марта–мая 1999 года.

По-настоящему атака на меня началась и участь как премьера была предопределена, когда стало ясно о моем серьезном намерении бороться с экономическими преступлениями и коррупцией.

Окружение президента не могло не знать, что вскоре после вступления в должность премьера я обратился к руководителям различных министерств и ведомств, в том числе правоохранительных, с указанием лично изложить их видение обстановки, связанной с экономической преступностью и коррупцией. Полученные ответы были весьма показательны. Из первых рук поступили свидетельства о многочисленных аферах и глубине проникновения экономической преступности. Ответы подтверждали несомненную осведомленность о тех каналах, через которые проникает зло. Одновременно содержание полученных докладов и записок не оставляло ни грама сомнений: у Ельцина отсутствовала политическая воля вести решительную борьбу с опаснейшим антиобщественным явлением, которое захлестнуло страну».

Е. М. Примаков получил доклады от Государственного таможенного комитета, руководителя Федеральной службы по валютно-экспортному контролю, директора Федеральной службы безопасности, Генерального прокурора Российской Федерации, министра внутренних дел, Высшего арбитражного суда РФ, министерства юстиции. Соответствующие выдержки из представленных докладов были направлены в министерства и ведомства, отвечающие за состояние дел в той или иной области. Им было предложено в кратчайшие сроки доложить в письменной

форме руководителю правительства о предпринимаемых конкретных мерах.

Тем временем в печати муссировались слухи, направленные на то, чтобы создать в обществе мнение, будто глава правительства ведет страну чуть ли не к 1937 году. 12 мая 1999 года Е. М. Примаков был приглашен на очередной доклад к президенту.

«Как только вышли журналисты, президент сказал: — Вы выполнили свою роль, теперь, очевидно, нужно будет вам уйти в отставку. Облегчите эту задачу, напишите заявление об уходе с указанием любой причины. — Нет, я этого не сделаю. Облегчать ничего не хочу. У вас есть все конституционные полномочия подписать соответствующий указ. Но я хотел бы сказать, Борис Николаевич, что вы совершаете большую ошибку. Дело не во мне, а в кабинете, который работает хорошо: страна вышла из кризиса, порожденного решениями 17 августа, преодолена кульминационная точка спада в экономике, начался подъем, мы близки к договоренности с Международным валютным фондом, люди верят в правительство и его политику. Вот так на ровном месте сменить кабинет — это ошибка.

Последовала вторая просьба Ельцина написать заявление. После моего повторного отказа президент вызвал Волошина, у которого, конечно, уже был заготовлен указ.

В тот же день президент выступил по телевидению с подготовленным ему текстом, в котором говорилось о том, что я выполнил свой долг, в тяжелой обстановке сплотив общество, добившись стабильности. Но это все было отнесено лишь к тактическим задачам, а стратегически, дескать, в области экономики нужно сделать большой рывок, и поэтому, мол, нужен сейчас другой человек».

Новым премьер-министром назначен С. В. Степашин, которого через два месяца постигла та же участь. После отставки Е. М. Примакова были уволены почти все заместители

председателя и заменен целый ряд министров. Протесты против разгона правительства прозвучали в двух палатах парламента. Руководители Госдумы и Совета Федерации предлагали Е. М. Примакову выступить с их трибуны — он отказался.

Вопреки прогнозам в окружении президента рейтинг Е. М. Примакова продолжал расти. Он отклонил предложения вернуться на академическую стезю, стать консультантом в неких коммерческих структурах, выехать за рубеж на дипломатическую работу, возглавить ряд партий. Единственным приемлемым для себя вариантом он считал возможность участвовать в выборах в Государственную думу во главе центристского или левоцентристского движения, объединяющего ряд организаций. Вскоре такое движение выстроилось — блок «Отечество — вся Россия». В него вошли возглавляемая Ю. М. Лужковым партия «Отечество», «Вся Россия» во главе с Президентом Татарстана М. Шаймиевым, тогдашним губернатором Санкт-Петербурга В. А. Яковлевым, ряд других партий, профсоюзные, женские организации. Е. М. Примаков возглавил избирательный список ОВР.

Популярность ОВР и его лидеров росла. Это проявлялось не только в рейтингах, но и во время многочисленных встреч с избирателями в различных регионах России. На выборах блок ОВР занял третье место после КПРФ и «Единства». 31 декабря 1999 года последовало заявление президента Б. Н. Ельцина о том, что он подает в отставку. В заявлении называлось имя преемника — председатель правительства Владимир Владимирович Путин.

«Путин прошел через ряд ступеней государственной и муниципальной службы, проработав, в том числе, и во внешней разведке, но на сравнительно небольших должностях. Я, например, будучи директором СВР, ни его, ни о нем ничего не знал. Перед назначением председателем правительства за пару месяцев до объявления "наследником" Ельцина Владимир Владимирович Путин в течение нескольких лет работал

в мэрии Санкт-Петербурга, кремлёвской администрации, а затем в должности директора Федеральной службы безопасности. Этот послужной список был явно недостаточным для того, чтобы охарактеризовать его как политика.

Так думал и я. Но, будучи с ним в одном правительстве — сначала я министр иностранных дел, затем премьер, а Путин — директор ФСБ, постоянно находил в нем человека умного, определенного, умеющего держать слово. Его патриотизм не перемежался с шовинистскими идеями, он не ориентировался на сближение ни с левыми, ни с правыми, а его политические симпатии и антипатии диктовались интересами России — естественно, так, как он их понимал».

Через два года после выборов в Госдуме начала создаваться партия «Единая Россия», опирающаяся на фракции «Единство» и ОВР. Руководители этих фракций должны были занять высокие места в партийной иерархии. Твердо решив не принимать участия в партийном строительстве и не становиться членом какой бы то ни было партии, Е. М. Примаков уступил пост руководителя фракции В. В. Володину. Во фракции ОВР он оставался до выборов декабря 2003 года.

Одновременно был избран президентом Торгово-промышленной палаты России (2001–2011). В этом качестве академик Е. М. Примаков фокусировал свой огромный личный опыт, колоссальный научный потенциал, признанный в мире авторитет государственного и общественного деятеля в реализации крупных программ федерального значения.

До кончины Е. М. Примаков — председатель Совета директоров ОАО «РТИ», президент, председатель совета «Меркурий-клуба», руководитель Центра ситуационного анализа РАН.

Евгений Максимович Примаков — лауреат Государственной премии СССР (1980), лауреат Государственной премии РФ (2014), премии имени Насера (1974), премии имени Авиценны (1983), имени Джорджа Кенана. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» I, II и III степени,

Александра Невского, Почета, орденами СССР: Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Знак Почета, многими медалями, иностранными орденами.

Автор книг «Анатомия ближневосточного конфликта» (1978), «Египет. Время президента Насера» в соавторстве с И. П. Беляевым (1981), «Восток после краха колониальной системы» (1982), «История одного сговора» (1985), «Война, которой могло не быть» (1991), «Годы в большой политике» (1999), «Восемь месяцев плюс...» (2001), «Мир после 11 сентября и вторжение в Ирак» (2003), «Встречи на перекрестках» (2004). Многие книги Е. М. Примакова изданы на иностранных языках: в США, Франции, Германии, Италии, Китае, Японии, Турции, Греции, Югославии, Болгарии. Владел несколькими иностранными языками.

Скончался в Москве 26 июня 2015 года.

В память о выдающемся государственном деятеле в 2015 году учреждены десять персональных стипендий имени Е. М. Примакова для студентов МГУ и десять персональных стипендий для студентов МГИМО. Институт мировой экономики и международных отношений РАН носит его имя, как и Гимназия в Одинцовском районе Московской области, и вновь образованная улица в Ленинском районе города Махачкала. МИД России учредил медаль Примакова.

Похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы. В 1996-2015 годах проживал в Пресненском районе Москвы по адресу Скатертный переулок, дом 3, где установлена мемориальная доска.

Авторы: С. М. Семенов, Н. Н. Гоманькова

**ВЕЧЕР ПАМЯТИ Е. М. ПРИМАКОВА
в Министерстве иностранных дел России
2 июля 2015 года.**

Председатель Совета ветеранов МИД В. Н. Казимиров. Дорогие коллеги, друзья! Все мы знаем о том тяжелом для всей нашей страны событии, которое произошло, и благодарны руководству Министерства, Сергею Викторовичу за то, что дал согласие на предложение Совета ветеранов МИД и Ассоциации российских дипломатов провести сегодня вечер памяти Евгения Максимовича Примакова. Позвольте, прежде всего, предложить всем вам почтить память Евгения Максимовича вставанием.

Спасибо. Слово имеет Министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Викторович Лавров.

С. В. Лавров. Дорогие друзья, несколько дней назад мы прощались с Евгением Максимовичем. О нем было сказано много подобающих слов. Бесполезно перечислять его должности, характеристики как государственного, политического, общественного деятеля, академика, ученого, дипломата, конечно же. Как сказал на церемонии прощания президент В. В. Путин, Евгений Максимович был великим гражданином своей страны, внес огромный вклад в развитие и становление современной России. Это действительно характеристика, которую не ко многим людям, нашим современникам, можно применить в той же степени, в которой это заслужил Евгений Максимович. Не буду перечислять уже вспомняные его заслуги на различных должностях, включая разведку, правительство.

Скажу лишь, что для министерства иностранных дел неполные два года он был действительно глотком свежего воздуха, отдушиной. Он прекрасно понимал и суть нашей работы, прекрасно видел перспективы, лучше, чем другие, намечал задачи перед ведомством. И он глубоко лично воспринимал бытовые проблемы дипломатов и работников министерства иностранных дел, которое в то время находилось не в лучшем состоянии. Он, без преувеличения, автор направления нашей внешнеполитической доктрины, которая уже на протяжении почти двух десятилетий сохраняет свою актуальность, независимый и самостоятельный внешнеполитический курс страны, ее открытость к сотрудничеству с любым другим государством или группой государств на равноправной, уважительной, взаимовыгодной основе. И эти постулаты переключиваются из одной редакции внешнеполитической концепции в другую. Я убежден, что они останутся на долгие-долгие годы в нашей внешней политике. И, безусловно, концептуальное первенство формулирования доктрины многополярного мира — это доктрина Е. М. Примакова, ему же принадлежат такие конкретные идеи по воплощению этой доктрины в жизнь, как «тройка» Россия-Индия-Китай, которая, собственно, и дала толчок формированию группы БРИКС — самой, наверное, динамичной, перспективной структуры, которая реально участвует все более эффективно в процессах глобального управления.

Как я уже сказал, он уделял равное внимание практической и, так сказать, хозяйственной стороне функционирования нашего министерства. При нем начались процессы приведения в порядок нашего здания и в целом наведения порядка в той собственности, на которой МИД работает. И мы стараемся свято продолжать его начинания, выполнять его заветы на всех этих направлениях. Он всегда был открыт для простого человеческого разговора, для совета, для помощи не только руководителям министерства, но и многим

сотрудникам, которые не занимали высоких должностей, но соприкасались с ним по работе так или иначе. Я думаю, что для всех нас он был и учителем, и старшим товарищем. Для многих — другом. И тех, кому посчастливилось с ним вместе бывать в командировках, в неформальной обстановке, сидеть за столом, отмечать различные даты, я, думаю, их здесь тоже немало. И все вы знаете, как этот человек умел буквально зажигать своей энергией, своей неугасаемой молодостью, своей любовью к жизни.

Мы хотим сделать все, чтобы увековечить память о Евгении Максимовиче. Мы обсуждали это с заместителями министра. Хотим учредить медаль Е. М. Примакова, премию, стипендии, гранты при МГИМО и Дипломатической академии. Я знаю, что Совет ветеранов готов взяться с учащимися подведомственных учебных заведений за подготовку книги воспоминаний о Евгении Максимовиче. Будем обязательно работать с правительством Москвы, чтобы одна из улиц нашей столицы носила имя Е. М. Примакова.

Надеюсь, что вы все это поддержите. Я вынужден на этом откланяться. Я уверен, что сегодня еще прозвучит много правильных слов и предложений. Мы все это обязательно будем учитывать. Спасибо.

В. Н. Казимиров. Слово имеет академик Российской Академии наук Анатолий Васильевич Торкунов — ректор Московского Государственного университета международных отношений.

А. В. Торкунов. Дорогие друзья! Конечно, достаточно трудно в такой короткой исторической ретроспективе давать глобальные оценки, но мне кажется, что Евгений Максимович относится к тем людям, которым оценки можно давать и при жизни, и после его ухода — они, в общем-то, не меняются, потому что мы и при жизни понимали, что имеем дело, дружим, общаемся с очень крупным человеком, стратегом,

ученым, мыслителем и товарищем. После его кончины мы обсудили на Ученом совете МГИМО, как мы бы могли отметить и запечатлеть в нашей памяти Евгения Максимовича, и приняли решение об учреждении Университетом стипендии имени Примакова и о ежегодном присуждении довольно значительной премии, причем не только тем, кто работает собственно в Университете, но и тем, кто в целом работает по востоковедческой проблематике, но главным образом все-таки — по ближневосточной, поскольку мы понимаем, что Евгений Максимович начинал свою карьеру как специалист по Ближнему Востоку.

Он окончил Институт востоковедения, который в 1954 году был присоединен к МГИМО, и поэтому архив, и в том числе личные дела, студенческие, находятся у нас в Университете. И я Евгению Максимовичу в один из его юбилеев передал копию всего его личного дела, которое велось в Институте востоковедения. В том институте тогда тоже писали, как потом и в МГИМО, ежегодные характеристики. И практически во всех его характеристиках отмечается, что исключительно способный, талантливый. Я показал это Евгению Максимовичу. Он сказал: «Сам глубоко сожалею, что в свое время пропускал занятия, тем более что такие преподаватели работали в Институте востоковедения! Преподаватели были потрясающие. Одни еще до войны начали работать в этом институте, а некоторые другие даже до революции работали».

Мне кажется, что Евгений Максимович, помимо тех достижений, о которых очень ярко сказал Сергей Викторович Лавров, и много говорят в последние дни — я бы не стал повторяться — хотелось бы обратить внимание на два очень важных и серьезных обстоятельства. Евгений Максимович как ученый был не просто важным разработчиком теоретических основ, в том числе нашей внешней политики. Когда он пришел в МИД, сначала на Коллегии, а потом на первом засе-

дании Научного совета при министре Евгений Максимович, может быть, впервые, как мне показалось, очень ярко и масштабно говорил о полицентричном, или многополюсном, как тогда говорили, мире. И затем все дискуссии теоретического характера в значительной степени велись вокруг его предложения рассматривать мир через эту призму и разрабатывать внешнеполитическую стратегию, принимая это во внимание. Мне кажется, что тогда был внесен им гигантский вклад в теоретическую копилку. Другое дело, что, конечно, идет время, появляются новые мысли, в том числе насчет полицентричного мира. Но, тем не менее, этот подход, на мой взгляд, сохраняет исключительную свою актуальность и сегодня. И что очень важно — он был не просто теоретиком, ведь его идеи, связанные с реализацией многих внешнеполитических шагов и планов через их очень активную проработку в ситуационных семинарах, не теряют актуальности. Я хочу напомнить, что Евгений Максимович получил Государственную премию, причем закрытую, еще в советское время, за разработку методики проведения ситуационных семинаров, в которых вскрывалась суть мировой экономики и международных отношений. Именно Евгений Максимович ввел эту практику проведения ситуационных семинаров и, к счастью, она сохраняется, хотя и не так эффективно, как хотелось бы. И когда мне удалось после долгих-долгих уговоров все-таки привлечь его на работу в Университет на кафедру мировой политики, то он с самого начала сказал, что будет строить свою работу со студентами в виде ситуационных семинаров. И на некоторых ситуационных семинарах я присутствовал, а на посвященном Корее участвовал как эксперт. Кстати говоря, если Евгений Максимович ставил какую-то задачу, то ее решение все время доводил до конца. Когда студенты собрались, он сказал, что по итогам нашего ситуационного анализа, а он и от вас будет зависеть, мы обязательно сделаем большую хорошую публикацию в одном из ведущих журна-

лов. О трех больших ситуационных семинарах, которые он вел в течение трех лет с довольно большой группой студентов, вышли хорошие большие материалы, в том числе в журнале «Международная жизнь». Более того, о результатах сообщалось, естественно, и в министерство иностранных дел, и в администрацию Президента. Они привлекли внимание и вызвали достаточно позитивный отклик. Хотя понятно, что вклад студентов в результат ситуационного анализа был не соизмерим с тем, что сделал сам Евгений Максимович как председатель этих семинаров. Тем не менее, не случайно, что как минимум восемь человек, прошедшие через его ситуационные семинары, затем пошли в науку, пять из них защитили кандидатские диссертации, работают над докторскими. И, конечно, такой интерес к науке, к исследованию был привит Евгением Максимовичем и его умением работать с молодыми людьми очень уважительно.

Он не жалел времени. Хотя у него был роскошный кабинет в Торговой палате, тем не менее, он сам приезжал в Университет, занимался в студенческой аудитории. Когда защищались его две аспирантки, он, будучи их научным руководителем, приезжал на защиту, хотя не был обязан делать этого. Это характерно, на мой взгляд, для его совершенно необыкновенных человеческих качеств, о которых многие из присутствующих здесь хорошо знают, будучи знакомыми с Евгением Максимовичем десятилетиями.

Очень хотел бы отметить еще одно обстоятельство. Мне посчастливилось, что я имел возможность общаться с ним неформально. У Евгения Максимовича было удивительное чувство юмора и иронии. Он с любовью, но вместе с тем очень иронично относился к окружающим. И, когда что-то говоришь, надо было быть настороже, потому что можно было получить соответствующую реплику. Но при этом он был и самоироничен. И это, мне кажется, характеристика совершенно выдающегося человека — когда человек с иронией относится

к самому себе. Хотя понимает, что он из себя представляет, да и окружающие все об этом говорят, а в неформальной обстановке высказывают это совершенно искренне. Об этом говорили ведь на всех этапах — когда он был и главой разведки, и министром, и премьером. И когда он был просто академиком Примаковым и занимал очень скромный кабинет в Центре Международной Торговли. А ни тональность его, ни отношение, ни желание общаться нисколько не изменялись.

К нему на прием в ЦМТ очередь выстраивалась, надо было у Шиманского записываться для беседы. Причем очередь была из разных людей — из ученых, руководителей компаний и государственных деятелей и т. д. Желание общаться с ним не зависело от должности, которую занимал Евгений Максимович. Так что он — человек вне должности.

У него было много друзей. Если говорить о журналистской команде, то я помню, с какой нежностью он относился к Станиславу Кондрашову и к самому своему близкому другу — Томасу Колесниченко. Дело в том, что когда они сотрудничали в «Правде», то писали фельетоны не только для «Правды», но и для других изданий. Они взяли для этих фельетонов псевдоним Прикол, т. е. Примаков и Колесниченко. Потом редактор «Правды» сказал, что для этой газеты такой псевдоним непригоден. У них были короткие фельетоны в стихах. Они даже переписку между собой вели в стихотворной форме. Вы знаете, что Евгений Максимович сочинял хорошие, интересные стихи. И мне кажется, это чувство юмора позволяло ему преодолевать те драматические повороты в судьбе, через которые он прошел.

Я хорошо помню его сына Сашу, на три года моложе меня. Он учился в институте на факультете МЭО, но погиб от сердечного приступа, причем во время демонстрации. Да и много было всяких поворотов, в том числе и политических. Но такое отношение к жизни, к друзьям, к себе, но и,

конечно же, те прекрасные отношения, которые были в их семье, позволяли ему все преодолевать.

Я думаю, что Евгений Максимович в наших сердцах будет всегда. Думаю, что Евгений Петрович Бажанов из Дипломатической академии и наш Ученый совет предложили очень правильное решение. Я думаю, что мы будем вспоминать это имя через какие-то события — через вручение премий, стипендий или медалей. Это позволит нам вновь вспомнить о том, сколько лет с нами был прекрасный и великий человек!

В. Н. Казимиров. Пожалуйста, Евгений Петрович Бажанов, ректор Дипломатической академии МИД России.

Е. П. Бажанов. Уважаемый Владимир Николаевич, уважаемый Игорь Васильевич, друзья, товарищи! Начну с того, с чего все начинают говорить. Евгений Максимович был выдающимся государственным деятелем, выдающимся политиком, выдающимся ученым, выдающимся руководителем разведывательного ведомства. Что мне всегда особенно бросалось в глаза — уважали его за всё, все и везде и не только в России. Его обожали наши друзья за рубежом, его уважали наши оппоненты и противники за рубежом. В 70-х годах прошлого столетия один американский сенатор, который очень плохо относился к Советскому Союзу, сказал в глаза Евгению Максимовичу: противник, заслуживающий восхищения.

А сегодня у нас была группа японских бизнесменов, журналистов, дипломатов. И они нам рассказали, что в Японии сейчас вышла книга Кураямы под названием «Неправильная история японо-российских отношений». И вот автор этой книги, пока еще он не очень известен, утверждает, что Россия всегда достигала и достигает успеха благодаря своей военной силе, мощному экономическому потенциалу, что главным козырем России была и остается ее дипломатия. Он называет ее лучшей дипломатией на земном шаре. И те японцы, которые сегодня были, по крайней мере, в разговоре с нами с такой

оценкой согласились. И вот они подчеркивали, что огромную роль в такой эффективной российской дипломатии играл Евгений Максимович. И в книге говорится также о том, что руководство МИД продолжает эти славные традиции цивилизованным путем и твердо отстаивает позиции российского государства.

Ну и мы, конечно, в Дипломатической академии вдвойне рады тому, что Евгений Максимович имел отношение и к нам. Он долгие годы преподавал у нас на кафедре мировой экономики, он почетный доктор Дипломатической академии. Часто выступал в Дипакадемии, он участвовал в различных мероприятиях. Показательно, какой бы гость к нам не приезжал — Г. Киссинджер или руководитель Японии, они или их представители всегда просили, чтобы в мероприятиях участвовал Евгений Максимович Примаков. И когда он участвовал, он становился для них главной фигурой. Помню, у нас был президент Словении. Он меня попросил: можно я запрусь в вашем кабинете с Евгением Максимовичем, это мой старый друг, и Евгений Максимович был удивлен, о чем ему с ним разговаривать. Но вот такое уважение было к этому человеку. Его книги, его статьи мы широко используем в учебном процессе, в научной работе. Как уже сказали и Министр, и А. В. Торкунов, мы действительно решили увековечить его память. Во-первых, мы учреждаем премию имени Евгения Максимовича Примакова за лучшую магистерскую работу по Ближнему и Среднему Востоку, по направлениям «международные отношения» и «мировая экономика». Второе — мы учреждаем грант для наших бакалавров, изучающих Ближний и Средний Восток, стажировку за рубежом. Деньги в любом случае наши.

Я очень рад, что, может быть, не очень часто, но общался с Евгением Максимовичем. В 70-х годах прошлого столетия мы работали с супругой в Генконсульстве СССР в Сан-Франциско. А Евгений Максимович возглавлял тогда

Институт востоковедения. И он вел диалог с американскими востоковедами. Один год они встречались в Калифорнии, один год в СССР — в Тбилиси, в Москве. Я трижды участвовал в таких мероприятиях. И что меня поражало, это была уже вторая половина 70-х годов. Разрядка пошла на убыль. Отношения наши обострились, в том числе и в Азии, в том числе из-за китайского вопроса. Были споры на этих мероприятиях. Наши ученые спорили с американскими и наоборот. Но когда говорил Евгений Максимович, ему почему-то никто не возражал из американцев. Все молча его выслушивали, потом подходили к нему и благодарили его за глубокие мысли. Причем участниками конференции были самые крупные американские востоковеды. Они всю жизнь говорили, что Евгений Максимович для них не просто выдающийся авторитет, но и хороший человек в личном плане, который при этом отстаивает твердо интересы своего государства. У нас два года назад был Киссинджер, который несколько раз подчеркивал, что Примаков всегда очень жестко отстаивал свои позиции, но в то же время это был человек, с которым приятно было общаться.

Еще хочу добавить в личном плане: моя супруга работала в Институте востоковедения. Она занималась Кореей. И директор этого института Евгений Максимович предложил создать группу, которая изучала бы возможности нормализации отношений нашей страны с Южной Кореей. И вот под руководством Евгения Максимовича были выработаны предложения, которые в итоге легли в основу нашей политики по нормализации отношений с Южной Кореей. Это тоже крупное достижение.

Если говорить о себе, могу сказать, что по инициативе Евгения Максимовича мне присвоили звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Поэтому я благодарен Евгению Максимовичу и как гражданин нашей страны, и как сотрудник Дипломатической академии.

В заключение хочу сказать, что мы, конечно, сделали только первые шаги по увековечиванию его памяти. Будем думать и о других вещах. Может быть, проведем дипломатические чтения имени Евгения Максимовича с соответствующей программой.

В. Н. Казимиров. Позвольте поблагодарить тех, кто срочно, за сегодняшнюю ночь, подготовил фото, вот эту фотографию Евгения Максимовича Примакова специально для того, чтобы и образ его был зрим в этом зале.

Слово предоставляется А. С. Акопову, послу в отставке, председателю Ассоциации российских дипломатов, заслуженному работнику дипломатической службы Российской Федерации.

А. С. Акопов. Спасибо. Дорогие друзья, товарищи, участники вечера, посвященного памяти Е. М. Примакова. О Примакове как о политике и государственном деятеле, как об ученом здесь уже говорилось. Я бы хотел в своем кратком выступлении рассказать о некоторых, на мой взгляд, человеческих качествах, чертах этого неординарного и в то же время весьма простого и доступного человека. Так уж случилось, что мне посчастливилось знать, общаться и работать с Евгением Максимовичем с начала 40-х годов под Тбилиси, где мы оба тогда проживали.

В дальнейшем судьба вновь свела нас в Москве, куда приехала учиться большая группа тбилисцев, молодых людей, в т. ч. Евгений Максимович и я. Среди них были будущие академики, Владимир Иванович Бураковский, Макаров, Ситарян, Широян и др. Все мы, приехав в Москву, продолжали поддерживать связи и контакты друг с другом и дружить. Евгений Максимович уже в Институте востоковедения, где он учился, приобрел новых друзей: Полякова В. П., с которым он учился, Беляева И. П., Румянцева и др. Дружбу с ними, наряду с друзьями из Тбилиси, он

пронес через всю свою жизнь. И это одно из замечательных человеческих качеств Евгения Максимовича — верность и преданность дружбе, честность и доверчивость. Вместе с тем он не мог терпеть фальшь, ложь и обман.

Он до конца своей жизни был верен этой дружбе. Всех друзей он провожал в последний путь. Независимо от обстоятельств, независимо от того, кто как оценивает. Так было с Румянцевым, Бураковским, Беляевым и др. Хочу отметить, что он, проводив их в последний путь, не прекращал контактов с их семьями, с теми, кому нужно было оказывать помощь, оказывал и материальную, и моральную помощь. И поддерживал другими средствами.

Другое его бесценное качество — это защита людей талантливых, способных, которые по той или иной причине попадали в беду или нуждались в лечении. Например, в 1977 году Е. Д. Пырлина, зам. заведующего отделом стран Ближнего Востока МИД СССР, увольняют из МИДа. Это был один из самых крупных специалистов по ближневосточному урегулированию. Примаков, зная об этом и высоко ценя его, предпринимает все усилия, чтобы устроить Пырлина в КГБ. И он трудился в Комитете до конца своей жизни как научно-исследовательский работник. Или другой пример. Это связано со мной. На приеме по случаю Дня дипломатического работника Евгений Максимович, здороваясь со мной, спросил меня, как здоровье, как чувствуешь. Я посетовал, что меня замучила стенокардия. Он тут же при мне достает мобильный телефон, звонит профессору Иоселиани и говорит: «Давид, наш друг нуждается в помощи. Прошу принять и сделать все, чтобы ему было легче». Это как пример я привожу.

Сегодня я хотел особенно отметить заботу Евгения Максимовича о материальном положении дипломатов — многие это помнят. Я хочу вернуться в 1996 год. Одним из первых шагов Евгения Максимовича по приходе в МИД была постановка перед президентом страны вопроса

об улучшении пенсионного обеспечения дипломатов. Он добился. Президент принял указ о надбавках к их пенсиям. Это был смелый шаг.

В заключение хотел бы отметить роль Евгения Максимовича в сохранении и укреплении Ассоциации дипломатов. Это было в 1997 году. Скончался основатель и первый председатель Ассоциации В. М. Виноградов. Ассоциация находилась в крайне тяжелом положении. Мы пишем записку Е. М. Примакову и предлагаем ряд мер для того, чтобы выйти из этого кризисного положения. Евгений Максимович горячо поддерживает наши предложения и поручает Зубакову, своему заместителю, и Федотову, кадрам, сделать, чтобы Ассоциация сохранилась и работала. Евгений Максимович дал согласие войти в состав Ассоциации и своим авторитетом содействовал не только сохранению, но и укреплению ее влияния. Сегодня мы могли бы с полным основанием решить, что имя Евгения Максимовича Примакова занести навечно в списки членов Ассоциации российских дипломатов. Спасибо.

В. Н. Казимиров. Слово имеет Николай Михайлович Елизаров, посол в отставке, заслуженный работник дипломатической службы РФ.

Н. М. Елизаров. Дорогие друзья! Сегодня в нашем министерстве, в этом зале происходит одно из таких событий, которое останется у всех нас в памяти. В последние дни проводились государственные мероприятия в связи с кончиной Евгения Максимовича Примакова. Мне посчастливилось работать с Евгением Максимовичем. Он придал, я бы сказал, очень позитивное начало моей дипломатической работе. Началось это, пожалуй, с близкого знакомства, когда Евгений Максимович совершил свой первый визит в Латинскую Америку в мае 1996 года, в том числе в Венесуэлу, где я был послом. Во время этого визита я многому у Евгения Макси-

мовича научился, как в профессиональном плане, так и в тех отношениях, которые он выстраивал и с нашими сотрудниками, а также с латиноамериканцами.

Прилетел Евгений Максимович, и мы с ним едем из аэропорта в отель. Он предлагает мне рассказать, что тут и как. Я ему начинаю говорить о внутривластной ситуации, о внешней политике Венесуэлы. Он говорит: «Подожди, я это уже прочитал, мне наш Латиноамериканский департамент все это подготовил. Так что ты мне расскажи, как мне здесь себя вести. Я первый раз в Латинской Америке. Вообще не знаю латиноамериканцев. Вот, что бы ты сказал?».

Я говорю: «Евгений Максимович, не удивляйтесь, если Вас будут приветствовать так, немножко похлопывая по плечу, могут даже приобнять, могут назвать Эухенио». «Ну если меня здесь будут Женей называть, ну это здорово. Когда в Москве в кругу друзей меня просто называют Женей, так я рад, что еще меня можно так называть. Я чувствую себя моложе. Я это, конечно, учту».

Я говорю: «В связи с Вашим приездом будет прием. Там в конце этого приема будет музыкальная часть, и еще подразумеваются танцы. Не артисты будут танцевать, а кто пришел участвовать в этом приеме. Поэтому, наверное, симпатичные девушки министерства иностранных дел, администрации президента, наверное, не упустят возможности потанцевать с симпатичным министром иностранных дел».

«Я вообще сам люблю танцевать, а тем более, если еще и симпатичные девушки — так это прекрасно! Это замечательно, что такой пункт есть, так сказать, в регламенте моего визита».

На самом деле, с профессиональной точки зрения, это был первый визит после долгого забвения Латинской Америки руководством России и министерством. Тогда был такой штамп, когда говорили о «развитии отношений», упоминали, естественно, Соединенные Штаты, упоминали Европу, а потом

говорили «и со странами Азии, Африки и Латинской Америки». Вот Евгений Максимович, на мой взгляд, этот стандарт или штамп полностью разрушил. Потому что после того, как он подписал документ, который назывался совершенно необычно для того времени «Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Венесуэла», где было предусмотрено развитие сотрудничества по всем направлениям: в области экономики, культуры, образования, науки и т. д. Этот договор стал основой для развития дальнейших отношений с этой страной и, как вы знаете, в настоящее время с Венесуэлой у нас очень тесные отношения. Я бы сказал, не просто дружеские, но и экономически выгодные, и политически, поскольку Венесуэла нас поддерживает по многим позициям, в том числе в Организации Объединенных Наций. Это было началом, я бы сказал, поворотом, который мы называем «прорыв в Латинской Америке». Появились слова «приоритетные отношения». Так сказал Евгений Максимович, когда был подписан этот договор: «У нас с Венесуэлой теперь приоритетные отношения». Тогда эти слова вошли в лексикон, и мы стали употреблять их в документах.

Не могу не вспомнить, что в 2009 году отмечалось 80-летие Евгения Максимовича. Он был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» первой степени. Было много актов, посвященных этому событию. Я тоже Евгения Максимовича поздравил, знал, что он любит стихи, поэтому поздравил его в стихах.

Еще один эпизод, тоже достаточно для меня важный. Закончив службу в Венесуэле, я приехал в Москву. В 2004 году готовился визит президента Владимира Владимировича Путина в Бразилию. Евгений Максимович предложил участвовать в подготовке этого визита, поскольку надо было по всему латиноамериканскому направлению дать материалы, справки и т. д.

Этот визит проходил на таком значительном подъеме для латиноамериканцев, и было тогда — все еще начиналось вот

это становление двусторонних деловых обменов — и было подписано соглашение о сотрудничестве между нашей Торгово-промышленной палатой и Торгово-промышленной палатой Бразилии. Это бразильцы заметили.

Хотел бы еще сказать, что назначая меня на должность директора департамента консульской службы, Евгений Максимович сказал, что надо постараться навести порядок, потому что «мне стыдно за многое, что сейчас происходит — даже некоторые наши сотрудники находятся под следствием. Может быть, даже еще и суды будут». Ну, вот тогда удалось все-таки этого дела избежать, никого не посадили. Но такую гарантию мы дали тогда прокурорам, что эти сотрудники будут наказаны по линии нашего министерства иностранных дел. Евгений Максимович всегда очень внимательно относился к этому направлению, смотрел, какие новости, что делается в законодательном плане, и всегда говорил, что нам нужно придерживаться строго того законодательства, которое существует в Российской Федерации, не отходя от него.

Приведу пример, на мой взгляд, характерный. У директора департамента консульской службы и министра установлен прямой телефон. Когда он звонил, сам берешь, он больше ни на кого не переключается. И Евгений Максимович спрашивает, сколько у нас стоит дипломатический паспорт. Я говорю, да нет, дипломатический паспорт у нас бесплатный, никто не платит. У нас за ОЗП, как мы говорим (общегражданский загранпаспорт) есть цена 364 рубля 50 копеек. Евгений Максимович говорит, что пришел к нему Глазунов Илья Сергеевич и рассказывает, что он за тысячу баксов купил. Я предложил тогда спросить у Ильи Сергеевича, кто же ему продал его за такие деньги. Слышу, как он его спрашивает. А Илья Сергеевич ему говорит: «Ну, мы своих-то не выдаем». Надо постараться, чтобы этих «своих» у нас не было.

Е. М. Примаков относился к консульской службе очень внимательно и всегда был очень рад, когда давали резуль-

таты наши консультации, а их было очень много с разными странами по консульской линии, когда решались вопросы о безвизовом проезде с дипломатическими, служебными паспортами, а потом и общегражданскими паспортами. Это он просил лично ему всегда докладывать. Ну и такой чисто человеческий момент. Сегодня об этом мы уже говорили. Во время визита в Венесуэлу он как-то спросил, а кто у тебя здесь с тобой. Ну, со мной супруга и старший сын, который находится здесь в отпуске сейчас, но собирается на днях улетать. Он говорит, а чего он полетит на чем-то, пусть на моем борту и летит. Я своим скажу, и пусть летит. Такие вот моменты человеческие, конечно, просто редки. Они, конечно, и запоминаются. А в завершение хочу прочесть стихи Евгения Максимовича Примакова.

*Я твердо все решил: быть до конца в упряжке,
Пока не выдохнусь, пока не упаду.
И если станет нестерпимо тяжело,
То и тогда с дороги не сойду.
Я твердо все решил: мне ничего не надо —
Ни высших должностей, ни славы, ни наград,
Лишь чувствовать дыханье друга рядом,
Лишь не поймать косою недобрый взгляд.
Я много раз грешил, но никогда не предал
Ни дела, чем живу, ни дома, ни людей.
Я много проскакал, но не оседлан,
Хоть сам умею понукать коней.
Мы мчимся, нас кнутом подстегивает время,
Мы спотыкаемся, но нас не тем судить,
Кто даже ногу не поставил в стремя
И только поучает всех, как жить.*

Спасибо.

В. Н. Казимиров. Слово имеет Комплектов Виктор Георгиевич, заместитель министра иностранных дел СССР, заслуженный работник дипломатической службы.

В. Г. Комплектов. Не знаю, как кому, а мне все еще не верится, что Примакова нет. Слишком срослась с ним наша жизнь, наши дела, наши победы, наши неудачи. Мы не были друзьями, я мог бы, пожалуй, назвать наши отношения как доброе товарищество. Началось все 30 лет тому назад. Здесь упоминались ситуационные семинары, но мы называли их «ситуационные игры». На них я неоднократно бывал. Все это было интересно. Потом написал даже свое мнение в поддержку присвоения премии, и авторы эту премию получили.

Был такой эпизод. Перед отъездом в Мадрид как посол России я стал обходить руководства различных ведомств. Женя принял меня в штаб-квартире СВР — внешней разведки.

Поговорили обо всем, что нужно, и за жизнь поговорили, а в конце беседы, обращаясь к руководителю соответствующего направления внешней разведки, он говорит: «Имей в виду, это мой друг».

И в общем эту связь он поддерживал и тогда, когда вокруг посольства началась такая личностная подковерная борьба. В это время по своей линии он прислал мне телеграмму, очень теплую — с поздравлением в связи с 60-летием. Мы встречались на разных мероприятиях в Москве, больших и небольших, но каждый раз это было интересно, были и шутки, было все по-человечески.

Но больше всего мне удалось пообщаться с ним, потягать из него мыслей в Испании. Он там был три раза, пока я там работал. Первый раз как директор Службы внешней разведки (с одним охранником приехал всего-навсего). Обижался на нашего посла в одной из стран, куда он прибыл, а тот уехал в командировку по стране. Обсуждали с испанцами взаимодействие в борьбе с международным терроризмом.

Однажды полушутя говорю ему: «А ведь ты будешь министром иностранных дел». Он отмахивается: «Ну зачем? Мне очень нравится моя нынешняя работа». А когда он появился во второй раз, уже в качестве министра иностранных дел, я ему это напомнил.

В третий раз это было в очень драматичный момент — в разгар кризиса в Ираке. Буквально на аэродроме Е. М. Примаков встречался с американцами. Он был очень напряжен, он все еще надеялся найти выход, чтобы не было войны. Но когда он меня спросил, ударят американцы или нет, я ответил, что ударят. У меня были основания говорить так. Это вот, так сказать, личные вещи.

Вспомню даже, когда ушла из жизни моя жена, Женя звонит, чтобы сказать простые и очень нужные вещи — слова сочувствия, поддержки. И добавляет: «Уж кто-кто, а я-то знаю, каково это — оставаться одному».

Я считаю, что еще рано, чтобы полностью или достаточно полно оценить масштаб личности Е. М. Примакова. Это требует еще глубокого осмысления и изучения. Там всего полно. Всего полно.

Но то, что это был удивительный человек — это факт. Я бы отметил две вещи. Первое. Он был честен, он был мудр, он был смел, он ничем не был запачкан, что в наше время, как вы понимаете, очень важно. И поэтому, в какое бы ведомство его ни назначали, он всегда приходил туда, где очень тяжело и очень плохо, будь то разведка, будь то МИД. Все ждали его всегда с надеждой, и он эти надежды оправдывал. Здесь говорили о том, как много он делал и многое сделал во внешней политике и для МИД. Поднял на уровень, восстановил ту роль во внешней политике, которая должна принадлежать МИД. А это много значит.

И еще одна вещь. Во всех своих качествах он был политиком «с большой буквы». Историческая личность. Как о человеке здесь много было сказано. Мне было приятно

слушать. Он все делал, старался делать в интересах страны, в интересах народа, будь то во внешней политике или внутри страны. Он был настоящим, не пафосным, а настоящим патриотом. И тоже с большой буквы. Я не могу согласиться, что нет незаменимых. Примаков был и будет таким. Светлая ему память!

В. Н. Казимиров. Прошу прощения, что не сказал об этом раньше, но среди нас присутствуют и те, кто долгое время работал у нас в министерстве иностранных дел, и те, кто был мидовцем в заграничных командировках. В частности, мне хотелось бы приветствовать наших коллег: Погудина Михаила Витальевича и его заместителя Барина Виктора Николаевича. Это руководители ветеранской организации Службы внешней разведки. Давайте поприветствуем их.

А сейчас хотел бы передать слово человеку, который прежде был одним из ведущих работников нашего министерства. Георгий Георгиевич Петров, заместитель председателя Торгово-промышленной палаты России.

Г. Г. Петров. Случилось так, что в мае 1998 года меня пригласили на работу в МИД России. Вскоре после этого Евгения Максимовича назначили председателем правительства страны, и в министерстве мне с ним поработать не довелось. В ноябре 2001 года Евгений Максимович был избран президентом Торгово-промышленной палаты России, и в канун нового 2002 года (я в то время возглавлял департамент экономического сотрудничества МИД) он, совершенно неожиданно для меня, позвонил и попросил приехать к нему в ТПП. Скажу откровенно, по дороге в палату я рассуждал, что работа в этой организации — дело для Евгения Максимовича абсолютно новое, и пытался представить, как МИД может помочь ему на этом участке работы.

Однако, вопреки моим ожиданиям, он начал беседу со мной с предложения стать его заместителем по междуна-

родным делам палаты, сказав, что основная моя задача будет состоять в укреплении ее авторитета за рубежом и расширении внешних связей.

— Даю вам карт-бланш в этой области, — сказал он.

Честно говоря, для меня это предложение было абсолютно неожиданным. Я ответил в том смысле, что по принятым в МИД и хорошо известным ему, как бывшему министру иностранных дел России, нормам служебной этики и дисциплины не имею права без разрешения своего начальства обсуждать с ним такие вопросы. — А кто у вас начальник? — спросил он и сам же ответил, — Игорь Сергеевич Иванов.

Евгений Максимович тут же позвонил Игорю Сергеевичу и сказал: «Я забираю у вас Петрова и обещаю, что больше никого переманивать не буду».

Так началась моя работа в ТПП. Случались в ней счастливые дни, когда удавалось общаться с Евгением Максимовичем, но были и несчастливые — когда не удавалось с ним повидаться в силу его занятости. Конечно, работать с ним было нелегко, но необычайно интересно.

Должен сказать, у меня была непростая миссия. Понятно, что к такому человеку, как Евгений Максимович, какую бы должность он ни занимал, где, на каком поприще ни работал, тут же выстраивалась очередь из послов, аккредитованных в Москве. Мне приходилось докладывать ему об их просьбах найти в его напряженном графике время для встреч с ними. Всякий раз он ворчал на меня, по-отечески и чуть иронично приговаривая: «Не превращайте меня в министерство иностранных дел». Скажу откровенно — даже тогдашний посол США в России Александр Вершбоу, которого Евгений Максимович при встречах, не стесняясь, отчитывал, ходил к нему, как на Голгофу, терпел его критические замечания и снова просился на прием. Высокопоставленные дипломаты многих иностранных держав добивались в то время аудиен-

ции у Евгения Максимовича и высоко ценили высказанные им мнения и информацию, которой он делился с ними.

Никогда не забуду о его регулярных — сначала неформальных, а потом проводившихся в рамках специально учрежденной для этого группы — встречах с Генри Киссинджером, как не забуду и его встреч с экс-канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом. Их последняя беседа, состоявшаяся лет шесть назад, касалась судебных Греции и Евросоюза в целом, а также вопросов энергетического сотрудничества России с ЕС. В частности, обсуждался вариант поставок энергоносителей, известный ныне как проект «Южный поток». Поразительно, что эти два человека, не занимавшие в то время высоких государственных постов, уже тогда, шесть лет назад, предвидели то, что происходит сегодня.

Евгений Максимович отработал в Торгово-промышленной палате десять лет, с 2001 по 2011 годы. Потом, до последних дней жизни, он продолжал возглавлять «Меркурий-клуб», на заседаниях которого обсуждались актуальные проблемы международных связей страны и с трибуны которого он выступал с интереснейшими докладами и анализом ситуации как внутри России, так и за рубежом. Он ушел из жизни накануне последнего заседания клуба, которое он полностью подготовил. Для нас, работников ТПП России, вся его деятельность на посту президента палаты и председателя «Меркурий-клуба» была не просто поучительна, но представляла собой высшую школу как в плане профессионального совершенствования, так и умения служить Родине. И нам безмерно жаль, что эта школа больше не откроет своих дверей.

Сейчас очень многие делятся в СМИ воспоминаниями о Евгении Максимовиче, и нет такого издания, газеты, где бы их ни публиковали. Обидно, однако, что даже его близкие друзья-тбилисцы утверждают, что, дескать, после Службы внешней разведки, МИД и Правительства России Е. М. При-

маков возглавил синекуру — Торгово-промышленную палату. Но Евгений Максимович никогда синекурных должностей не занимал. Действительно, будучи избранным на пост президента ТПП России, он какое-то время (до 2002 года) оставался депутатом Государственной думы и получал там заработную плату в размере 15000 рублей. Тогда многие получали зарплату в конвертах, он — никогда, я это знаю. Более того, он отказался от заработной платы, установленной в ТПП, а ведь она была существенно выше депутатской. В этих вопросах, включая авторские гонорары, он был честен и необычайно щепетилен.

Горечь утраты очень остра, но мы сегодня говорим о нем еще и для того, чтобы память об этом великом многогранном человеке запечатлелась в истории. Отмечая многогранность различных качеств натуры Евгения Максимовича, Анатолий Васильевич Торкунов справедливо отметил чувство юмора, ироничность, включая и самоиронию. Действительно, у Евгения Максимовича было много должностей, но он всегда любил подчеркивать, что он академик. Когда М. С. Горбачёв в 1991 году назначал его директором Первого главного управления Комитета госбезопасности, был подготовлен проект указа о присвоении Е. М. Примакову звания генерал-полковника. Евгений Максимович просил этого не делать по двум причинам: во-первых, чтобы дослужиться просто до полковника, его будущим сослуживцам приходится, как он выразился, «много лет на пузе ползать, а я сразу приду генерал-полковником»; во-вторых, заявил он, «не хочу, чтобы забывали о том, что я академик». Приехав домой, Евгений Максимович рассказал об этом эпизоде своей супруге Ирине Борисовне, которая — видимо, ирония была у них семейным качеством — очень своеобразноотреагировала: «Вот если бы тебе предложили адмирала, ты бы точно не отказался».

Много приходилось бывать с Евгением Максимовичем в самых разных странах. В Китае его принимали на высшем уровне и всегда относились к нему с большим уважением. Его уважали там, в частности, и за то, что в 1989 году ему удалось отговорить М. С. Горбачёва от посещения площади Тяньаньмэнь. Думаю, что сегодня с Китаем у нас не было бы таких тесных отношений, не убеди Примаков Горбачёва воздержаться от этого поступка. У китайцев, кстати, с памятью все хорошо. Институт стратегических исследований КНР — есть у них такое учреждение, в котором работают члены Политбюро, отставные генералы, министры правительства, — периодически приглашал Евгения Максимовича выступить с лекциями. В очередной его приезд китайцы подготовили для него прекрасную программу и говорят: «Товарищ Примаков, скажите, а с кем бы вы хотели у нас встретиться?» Мы, сопровождавшие его, думали, что он скажет — с председателем КНР Ху Цзиньтао или, в крайнем случае, с министром иностранных дел Китая. Но Евгений Максимович говорит: «Я хотел бы встретиться с товарищем Цзян Цзэмином», — а тот к тому времени уже никаких должностей не занимал и находился в Шанхае в «золотой клетке». Его контакты с внешним и не только с внешним миром не допускались. Я посмотрел на китайцев, их лица вытянулись. Они растерялись и спрашивают: «Товарищ Примаков, а почему с Цзян Цзэмином?» Вот тут нужно быть Примаковым, который понимал, как много значат числа в жизни китайцев. Он сказал: «Знаете, на последней моей встрече с товарищем Цзян Цзэмином он сказал, что это наша восьмая встреча; у вас счастливая цифра — восемь, а у нас в России — девять, поэтому я хотел бы с ним встретиться в девятый раз». Китайцы отбежали, куда-то позвонили, посоветовались, пришли через десять минут и говорят: «Евгений Максимович, Цзян Цзэминь ждет вас в Шанхае». Вот таким был Евгений Максимович Примаков.

На наш взгляд, его именем было бы хорошо назвать не только улицу в Москве, но и ледокол, потому что он был настоящим ледоколом, как в политике, так и в экономике. Он всегда напоминал, что является доктором экономических наук. И действительно, одна из заслуг Евгения Максимовича Примакова состоит в том, что он не позволил столкнуть Россию в пропасть.

В Старый Новый год, 13 января, все члены «Меркурий-клуба» собирались вместе, и Евгений Максимович выступал с докладом. И в последний раз, 13 января 2015 года, он сделал блестящий доклад. Доклад этот — по существу, политическое завещание Е. М. Примакова, имеющее большее значение для современной России.

И в заключение еще один факт о Евгении Максимовиче. В 2006 году вышла в свет Большая Российская энциклопедия. Это 62 тома. С точки зрения полиграфии, блестящее издание: великолепные иллюстрации, сафьян, золото, все это там присутствует. Издание, если не ошибаюсь, выпущено под редакцией Президиума Российской Академии наук. Открываю 39-й том, как раз на букву «П». Там, естественно, напечатана биография Евгения Максимовича Примакова. В ней приводятся известные сведения: когда и где родился, где учился, какие должности занимал. Однако далее сообщается, что с 1989 по 1990 годы Евгений Максимович Примаков возглавлял «палату Союза Вооруженных Сил СССР». Как видно, молодежь не знает, что ВС — это не только Вооруженные силы, но еще и Верховный Совет. Вот, наверное, девочка, которая получила биографию из Интернета, превратила Совет Союза Верховного Совета в то, что теперь написано в энциклопедии. Я, естественно, не преминул показать эту «замечательную» статью Евгению Максимовичу. Он посмотрел и сказал: «Ну, слава богу, что только о вооруженных силах написали».

В. Н. Казимиров. Товарищи, мы приближаемся к завершению нашей встречи — вечера памяти Евгения Максимовича Примакова. Позвольте перед тем, как выступят последние товарищи, высказаться о Евгении Максимовиче в связи с нашими ветеранскими делами.

Наши старожилы, знающие историю ветеранских дел в нашем министерстве (я сравнительно молодой — четыре года только), настоятельно подчеркивают, что в становлении нашей ветеранской организации не просто большую, а решающую роль сыграл Е. М. Примаков. Став министром иностранных дел, он сослался на опыт своей работы с ветеранами в Службе внешней разведки. Более того, он прямо порекомендовал руководителям МИД и тогдашним руководителям нашего Совета ветеранов, не только встретиться, но и плотно общаться с ветеранской организацией Службы внешней разведки, где он служил сам до этого и предпринял немало усилий, чтобы там была действительно действующая ветеранская организация.

Этот наказ Евгения Максимовича был выполнен. Общение между нашими двумя ветеранскими организациями и поныне довольно плотное. Я рад, что вы приветствовали присутствие двух руководителей ветеранской организации СВР.

Вот и реальный факт, связанный именно с Евгением Максимовичем. Вы, конечно, знаете, как С. В. Лавров, руководство министерства, департамент кадров, Совет ветеранов, другие наши структуры активно работали в последние годы, добиваясь повышения денежного содержания, заработной платы сотрудников министерства и пенсий ветеранов дипломатической службы. Естественно, возникла потребность направить письмо Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину, собрать внушительные, убедительные подписи авторитетнейших лиц отечественной дипломатической службы. Намеча-

лось собрать подписи четырех министров: двух бывших министров иностранных дел России: Евгения Максимо- вича и Игоря Сергеевича Иванова, министра иностран- ных дел СССР Александра Александровича Бессмертных и министра по делам СНГ Анатолия Леонидовича Адами- шина. И, конечно, прежде всего, нужна была подпись При- макова. Когда я посетил его, вот что произошло. Это очень характерно для него. Он прочитал заготовленный нами проект письма и говорит: «Нет, тут надо дополнить». И на- диктовывает мне одну фразу (я думаю, что не обижу этим своих коллег из Службы внешней разведки — мы с ними уже об этом говорили). Диктует так: «Только вредит делу, что Чрезвычайный и Полномочный Посол получает пен- сию почти в два раза меньше, чем работавший с ним ре- зидент». Я тут начал было бормотать, что тогда надо над письмом гриф ставить и т. п. Но Максимыч считает, что можно оставить и так — без грифа.

Только он, возглавлявший годами и Службу внешней раз- ведки, и министерство иностранных дел, имел моральное пра- во сопоставить эти две пенсии, чтобы выправлять пенсионное обеспечение ветеранов дипломатической службы.

Последнее, что хотел бы сказать перед тем, как дать слово последним выступающим. Мы, конечно, делаем зву- козапись нашего сегодняшнего вечера памяти. После ее расшифровки выступавшие товарищи, возможно, внесут какие-то правки, чтобы подготовить издание книги воспо- минаний мидовцев о Евгении Максимовиче Примакове. Будем просить тех, кто не имел возможности выступить или не присутствовал здесь сегодня, но может написать очерк о своих встречах или совместной работе под началом Ев- гения Максимовича Примакова. Обращаемся ко всем, кто может чем-то обогатить эту книгу воспоминаний. Если для ее издания потребуется какая-то сумма, но не найдем иных средств, думаю, что сумеем собрать необходимую сумму,

как собрали с вами вместе на установку мраморного панно на Кузнецком посту, на бывшем здании Наркомата иностранных дел СССР. Так что обращаюсь с просьбой к тем, кто желает высказать свои воспоминания про Е. М. Примакова.

А сейчас предоставим слово товарищу В. И. Масалову, руководителю нашего литературно-творческого объединения «Отдушина». Он прочитает стихотворение, посвященное Е. М. Примакову.

В. И. Масалов. Уважаемые друзья, коллеги! Мне не повезло — не удалось поработать и непосредственно общаться с этим великим человеком, но были моменты, когда косвенно мы общались с ним — он был поэтом, поэтому его стихи печатались и в газете «Наша Смоленка», и в наших сборниках. Однажды мы проводили здесь литературный вечер, посвященный Дню дипломатического работника. Начало этого вечера как-то не завязалось. Вдруг Ринат Ибрагимов, который участвовал в этом вечере, сказал: «Хочу спеть песню на стихи Примакова». Буквально все зрители всколыхнулись — неужели у Евгения Максимовича есть стихи, есть песни? «Да, — говорит Ринат, — он неоднократно выступал с ними». И когда он спел, вечер прошел на таком подъеме, с таким воодушевлением, что я до сих пор помню этот случай.

Поэтому могу сказать, что это присутствие Евгения Максимовича в нашем литературном объединении придает авторитет и нашей организации, поскольку стихи наших поэтов-дипломатов читаются не только у нас здесь, но и за пределами Москвы и даже России. Его авторитет, его прекрасные стихи, лиричные и патриотичные, такие тонкие и очень глубокие, всегда вызывают подъем — душевное состояние человека становится ровным и теплым.

Евгению Максимовичу Примакову

Когда рвались России жилы
Со страшным треском на краю,
Он ей придал немало силы
Не дрогнуть в праведном бою.
С рожденья духом непокорный,
Он символом надежды стал,
Не отступая, словом горним
За Русь Святую призывал
Давить в себе раба нещадно,
Наперекор своей судьбе,
То повторяя многократно,
Он постулат взрастил в себе.
Звезда ему во мгле светила,
Вживляя долгий славы срок,
Неотвратимое случилось:
Стал дипломат в Руси пророк.
Он выжимал себя до капли,
Поднять с колен страну желал,
Не зачехлять в сраженье саблю
Себе и Музе обещал.
Он был из тех, в ком сила духа
Была сильнее темных сил.
Не зря ж России стал порукой,
Ей на алтарь себя сложил.

Спасибо.

В. Н. Казимиров. Александр Александрович Ранних, пожалуйста.

А. А. Ранних. Я действительно буду очень краток и, может быть, не столько о Евгении Максимовиче, о котором здесь уже сказали очень много, и в общем, ничего нового

не придумаешь, сколько в назидании к нам, еще живым, и в большей степени к нынешним. Вот такой эпизод из моей карьеры. Я — посол в Латвии. Сам же иницирую Коллегию по странам Балтии, приезжаю, отчитываюсь. Евгений Максимович в ходе Коллегии спрашивает: «Вот есть такой министр в Латвии, Каулс. По моим данным, он в ближайшие 2–3 месяца станет премьером. Как вы считаете?». Я говорю: «Евгений Максимович, считаю, что никем он не станет в ближайшие 2–3 месяца». На том и расстались. Да, он выразил сожаление, что посольство, судя по всему, не до конца «держит руку на пульсе». Каулс был его старый товарищ, и это характеризует отношение Евгения Максимовича к тем, с кем он работал. Старый товарищ с советских времен, партийный работник латвийский по сельскому хозяйству, который сам ему писал, что вот сейчас я буду великим человеком, что было характерно для латышей тогда. Проходит 3 месяца, Каулса выпихивают совсем из политической жизни, как я и предполагал, после этого мы с посланником А. М. Нестерушкиным трое суток пишем телеграмму из трех строчек. Нам очень нужно повернуть так, чтобы это не звучало как назидание Центру: «Ах, вот мы победили», но в то же время — донести информацию. Ладно, доносим.

Позднее, через какое-то количество времени, Евгений Максимович (уже даже не премьер) и я летим в одном самолете в Париж, при этом присутствовал Караганов. Евгений Максимович, которому я уступаю место в первом ряду (у него сложности с ногами), говорит: «Александр Александрович, извините меня тогда за мою реплику на Коллегии. Признать ошибку не просто. Я ведь доволен, что был не прав. Я извиняюсь из этических соображений, но это очень здорово, что посольство знает ситуацию лучше, чем я по другим доносам». Вот в этом — вся его личность: и связь с товарищами, и в то же время умение в любое время пересмотреть свои взгляды, если был не прав, отнестись самокритично.

А вот сейчас, наверное, не для записи. Я так же, как и Евгений Максимович, — человек православной культуры, может быть, не надо было торопиться, подождать хотя бы сороковину, немного больше осмыслить, чтобы не было вот этого исхода молодежи. Надо учитывать, что в наши времена, когда нам, молодым, приказывали идти на мероприятие, мы сидели до конца, потому что стеснялись, а они теперь не боятся. Им не интересно, они встали и пошли. Обидно за академика. Спасибо. Прошу прощения.

В. Н. Казимиров. Товарищи, большое спасибо всем, кто смог быть до конца. Но наше общение, наши воспоминания о Евгении Максимовиче — дело не одного месяца, не одного года. Давайте поможем, насколько это возможно. Всех, кто знал хорошо Евгения Максимовича, просим написать о нем — о нем больше, чем о себе, очень просим включиться в эту работу. А что касается наших общественных организаций — будем считать одной из главных целей — издать книгу воспоминаний о Евгении Максимовиче.

Александр АКСЕНЁНОК

Незабываемый человек

На жизненном пути каждого из нас встречаются люди, отношения с которыми, личные или профессиональные, образ которых прочно сидят в памяти и вспоминаются каждый раз, когда стоишь перед каким-либо серьезным выбором. Одним из таких людей был и остается для меня Евгений Максимович Примаков.

Наши встречи на личной почве и работу под его руководством можно по времени разделить на пять этапов, где пересекались наши жизненные и профессиональные пути: Ирак (1969), ИМЭМО (1972–1975), Институт востоковедения (1981–1985), МИД (1996–1998), ТПП и далее в бесконечность.

1. Высшая судьба свела меня с этим человеком в Багдаде в 1969 году, где я тогда работал третьим секретарем посольства. В то время Евгений Максимович часто выполнял конфиденциальные миссии в поездках по Ближнему Востоку из Каира, откуда он писал прекрасные аналитические статьи в качестве корреспондента газеты «Правда». Целью его приезда в Багдад было знакомство с Саддамом Хусейном, который после баасистского переворота в июле 1968 года фактически вершил государственные дела, находясь в тени президента Бакра. В то время С. Хусейн был руководителем партийной разведки и лишь позднее занял

официальный пост заместителя Бакра по Совету революционного командования (временный высший орган государственной власти).

В Багдаде Примаков провел две встречи с С. Хусейном один на один. Мне довелось принимать участие в подготовке этих встреч, в том числе через знакомство с ближайшим соратником «теневого президента» Ирака Тариком Азизом (тогда главный редактор органа партии Баас, газеты «Ас-Савра»), а также присутствовать на них в качестве переводчика. Встречи проходили в строго конспиративной обстановке, в президентском дворце и в ночное время. В итоге многочасовых бесед стало окончательно понятно, что будущее за этой личностью — сильной, достаточно харизматической и с большими региональными амбициями. На том начальном этапе заявленные планы С. Хусейна и его политическая линия во многом отвечали целям Советского Союза — так, как их понимали тогдашние советские руководители. Это и антиимпериализм, и единовластие правящей партии, и национализация «Бритиш Петролеум», и предоставление автономии курдскому этническому большинству на севере Ирака.

Позднее, когда С. Хусейн из подающего надежды государственного деятеля переродился в жестокого диктатора и авантюриста (война с Ираном, аннексия Кувейта, применение химических отравляющих веществ против иракских курдов, преследование коммунистов), при встречах с Евгением Максимовичем мы как бы в шутку (где есть доля шутки) говорили: «Да, а ведь мог стать для нас вторым Гамаль Абдель Насером, впрочем, если бы родился в Каире».

2. Став в 1972 году заместителем директора ИМЭМО, Примаков ввел практику проведения ситуационных анализов, итоги которых запиской докладывались в Политбюро. В это время после возвращения из Ирака я работал в цен-

тральном аппарате МИДа и по его приглашению принимал в них постоянное участие.

Ситанализы под руководством Евгения Максимовича были хорошей «школой свободной мысли» и сыграли большую роль в формировании у меня в дальнейшем вкуса к аналитической работе, к составлению дипломатических документов с элементами прогнозирования (пусть даже не совсем приятного для высокого партийного начальства), а также с практическими предложениями о внесении тех или иных корректировок в политику на Ближнем Востоке и отношения с теми или иными странами или группой стран. В тот период мне приходилось часто выполнять обязанности переводчика на высшем уровне на переговорах советских руководителей с главами различных арабских государств, что помогало более полно оценивать обстановку.

Записки Примакова имели важное значение в самом широком государственном смысле, подтачивая «идеологизмы» и расширяя их узкие рамки. В ЦК КПСС, как известно, доминировал идеологический подход к отношениям со странами т. н. третьего мира, которые подразделялись на страны «капиталистической» и «социалистической» ориентации. Эта концепция имела официальный вес, поскольку служила теоретическим обоснованием борьбы двух систем за сферы влияния и, в первую очередь, на Ближнем Востоке. Ее видным выразителем был Ульяновский, в то время, как многие представители научных кругов, включая директора ИМЭМО Н. Н. Иноземцева и его заместителя Е. М. Примакова, критиковали такие черно-белые построения, разумеется, в той форме, в которой это было возможно. Занимаясь параллельно научной работой, автор этих строк также внес свой скромный вклад в эти дискуссии в своих статьях под псевдонимом А. Георгиев.

С позиций сегодняшнего дня можно видеть, что именно идеологическое влияние на внешнюю политику, какой бы

искусной ни была дипломатия, лежало в основе многих ошибок. В том числе тех, которые совершила Москва в отношениях с А. Садатом и Соединенными Штатами до и после октябрьской войны 1973 года и которые позволили Г. Киссинджеру тактикой «шаг за шагом» переигрывать Советский Союз, как всегда «последовательно» выступавший за «всеобъемлющее урегулирование». Понадобилось много лет, чтобы исправить эти ошибки. И здесь Евгений Максимович, уже набравший политический вес, сыграл ведущую роль.

3. В 1981 году в рамках неформальной дипломатии (Тгаск2) в отношениях с Соединенными Штатами, получившей название Дартмутский процесс, была достигнута договоренность о создании совместной рабочей группы по региональным конфликтам. Примаков, будучи директором Института востоковедения и затем ИМЭМО, возглавил эту группу с советской стороны. Его визави с американской стороны был Гарольд Сондерс, опытный американский дипломат, архитектор Кэмп-Дэвида, покинувший к тому времени государственную службу. В своей книге «Устойчивый диалог в конфликтах: Трансформации и изменения», изданной недавно на русском языке, Г. Сондерс так писал там о роли Е. М. Примакова:

«Оглядываясь назад, не удивляюсь, что по мере того, как одно заседание Рабочей группы по региональным конфликтам следовало за другим, я ощущал, как мы все больше втягиваемся в нарастающий и нескончаемый процесс постепенных перемен, а не просто участвуем в череде мероприятий академического характера. Мой сопредседатель с советской стороны Евгений Примаков, с которым у меня сложились тесные личные и профессиональные отношения, также обратил внимание на кумулятивный характер процесса, в котором мы участвовали, хотя и выразил при этом категорическое несогласие с тем, чтобы рассматривать арабо-израильское мирное урегулирование в качестве неограниченного во времени

политического процесса — возможно, главным образом потому, что мы исключили из него Советский Союз».

На тот момент это было действительно так. Именно благодаря тонкой дипломатии и человеческому обаянию Евгению Максимовичу в тяжелое время, когда после вторжения в Афганистан разрядка пошла ко дну, удалось поддерживать устойчивый диалог по широкому кругу советско-американской повестки дня и подготовить почву к признанию американцами за Советским Союзом роли равноправного партнера в арабо-израильском урегулировании. Правда, это произошло уже в горбачёвское время, когда сам Советский Союз находился на грани распада. Мадридская конференция по Ближнему Востоку, на которой Советский Союз и США выступали в качестве сопредседателей, состоялась в 1991 году, когда Е. М. Примаков уже посвятил себя общественно-политической деятельности.

В годы работы в ИВАНе и ИМЭМС Примаков довольно часто принимал меня для консультаций по вопросам подготовки докторской диссертации, предлагая перейти к нему на научную работу и стать научным руководителем или оппонентом при защите. К сожалению, этим планам не суждено было осуществиться. В отличие от многих своих коллег по дипломатическому цеху мне не удалось успешно совместить МИД и науку и не хватило решимости сделать крутой поворот в жизни, хотя и по приглашению самого Примакова.

4. Работать с Евгением Максимовичем в МИДе мне довелось в период с 1996 по 1998 годы. После возвращения в 1995 году из тяжелой командировки в качестве посла в Алжире, где прокатилась волна терроризма с жертвами среди наших граждан, И. С. Иванов предложил мне заняться Балканами, сказав: «Теперь тебе ничего не страшно».

В этот период я работал под его непосредственным руководством, хотя и имел возможность видеть министра, так сказать, «в деле» в ходе ряда совещаний и заграничных

поездок. Тогда Примаков раскрылся для меня в ипостаси требовательного и порой даже жесткого руководителя. Он давал достаточный простор для дискуссий, хотя там, где у него сложилась позиция, министр оставался непоколебимым. Одним из таких вопросов был балканский конфликт в аспекте определения рационального (с точки зрения глобальных интересов) соотношения между взаимодействием с американцами и степенью поддержки С. Милошевича, который, с одной стороны, не оставлял надежд договориться за спиной России, но, с другой, — не проявлял достаточно гибкости там, где это, по нашему мнению, было возможно и необходимо.

5. Избрание Примакова президентом Торгово-промышленной палаты в 2001 году практически совпало с моим уходом в отставку и переходом на работу во Внешэкономбанк в качестве советника председателя по проектам на Ближнем Востоке. И вновь наши пути довольно тесно пересеклись на ниве «дипломатии через экономическое окно».

Внешэкономбанк состоял членом Российско-арабского делового Совета, работу которого президент ТПП курировал лично, регулярно совершая поездки по странам Ближнего Востока и Персидского залива. В эти годы мне не раз доводилось сопровождать Примакова и участвовать в переговорах по вопросам оказания содействия российскому бизнесу в этом регионе и привлечения арабских инвестиций.

Как человек, всегда заточенный на конкретный результат, Евгений Максимович испытывал удовлетворение в связи с быстрым ростом российско-арабского товарооборота и появлением реальных перспектив вложений арабских нефтяных капиталов в отрасли российской экономики. Позже эти усилия материализовались в целом ряде соглашений с инвестиционными фондами Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ и Катара.

Вместе с тем в последние годы жизни он не скрывал беспокойства в связи с неготовностью российских компаний, привыкших работать по межправительственным соглашениям,

к выходу на внешние рынки и ведению дел на тендерной основе. Он был далек от оптимизма в связи с положением дел в экономике страны. В особенности в том, что касается действенной поддержки малого и среднего бизнеса и создании благоприятного инвестиционного климата. «Арабский капитал пуглив и не может идти в пустоту», — говорил он, когда речь заходила об отсутствии проектов в реальных секторах экономики.

Предметом его особого беспокойства была уже тогда наметившаяся тенденция к быстрому ухудшению отношений с Соединенными Штатами. Не испытывая излишних иллюзий по поводу антироссийского настроения в Вашингтоне, Примаков в присущей ему критической манере, в духе «а не допустили ли мы сами каких-то просчетов», опасался последствий для России, если ей изменит чувство реальности в отношениях с США и Западом в целом. Отражением таких опасений стало известное его высказывание, по-моему, на последнем заседании клуба «Меркурий» в том смысле, что Россия не может сохранить статус великой державы, находясь в постоянном конфликте с Западом. То есть этот человек, мыслящий глобальными государственными категориями, до конца жизни остался верен своему политическому кредо, как в советские, так и в российские времена.

Невольно вспоминаются строки из Вознесенского:

Где время верное, Куратор? —
спрошу, в затылке почесав.
На государственных курантах
иль в человеческих часах?..

Двойные времена болят.
Но в подсознании моем
есть некий Третий циферблат
и время верное — на нем.

Ближневосточное наследие Примакова

Евгений Максимович Примаков — ученый, журналист, политик оставил огромное интеллектуальное наследие — книги, статьи, тексты выступлений на крупных международных форумах.

Очень жаль, что он не успел реализовать свою мечту — опубликовать в полном объеме записи своих впечатлений, бесед, тезисов выступлений и наблюдений, которые он делал на протяжении многих лет, и «разложить все по полочкам».

Получив, можно сказать, классическое образование востоковеда, изучив в институте язык, Е. М. Примаков в дальнейшем по масштабу своей деятельности «перерос» рамки востоковедения. Ему приходилось одновременно заниматься самыми различными регионами и проблемами глобального масштаба.

Естественно, наиболее четко это проявилось в период, когда Евгений Максимович возглавлял министерство иностранных дел и внешнюю разведку.

Но мне, как арабисту, всегда было очень приятно ощущать, что Е. М. Примаков в любых условиях и на любых постах продолжает четко и определенно относить себя к сообществу арабистов, востоковедов, специалистов по Ближнему Востоку.

Поразительно, но всю свою жизнь, несмотря на занятость, он неуклонно продолжал укреплять свои познания

и свой авторитет эксперта по арабским странам, Ближнему Востоку, развивающимся государствам. Примаков никогда не прерывал работу по этой тематике, он писал и публиковал все новые статьи и книги.

Из достаточно откровенных бесед с Евгением Максимовичем, с которым я познакомился в Каире в далеком 1968 году, я понял, что такая верность однажды выбранной специализации, с одной стороны, была внутренней потребностью человека, который любил эту тематику, чувствовал свою эмоциональную связь с арабскими народами, ощущал свою полезность и «включенность» в ближневосточные дела, которая носила уникальный характер. С другой стороны, как я теперь понимаю, все это давало ему ощущение устойчивости своих позиций в сложном, переменчивом, турбулентном мире.

Он знал, он был уверен в том, что есть важная, уважаемая, требующая длительной профессиональной подготовки сфера деятельности — арабистика, востоковедение, где он имеет непререкаемый авторитет и, можно сказать, определенную «неуязвимость».

Завоеванных позиций, авторитета, уникальных знаний в этой сфере никто и никак не мог у него отнять, оспорить. Любые попытки сразиться с ним на этом поле выглядели бы, по меньшей мере, неубедительно, а то и просто смешно. Уверен, что именно такие надежные тылы позволяли Примакову чувствовать и вести себя увереннее, солиднее многих других политиков в обстановке острых противостояний и коллизий периода кризисного развития нашей страны. Это способствовало упрочению его авторитета. Хотел бы также подчеркнуть, что многие идеи Е. М. Примакова не теряют своей актуальности и сегодня.

В связи с этим хотелось бы особо привлечь внимание к весьма оригинальной и глубокой концепции ближневосточного урегулирования, которая была изложена Е. М. При-

маковым на Четвертом международном экономическом форуме в Джидде (Саудовская Аравия) в январе 2003 года.

Евгений Максимович охотно откликнулся на приглашение выступить в качестве главного гостя на форуме, который многие считали «ближневосточным аналогом» встреч в Давосе.

В 2003 году в Джидде собралось рекордное количество участников — почти тысяча человек. Еще важнее были обстоятельства, в которых проходила встреча.

Дело в том, что тогдашний фактический руководитель Саудовской Аравии — наследный принц Абдалла (король Фахд был очень болен и переложил на него все ключевые управленческие и представительские функции) выдвинул предложение, касавшееся урегулирования арабо-израильского конфликта. Суть предложения заключалась в ясном и четком определении параметров будущей договоренности между Израилем и арабскими странами, которая должна была бы ознаменовать окончание арабо-израильского противостояния и переход к совершенно новому этапу развития региона — мирному сосуществованию, широкому региональному сотрудничеству с участием Израиля.

Согласно концепции наследного принца Абдаллы, Израиль должен был вернуть земли, захваченные им в результате боевых действий в июне 1967 года, согласиться на создание палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме. Арабы, в свою очередь, должны были предоставить четкие, письменно зафиксированные гарантии безопасности Израиля как государства, восстановить в полном объеме дипломатические и все другие виды отношений, снять с него все ранее введенные санкции и дать согласие на подключение Израиля к региональным проектам развития.

Это предложение наследного принца Саудовской Аравии Абдаллы было в марте 2002 года поддержано Лигой арабских государств на саммите в столице Ливана — Бейруте. Это

стало, по существу, первой арабской инициативой, которая не была «с порога» отвергнута Израилем.

Конечно, об израильской «поддержке» говорить было сложно, но израильтяне дали ясно понять, что предложение это считают серьезным документом, заслуживающим внимания, изучения и обсуждения. Такого отношения израильтяне к инициативам арабских стран никогда ранее не было.

В результате появилась определенная надежда на продвижение ближневосточного процесса. В этих условиях саудовская сторона выступила с предложением проведения в Джидде крупного международного форума для обсуждения перспектив политического и экономического развития региона.

Форумы в Джидде имели ранее главным образом финансово-экономическую направленность, политические аспекты рассматривались не более, чем как «фон» для реализации тех или иных идей финансово-экономического и технологического профиля.

Но встреча 2003 года имела иной сценарный план. Организаторы хотели провести широкую политическую дискуссию под углом зрения перевода всей ситуации в ближневосточном регионе из конфронтации к замирению и созданию условий для более динамичного развития всех расположенных здесь стран.

Как рассказали мне саудовские коллеги, фамилия главного гостя, который должен был сформулировать центральную идею форума относительно мирного переустройства региона, была определена практически без дискуссии — Примаков.

Евгений Максимович, надо сказать, сразу и охотно принял приглашение. Получив «стартовую» информацию, он обсудил со мной как с послом России в Саудовской Аравии вопросы составления программы встреч с политическим руководством Королевства — наследным принцем Абдаллой,

министром иностранных дел Саудом Фейсалом, некоторыми другими политиками и представителями бизнес-сообщества.

Я подтвердил Евгению Максимовичу: саудовцы ожидают, что его выступление будет носить «стратегический характер» и станет главным событием форума.

Примаков прибыл вместе с торгово-экономической делегацией, которая получила возможность встретиться с руководством Торгово-промышленной палаты Джидды, Исламского банка развития, предпринимателями, банкирами.

Интерес к выступлению Е. М. Примакова был очень велик. Многим хотелось получить ответ на вопрос: почему все попытки решить арабо-израильский конфликт так и не привели к достижению исторического компромисса, какой может быть формат дальнейших политико-дипломатических усилий?

В своей речи Евгений Максимович рассказал о контактах последнего времени, о поддержке российским руководством инициативы наследного принца Абдаллы, о своей уверенности в том, что это предложение в дальнейшем войдет в «основной набор документов» по ближневосточному урегулированию.

Касаясь уроков ближневосточного мирного процесса, Евгений Максимович заявил, что в регионе десятилетиями накапливался потенциал негатива — взаимных обид, недоверия, ненависти. В этой ситуации даже очень продуманное, сбалансированное, разумное предложение, касающееся возможного арабо-израильского компромисса и исходящее от одной из сторон конфликта, имеет немного шансов на успех.

К тому же, в лагере каждой из сторон имеются силы, которые привыкли жить в обстановке напряженности, научились в условиях противостояния извлекать для себя определенные политические дивиденды. Очень сильные позиции приобрели политики, проповедующие силовые методы решения имеющихся разногласий. К сожалению, шансы

на популярность по-прежнему, имеют прежде всего те, кто рекламирует свою «жесткость», неуступчивость.

В этих условиях прямые контакты израильтян и арабов, даже в тех случаях, когда их удастся организовать, заходят в тупик. Каждая новая неудача переговорного процесса трактуется радикалами в обоих лагерях как подтверждение «бесперспективности» поисков мирных развязок.

Евгений Максимович, ретроспективно рассмотрев историю арабо-израильского противостояния, выдвинул положение о том, что было бы совершенно нереалистично рассчитывать на то, что страны региона на основе только своих собственных усилий смогут прийти к заключению мира.

Е. М. Примаков далее заявил: исторический компромисс между арабами и еврейским государством, Израилем может быть достигнут только в том случае, если международное сообщество, Совет Безопасности ООН, Российская Федерация, США, ЕС смогут выработать рамки окончательного урегулирования и «навяжут» его сторонам — Израилю и арабским странам.

Примаков несколько раз в различных интерпретациях повторил этот тезис, для большей наглядности жестом демонстрируя, что урегулирование должно быть «спущено» сверху, из политического штаба планеты — Совета Безопасности. Международное сообщество должно заставить стороны конфликта принять компромисс ради их же собственной пользы, — подчеркнул Евгений Максимович. Только такая схема может в сегодняшней ситуации иметь шансы на успех. Мы слишком долго ждали, пока стороны сами между собой договорятся. «Надо менять стратегию наших усилий», — заявил Евгений Максимович. Он далее отметил, что нерешенность арабо-израильского конфликта создает питательную базу для подпитки радикальных настроений, террористических организаций.

В качестве чуть ли не единственного примера осуществления масштабных международных решений по Ближнему

Востоку он указал на создание Израиля, который, как подчеркнул Е. М. Примаков, появился на свет отнюдь не в результате арабо-еврейских контактов и переговоров, а на основе резолюции ООН, которая была разработана, а затем именно «спущена» в регион.

Далее Е. М. Примаков подверг критике различные планы решения ближневосточного кризиса за счет «усеченного» списка внешних спонсоров. В частности, он негативно охарактеризовал заявления израильского премьер-министра А. Шарона в отношении того, что «только Израиль и США» способны подготовить решение ближневосточной проблемы. Предложения этих двух стран, заявил он, не устроят арабов, и мы их тоже поддерживать не станем.

Евгений Максимович добавил, что объективно США после событий 11 сентября 2001 года должны были бы убедиться, что попытки монополизировать свою посредническую роль в решении ближневосточных дел опасны для самих Соединенных Штатов.

Е. М. Примаков отметил необходимость решения арабо-израильского конфликта и ликвидации последствий иракского кризиса. Эти кризисные и конфликтные ситуации подпитывают крайне опасную тенденцию раскола мира на мусульман и немусульман. Такая тенденция будет иметь самые негативные, масштабные последствия для стран Европы, где быстро растет мусульманское население. Невыгодно такое деление и для России, в которой проживает более 20 млн. мусульман.

Предотвратить нарастание негативных тенденций можно, только встав на путь разрешения палестино-израильского противостояния, других конфликтных и кризисных сопряжений на Ближнем Востоке.

Выступление Е. М. Примакова имело большой резонанс, оно было воспроизведено ведущими информационными

агентствами мира. Руководители делегаций, гости форума запрашивались на встречу с Е. М. Примаковым.

Есть такое выражение: встречи «на полях» международного мероприятия. На форуме в Джидде вследствие большого количества желающих встретиться с Е. М. Примаковым такое выражение нашло свое буквальное воплощение. Приходилось использовать любую возможность для проведения контактов.

Евгений Максимович развил в ходе этих встреч свой тезис об особой роли внешних спонсоров переговорного процесса. Он отмечал, что история международных отношений содержит примеры успешного международного содействия в преодолении тупиков по сложным проблемам, которые не решались в течение десятилетий. Это, в частности, относится к крушению апартеида, намибийскому урегулированию, ангольскому урегулированию, победе народа Вьетнама и объединения страны и т. п.

Приходится сожалеть, что мирный импульс в ближневосточных делах, который возник на рубеже 2000-х годов, в дальнейшем не только был утрачен, но сменился негативным и опасным развитием ситуации в регионе вследствие силовых действий США и их союзников.

Вместе с тем, потребности ближневосточных стран, логика восстановления нормальной ситуации в мире и в отдельных регионах предопределяют неизбежное возвращение к переговорным форматам разрешения конфликтных и кризисных ситуаций.

Возобновится мирный процесс и на Ближнем Востоке. Уже сегодня нужно консолидировать полезный потенциал идей и предложений, способных сдвинуть с мертвой точки ситуацию в регионе. Это относится и к идеям, и к предложениям, разработанным в свое время нашим ведущим специалистом-ближневосточником — Евгением Максимовичем Примаковым.

Кирилл БАРСКИЙ

Е. М. Примаков и «восточный вектор» внешней политики России

Сегодня уже не все помнят о том, что Евгений Максимович Примаков, крупный ученый-востоковед, политический деятель и дипломат, был еще и одним из архитекторов того решительного разворота России на Восток, который происходит на наших глазах. Именно он, возглавив МИД России в 1996–1998 годах, начертил «восточный вектор» ее нынешней внешней политики.

Ко времени прихода Евгения Максимовича в МИД многие благие пожелания, зафиксированные в Концепции внешней политики России 1993 года, не выдержали испытание временем, разбившись о суровую реальность международной политики постконфронтационного периода. В середине 90-х годов стало ясно, что и сама концепция, и внешнеполитическая практика нуждались в существенной корректировке.

С приходом Примакова в МИД многое изменилось. Одна из принципиальных перемен заключалась в общем наведении порядка в отношениях России со странами АТР и существенном повышении внимания к восточному направлению российской дипломатии.

Руководство МИДа активно взялось за дело. За первый год пребывания министром Е. М. Примаков неоднократно выезжал в страны АТР и принял в Москве десятки делегаций из азиатских стран. В апреле 1996 года он сопровождал президента Б. Н. Ельцина при его визите в КНР, в июле посетил Индонезию, где участвовал во встрече министров иностранных дел АСЕАН и сессии АРФ, в ноябре побывал в Китае, Японии и Монголии. Сколько делегаций из азиатских стран побывало в этот период в Москве, сколько встреч и переговоров состоялось у министра, его заместителей по АТР — сначала это был А. С. Чернышёв, затем А. Н. Панов, Г. Б. Карасин, директоров «азиатских» департаментов, трудно сосчитать.

Результат не заставил себя ждать. В довольно короткие сроки на восточном «фланге» внешней политики Москве удалось добиться ощутимых успехов. Это касалось и двусторонних отношений со странами АТР, и подключения России к формировавшейся в то время архитектуре многостороннего регионального сотрудничества. Но что еще более важно — все это было приведено в систему. Наша линия на обширном пространстве от Японии до Ирана приобрела характер всесторонне взвешенного, комплексно продуманного внешнеполитического курса, нацеленного на создание вокруг России «пояса добрососедства» в интересах укрепления безопасности и экономического развития страны.

Разумеется, у этой линии были четко выраженные приоритеты. Особое место в их ряду занял Китай. Евгении Максимович внес огромный вклад в развитие связей с КНР. Именно тогда, когда он возглавлял МИД, в отношениях России с КНР произошел качественный скачок — наши страны стали стратегическими партнерами. Именно в эти годы удалось заложить прочные договорно-правовые основы российско-китайского политического взаимодействия, были достигнуты значительные успехи в области военных связей и ВТС, а в вопросах безопасности вместе с Казахстаном, Киргизией

и Таджикистаном мы вышли на важнейшие многосторонние договоренности. Вряд ли справедливо утверждать, что заслуга в укреплении отношений двух государств может целиком принадлежать одному человеку, но то внимание, которое министр Примаков уделял Китаю, имело тогда действительно большое значение.

Евгений Максимович и прежде не раз бывал в Китае в разных качествах — и как ученый, и по парламентской линии, и как директор СВР. Но, пожалуй, первый исключительно важный эпизод, в котором проявилась примиковская мудрость, имел место в мае 1989 года в Пекине во время визита президента СССР М. С. Горбачёва в КНР.

Китайская столица, напомню, была в те дни охвачена массовыми протестами. Взбунтовавшиеся студенты боготворили Горбачёва и требовали встречи с ним. «Было очевидно, — писал в своей статье об этом визите, политолог Рой Медведев, — что Горбачёв явно сочувствовал китайской молодежи. Над огромной толпой на площади Тяньаньмэнь главным: лозунгами были "Ура Горбачёву!" — на русском и китайском языках, также "За нашу и вашу свободу!" Он был готов встретиться с представителями молодежи».

Наш посол в Пекине О. А. Трояновский позднее вспоминал: «Среди тех, кто сопровождал Горбачёва, были один-два радикала, которые предлагали ему отправиться на площадь Тяньаньмэнь, чтобы там обратиться с речью к демонстрантам, но такие экстремистские советы были отвергнуты». В числе тех, кто не одобрял идею выступления Горбачёва перед студентами, был Примаков. На созванном президентом СССР совещании в посольстве, в первый вечер пребывания в Китае, Евгений Максимович высказался против такого варианта.

«Студенты обратились к Горбачёву с просьбой выступить перед ними на митинге, — пишет он в книге "Встречи на перекрестках". Мы — я был среди самых активных в этом отношении — категорически не советовали ему делать этого.

И может быть, оказались правы. При любых обстоятельствах, выступи Горбачёв перед студентами, навряд ли оказалась бы столь дружественной и плодотворной встреча с Дэн Сяопином». Слава Богу, что Михаил Сергеевич прислушался тогда к его совету.

Примакову принадлежит авторство формулировки, которая с 1996 года характеризует российско-китайские отношения. Именно он предложил президенту России договориться с Пекином о выведении сотрудничества на уровень стратегического партнерства. Разговор об этом произошел в не совсем обычной обстановке. Вот как запомнилась эта история советнику-посланнику нашего посольства в Китае С. Н. Гончарову: «Во время перелета российской делегации во главе с Б. Н. Ельциным в Пекин в апреле 1996 года в самолете состоялось обсуждение вопросов, которые должны были стать предметом переговоров в Пекине. Российский президент принял предложение Е. М. Примакова о том, чтобы согласовать с китайской стороной новое официальное определение двусторонних связей как «отношений — равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке». Телеграмма с предложением включить эту формулировку в итоговый документ была направлена в российское посольство в Пекине прямо с самолета. После того, как китайская сторона была об этом проинформирована, немедленно собранное совещание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК приняло решение согласиться с российской инициативой. Как продемонстрировали итоги визита и последующие десятилетия развития отношений, эта новая формулировка отнюдь не была просто красивой риторикой».

Доверительные отношения сложились у Е. М. Примакова с вице-премьером Госсовета, министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем. Они были людьми одного поколения, их роднил жизненный опыт, объединяла глубина анализа

международной обстановки. Но не только. Оба во время переговоров блистали остроумием.

Вспоминаю визит Е. М. Примакова в КНР в ноябре 1996 года, после президентских выборов в США. Речь на переговорах зашла о кандидатурах на пост нового госсекретаря: «Впрочем, — заметил Цянь Цичэнь, когда основные фигуры были уже рассмотрены, — могут быть и самые неожиданные кандидатуры...» Евгений Максимович ответил: «Это верно. Как, например, я в России».

В конце марта 1997 года Е. М. Примаков принимал Цянь Цичэня в Москве. Министр повез гостя в особняк МИД в Мещерино. Разговор там всегда был доверительнее, искреннее, можно было шутить и смеяться больше обычного. Евгений Максимович провозгласил здравицу: «Выпьем за развитие партнерства с Китаем. В этом вопросе мы такие же догматики, как и вы».

В один из приездов Цянь Цичэня в Москву в честь визитера по завершении переговоров в особняке МИД на Спиридоновке был рабочий ланч. Евгений Максимович рассказал ему, как после пожара «всем миром» восстанавливали этот особняк. Особо министр поблагодарил за помощь китайских партнеров, подаривших новый ковер, специально заказанный на фабрике в Тяньцзине. Цянь Цичэня так впечатлило увиденное и услышанное, что, выступая с тостом, он взволнованно сказал: «Особняк сгорел, но, как птица Феникс, возродился из пепла. Эта история похожа на историю наших отношений, в которых было немало взлетов и падений». На это Евгений Максимович тонко заметил: «Но, к счастью, дело не дошло до пепла...».

Летом 1997 года Е. М. Примаков представлял Россию на церемонии передачи суверенитета над Гонконгом. Как и при прежних визитах министра в Китай, мне довелось сопровождать его. Прилетели небольшой делегацией в Гонконг, живший последние дни под британским «Юнион Джекком».

Вечером 30 июня англичане устроили красивую торжественную церемонию прощания со своей колонией, на котором присутствовал принц Чарльз. Проходила она под открытым небом. Но стоило только принцу в сопровождении гвардейцев и волынщиков появиться на сцене, как хлынул проливной дождь. Не спасали даже зонты и плащи, которые предусмотрительно заготовили организаторы. Евгений Максимович, как и все участники мероприятия, мокрый насквозь, стойко досидел до конца действия на своем почетном месте в первом ряду.

В тот же вечер принц Чарльз и генерал-губернатор К. Пэттен отбыли на яхте «Британия». Покинули Гонконг и некоторые иностранные делегации, в том числе госсекретарь США М. Олбрайт, с которой наш министр провел накануне весьма обстоятельную беседу. Примаков остался.

Как на заказ, день 1 июля, когда руководство КНР принимало бразды правления в Специальном административном районе Сянган, выдался солнечным и ясным. Утром министр провел теплую встречу с председателем КНР Цзян Цзэмином. Китайский лидер, который давно знал Примакова и с большим уважением относился к нему, называя своим старым другом, поблагодарил главу нашей делегации за участие в торжествах, расценив это как знак дружеской поддержки Пекина на фоне выходки западников.

Евгений Максимович прекрасно понимал роль Японии в современном мире и необходимость нахождения путей развития отношений с этой важной страной. Его усилиями еще в 70-е годы между ИМЭМО и японским Советом по вопросам безопасности — «Ампокен» — были налажены регулярные обмены, в которых вышли на влиятельные фигуры Либерально-демократической партии, включая Ясухиро Накасонэ. В кругу коллег Примаков называл его «выдающимся политиком, равных которому нет в современной Японии».

К моменту назначения Евгения Максимовича министром Россия имела с Японией — из всех стран «семерки» — наименее развитые связи. Исправить это противоестественное положение вещей, оживить российско-японские отношения был призван его визит в Японию в середине ноября 1996 года. Российский министр вел разговор с японским коллегой Ю. Икэдой особо уважительно, выделял, как важно придать новый импульс переговорам по мирному договору. В этом контексте он предложил рассмотреть возможность осуществления совместной хозяйственной деятельности на островах. Такое сотрудничество имело бы не только экономическое, но и политическое значение, приближало бы страны к компромиссным решениям.

Весной 1997 года Е. М. Примаков снова полетел в Японию. Снова — встречи и переговоры, попытки найти развязки сложных проблем, вывести российско-японские отношения на позитивную траекторию. Эти усилия существенно помогли растопить лед взаимного непонимания и недоразумений, вызванных предпринятой в начале 90-х неуклюжей попыткой руководства РСФСР разрешить вопрос заключения мирного договора с Японией. «С середины 1997 года начинается активизация двусторонних связей, — вспоминает наш посол в Японии в тот период А. Н. Панов, — и они вступают в период небывалого в истории российско-японских отношений развития по интенсивности и результативности, который продолжался до конца 2001 года».

В начале ноября 1997 года состоялась первая неформальная российско-японская встреча на высшем уровне, на которой был принят «План Ельцина — Хасимото». В апреле 1998 года вторая встреча Б. Н. Ельцина с Р. Хасимото прошла в курортном местечке Кавана. За этим стояла активная работа дипломатов, в том числе и на уровне глав внешнеполитических ведомств. В феврале 1998 года Москву в качестве министра иностранных дел Японии посетил К. Обути, а уже

в ноябре того же года он вновь прибыл в Россию — теперь в качестве премьер-министра. Его собеседником был тот же Примаков, который тоже стал главой правительства. Усилия сторон и личное внимание Евгения Максимовича к этому направлению нашей восточной политики заметно улучшили отношения России и Японии.

Назначение Е. М. Примакова министром иностранных дел привело к существенной переоценке отношений с Индией, которая постепенно стала по достоинству занимать все более важное место на шкале приоритетов российской внешней политики. В марте 1997 года — не в последнюю очередь благодаря настойчивости министра — в Москве приняли индийского премьер-министра Д. Гоуду, у которого состоялись очень позитивные переговоры и встречи с руководством России.

Евгений Максимович с огромным уважением относился к Индии. Помню историю, которую он однажды в узком кругу рассказал о своей поездке в Дели в конце 80-х годов. Встречавший Примакова сотрудник посольства СССР по пути из аэропорта некорректно высказался о местных жителях, что заставило гостя в резкой форме осадить его: «Как Вы можете, работая в стране, неуважительно говорить о ее народе?».

Е. М. Примаков глубоко осознавал вес Индии в мире и в азиатском регионе, ясно видел однозначность перспективы ее становления новым глобальным центром силы. У него не было сомнения в значении этой страны для наших национальных интересов. Однако до Примакова в отношениях с Индией не все ладилось. В контактах высокого уровня возникла весьма длительная и довольно неловкая пауза. Причин было много, но главной считают недалновидную, несбалансированную козыревскую внешнеполитическую линию, недостаточное внимание прежнего руководства МИДа к Индии.

С подачи нового министра в 1996 году в нашем внутреннем дискурсе и в мидовских бумагах появляется идея

треугольника «Россия-Индия-Китай». Озвучена она будет Примаковым позже, но уже тогда эту концепцию горячо обсуждали, а международные реалии, сама жизнь подбрасывала все новые аргументы в пользу трехстороннего сближения. С одной стороны, вероломное расширение НАТО на Восток заставляло Москву искать новые внешнеполитические контрбалансы. С другой, многое стало меняться и в отношениях между Пекином и Дели. В 1991 году в пику антикитайским санкциям Индия протянула КНР руку дружбы, приняв у себя нерукопожатного на Западе премьера Госсовета Ли Пэна, в 1993 году в Пекине побывал индийский премьер Н. Рао, а в 1996 году состоялся исторический визит в Индию председателя КНР Цзян Цзэмина. Его главным итогом было возобновление военных связей и разработка мер доверия. Буквально за несколько лет к удивлению многих — но не Примакова! — изменилась парадигма китайско-индийских отношений.

В это же время Россия и Китай вывели свои отношения на уровень стратегического партнерства. Пришла пора «подтягивать» и отношения с Индией.

С 1996 года Россия и Индия активизируют практические контакты. У обеих сторон появляется вкус к более тесному экономическому взаимодействию. По линии ВТС был дан старт разработке Долгосрочной программы военного и технического сотрудничества до 2010 года.

Атмосфера в российско-индийских отношениях стала быстро улучшаться. А в декабре 1998 года и сам Е. М. Примаков, уже как глава правительства России, полетел в Индию — куда, по его собственным воспоминаниям, в 1989 году едва не был назначен послом.

Посеянные в середине 90-х годов «семена» дали богатые «всходы» — начался новый этап укрепления наших связей с Индией. Сегодня они стали отношениями привилегированного стратегического партнерства. Индия — важнейший

единомышленник и сподвижник России в международных делах. Небывалых масштабов и динамики достигли наше экономическое и военно-техническое сотрудничество, культурно-гуманитарные связи. Потребовалась прозорливость Евгения Максимовича, чтобы в тот момент запустить «маховик» сближения.

Еще одной насущной задачей было придать новый импульс отношениям с Республикой Корея. После визита в Сеул президента России в 1992 году эти отношения развивались, но не так, как могли бы. Прошло четыре года, а новых контактов первых лиц не было. Перерыв в диалоге на высоком политическом уровне явно затянулся. Тогда, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, Е. М. Примаков решил сам слетать в Южную Корею. В июле 1997 года его переговоры там способствовали активизации двустороннего сотрудничества. Было подписано соглашение о создании «горячей линии» — засекреченного канала связи между Кремлём и Голубым домом, улажена тяжба из-за участка земли, на котором располагалось посольство царской России в Сеуле (новое здание было открыто в 2004 году).

Серьезно обсуждена ситуация на Корейском полуострове. И хотя договоренности по предложению России о запуске шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова достигнуто не было (южане приняли тогда идею США о четырехсторонних переговорах), на хозяев произвела впечатление конструктивная позиция Москвы. Особенно впечатлила партнеров выраженная нашим министром готовность поддержать любые меры, способствующие укреплению стабильности на Корейском полуострове (кстати, не случайно с той поры должное внимание стало уделяться развитию контактов России с КНДР). Шесть лет спустя, в августе 2003 года «шестисторонка» стала реальностью.

При участии Примакова было придано небывалое ускорение диалоговому партнерству Россия-АСЕАН. Евгений

Максимович придавал ему большое значение. В его основе лежала убежденность в том, что АСЕАН — важнейшая региональная организация, философия и интересы которой объективно близки России. АСЕАН сама стремится к более тесному сотрудничеству с нашей страной.

В июле 1996 года министр иностранных дел России возглавил нашу делегацию на министерской встрече АСЕАН в Джакарте, где было официально оформлено наше диалоговое партнерство с Ассоциацией. Он также участвовал в министерских встречах Россия-АСЕАН и сессиях Асеановского регионального форума по безопасности в 1997 году в Куала-Лумпуре и в 1998 году в Маниле. Именно тогда были подписаны базовые документы и созданы институты, которые по сей день определяют характер нашего сотрудничества с АСЕАН.

С именем Е. М. Примакова связана и сложившаяся в те годы традиция проведения по окончании сессий АРФ шуточных концертов с участием членов официальных делегаций — явление для мировой дипломатии поистине уникальное. Евгений Максимович, человек внешне серьезный, кому-то даже казавшийся суровым, на самом деле был большим любителем поэтического песенного творчества, писал замечательные стихи, слыл прекрасным рассказчиком и всячески приветствовал художественную самодеятельность. Идея дипломатических «капустников» пришлась ему по душе, и в ее реализацию он внес яркий личный вклад.

Корреспондент РИА «Новости» М. В. Цыганов, освещавший российскую политику в Юго-Восточной Азии и асеановских мероприятий, в одном из своих репортажей писал: «Встреча министров иностранных дел АСЕАН и стран-партнеров — единственный международный форум, на котором дипломаты не только обсуждают важные международные и региональные проблемы, но и проявляют себя в совершенно неожиданном амплуа — музыкантов, актеров, певцов... Пер-

вым из российских министров на гала-концерте выступил Евгений Примаков — в 1997 году в Куала-Лумпуре».

С каждым годом «капустники» на асеановских региональных форумах становились все популярнее, причем и российская, и американская делегации участвовали в них весьма азартно. Своими воспоминаниями как-то поделился известный российский дипломат-востоковед А. П. Лосюков, в 1997–1999 годах возглавлявший Второй департамент Азии МИД России:

«Нам пришла в голову мысль сделать с американцами совместный номер. Такого в мировой дипломатии еще не было. Американские партнеры эту идею поддержали.

Вместе мы решили, что хорошей основой для выступления мог бы стать сюжет знакомого всем бродвейского мюзикла «Вестсайдская история». Но дело ведь не только в музыке: надо было переделать слова песен, да так, чтобы текст был и занятным, и приемлемым для российской и американской сторон. А это уже политика.

Я написал первый вариант текста — на английском языке и в стихах — и передал его американцам. Это была острая политическая сатира. Как и следовало ожидать, коллеги из Госдепартамента США предложили его полностью переписать. Начались практические полноценные дипломатические переговоры по переписке, продолжавшиеся несколько месяцев: я отправлял своему партнеру наши соображения, он возвращал мне проект с поправками и встречными предложениями.

После довольно длительных и сложных дискуссий текст был, наконец, согласован. Я пошел с ним к министру. Е. М. Примаков сухо спросил: «Ну, что вы там написали?» Он взял у меня бумаги и занес над ними ручку. Я с ужасом подумал про себя: «Если Евгений Максимович сейчас начнет править с таким трудом согласованный текст, о совместном выступлении можно забыть — мы уже не успеем его заново

согласовать...». Но слова песни министру понравились, и он попросил внести в них минимальные исправления».

Однако теперь надо было отрепетировать арию. Предполагалось, что ее будут исполнять руководители внешнеполитических ведомств России и США. В этом, собственно, заключался главный сюрприз — Примаков и Олбрайт поют на сцене дуэтом арию влюбленных! Провести «спевку» можно было, естественно, только по прибытию в Манилу.

Дело облегчало одно немаловажное обстоятельство. Как известно, с М. Олбрайт у Е. М. Примакова сложились очень хорошие личные отношения. Евгений Максимович ценил в ней не только ее профессиональные, но и человеческие качества — «отсутствие напыщенности» и «располагающую непосредственность». Высоко оценивал он и артистические данные своей партнерши. Вспоминая неформальный концерт после 4-й сессии АРФ в июле 1997 года, он пишет: «Как взорвался аплодисментами зал, когда... в Куала-Лумпуре Мадлен в сопровождении своей делегации прекрасно исполнила песню Мадонны на специально написанный остроумный текст о внешней политике США!»

Репетицию удалось организовать всего лишь одну и лишь за день до выступления. Но это был действительно редкий, памятный для всех участников вечер. Собрались в номере у госсекретаря, атмосфера была почти домашняя. Евгений Максимович в кресле и Мадлен Олбрайт, взобравшаяся с ногами на диван, с «шпаргалками» в руках весь вечер распевали знакомую мелодию с новыми словами, то и дело отвлекаясь на шутки и посторонние разговоры. По свидетельству очевидцев, поначалу мало что получалось, но когда на следующий день артисты вышли на сцену, произошло чудо — так слаженно, в унисон пели два министра!

Сам Е. М. Примаков сочно рассказывает об этом «шедевре» в своей книге «Минное поле политики»:

«— НАТО включила в себя Венгрию, — пропела Мадлен Олбрайт на музыку Бернштейна «Вестсайдская история».

— Это самая большая ошибка, — пропел я в ответ на ту же музыку. Зал, в котором присутствовали все делегаты, «одобрительно неистовствовал».

Сегодня российско-асеановское партнерство выходит на невиданные ранее горизонты. Достаточно сказать, что на 4-м саммите Россия-АСЕАН в ноябре 2018 года в Сингапуре было провозглашено, что наши отношения отныне являются отношениями стратегического партнерства.

Большой рывок был сделан в середине 90-х годов и в двусторонних отношениях России со многими странами ЮВА — Вьетнамом, Индонезией, Малайзией, Таиландом. Сотрудничество с ними начинает приобретать характер целенаправленной, системной политики, нацеленной на всемерное развитие многопланового взаимодействия.

Здесь было бы уместно вернуться к Китаю. За нормализацией в 1989 году советско-китайских отношений последовало интенсивное сближение наших двух стран на базе созвучия подлинных интересов, взаимной выгоды и урегулирования проблем, доставшихся нам в наследство от прошлого. Производными от этих новых отношений стали беспрецедентные соглашения между Россией, Китаем, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. В апреле 1996 года было подписано Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы, а в апреле 1997 года — Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в районе границы. Примаков высоко оценил проделанную экспертами многолетнюю кропотливую работу и всемерно форсировал ее завершение.

На саммите с участием глав пяти государств в апреле 1996 года в Шанхае (мне выпала честь переводить эти переговоры) появилась идея — проводить отныне такие встречи на регулярной основе. Так возникла «шанхайская

пятерка». В 1997 году пять лидеров вновь собрались в Москве, в 1998 году — в Алма-Ате. В связи с невозможностью участия в алма-атинском саммите Б. Н. Ельцина Россию на нем представлял министр иностранных дел Е. М. Примаков. «Россия будет самой активной участницей "пятерки"», — заявил он тогда.

Это заявление не было голословным. Министр прилагал целенаправленные усилия в целях укрепления «шанхайской пятерки». К ее бишкекскому саммиту в 1999 году началось формирование рабочих механизмов нового, пока еще неформального объединения, а на душанбинском саммите в 2000-м было принято решение об учреждении новой организации. 15 июня 2001 года главами пяти государств и Узбекистана была подписана Декларация о создании ШОС.

Одним из государств-наблюдателей при ШОС и наиболее реальным кандидатом на вступление в эту организацию после Индии и Пакистана является Иран. Значение Тегерана как важного партнера нашей страны Е. М. Примаков отмечал в своих мемуарах особо. «Иран — соседняя страна, которую связывают с нами многие десятилетия взаимовыгодных отношений. Эти отношения не прерывались и включали в себя не только сильный экономический элемент, но с середины 90-х годов и политическое сотрудничество, особенно по тем вопросам, где у нас сблизилась интересы».

Интерес к вопросам многосторонней дипломатии в АТР у Евгения Максимовича зародился давно, еще в 80-е, когда первые региональные структуры еще только делали робкие шаги по пути своего становления.

Думаю, что он предвидел большое будущее многосторонних организаций и форумов в этом регионе. В середине 80-х годов одним из таких объединений в формате «второй дорожки» был Совет тихоокеанского сотрудничества — СТЭС. Е. М. Примаков стал главой российской делегации в Совете. Сохранились воспоминания коллег о работе в этом

форуме: «Участникам встречи СТЭС, проходившей в Осаке в мае 1988 года, запомнилось его яркое пятиминутное выступление, в котором Советский Союз был представлен в качестве полноправной региональной державы с разветвленными интересами и конструктивными намерениями».

Е. М. Примаков был избран первым председателем Советского национального комитета Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (СНКАТЭС), образованного по его же инициативе в 1988 году и проложившего дорогу к членству России в АТЭС. «Исключительно в стиле Е. М. Примакова незамедлительным практическим шагом стала организованная им блиц-поездка рабочей группы СНКАТЭС в Благовещенск, Южно-Сахалинск, Владивосток и Хабаровск. Состоялись многочисленные деловые встречи и откровенные беседы с руководителями регионов, директорами предприятий, учеными. Осенью 1988 года, в тогда еще "закрытом" Владивостоке, под руководством Е. М. Примакова была проведена беспрецедентная по числу и представительности участников международная встреча "Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог, мир и сотрудничество"».

Но это было только начало. Придя в МИД, Примаков обратил на разворачивавшиеся процессы региональной интеграции самое пристальное внимание. В 1996 году наша страна стала участником АРФ. Тогда же за подписью министра иностранных дел России были направлены письма с выражением готовности присоединиться к форуму «Азия-Европа» — АСЕМ. Переговоры о вступлении в данное объединение растянулись на полтора десятилетия, но в конце концов были успешно завершены в 2010 году. «После долгих мытарств и дипломатических усилий» (так характеризовал это сам Евгений Максимович) Россия наконец-то вступила в АТЭС. Вместо хворавшего президента Б. Н. Ельцина он сам представлял Россию на первом с участием нашей страны саммите АТЭС в октябре 1998 года в Куала-Лумпуре.

Эта линия была продолжена и после перехода Е. М. Примакова на работу в правительство. В 2002 году Россия участвовала в первом саммите Сопредседательства по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и стала участником Диалога по сотрудничеству в Азии (ДСА), в 2004-м присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, в 2010-м была вместе с США принята в состав участников Восточноазиатских саммитов (ВАС). Свидетельством высокой оценки региональным сообществом нашего деятельного участия в делах АТР стало предоставление России права проведения саммита АТЭС в 2012 году во Владивостоке.

Излишне говорить, насколько велико теоретическое наследие Примакова, дальновидные предсказания которого уже начинают сбываться. «Е. М. Примаков — без преувеличения автор ключевых направлений нашей внешнеполитической доктрины, которые на протяжении почти двух десятилетий сохраняют свою актуальность», — сказал, выступая на вечере памяти Евгения Максимовича, С. В. Лавров. Ему принадлежит концептуальное первенство в формулировании доктрины многополярного мира, которую совершенно справедливо называют «доктриной Примакова». Если в 90-е годы кому-то эта формула могла казаться идеологизированной утопией обиженной России или умозрительной конструкцией оторванных от жизни ученых, то сегодня формирование полицентричного мироустройства упорно пробивает себе дорогу на фоне тщетных попыток утрачивающего свое былое доминирование Запада любыми силами удержать мир под своим единоличным контролем.

Тезис о разноуровневой евразийской интеграции был высказан Примаковым задолго до того, как эта истина овладела умами других. Он был убежден, что выделение в этом процессе «интеграционного ядра» необходимо и неизбежно. Его вывод подтвержден жизнью — созданием Евразийского экономического союза.

Е. М. Примаков был первым, кто заявил о возможности сотрудничества России, Китая и Индии. И в это тоже поначалу мало кто верил. Но идея «тройки» уже вскоре, в конце 90-х годов, была материализована в виде механизма трехстороннего диалога РИК — по первым буквам в названиях трех стран. Знаковая встреча лидеров трех государств, состоявшаяся в ноябре 2018 года «на полях» саммита «Группы двадцати» в Буэнос-Айресе, продемонстрировала их растущий интерес к РИК и еще не до конца раскрытые возможности нашего трехстороннего сотрудничества.

Но ведь «тройка» дала толчок еще более масштабным процессам. В 2006 году на международном небосклоне появился новый перспективный форум, получивший название «БРИК». В 2011 году с присоединением ЮАР он превратился в БРИКС. Сегодня это одно из наиболее динамично развивающихся объединений, влияние которого на мировую политику, глобальное управление и реформирование международных экономических отношений трудно переоценить.

За минувшие десятилетия до неузнаваемости преобразилось и другое детище Евгения Максимовича и его соратников — «шанхайская пятерка», превратившаяся в 2001 году в ШОС. Сегодня это организация в составе восьми членов, более десятка государств являются наблюдателями или партнерами по диалогу, а всего «шосовская семья» включает в себя 18 стран!

Евгений Максимович был мудрым и трезвым политиком. Указывая на важность разворота России лицом к Азиатско-Тихоокеанскому региону, он видел необходимость проведения Россией сбалансированной внешнеполитической и внешнеэкономической линии в мировых делах. «Сила нашей внешней политики, — говорил он, — в максимальном охвате различных государств и особенно в развитии отношений с азиатскими странами. При такой конфигурации нам будет легче иметь дело и с Западом». Не случайно в его последнем публичном

выступлении в январе 2015 года на заседании «Меркурий-клуба» были такие слова: «Можно ли говорить о переориентации России на Восток? Отвечаю: это не так. Россия хотела бы нормализовать отношения с США и Европой, но игнорировать быстروزрастаемое значение Китая и других стран, входящих в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, было бы неразумно». В каком-то смысле это — политическое завещание Е. М. Примакова.

Мой самый близкий друг

По просьбе друзей из МИДа России поделюсь воспоминаниями о Евгении Максимовиче Примакове, с которым меня связывала прекрасная полувековая дружба.

Евгений Максимович был личностью многогранной — журналист, писатель, ученый — член Академии наук СССР, яркий парламентарий, руководитель разведслужбы страны, министр иностранных дел, премьер-министр России... И на всех участках проявил недюжинные способности.

Его деятельности всегда сопутствовали новизна, поиск путей эффективного развития. Назову, например, выдвинутую им идею создания стратегического треугольника: России-Индия-Китай. Перспективная идея получила развитие и ныне действует неформальная группа пяти крупнейших государств мира — Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки (так называемый БРИКС).

Посчастливилось наблюдать и радоваться успехам его деятельности на всех направлениях.

Расскажу теперь о нашей дружбе.

В декабре 1965 года делегация советской молодежи посетила Египет для участия в Неделе дружбы обеих стран. В ее составе были комсомольские работники, деятели культуры, спортсмены и т. д. — целый самолет Ил-18.

Успеху нашей делегации сопутствовала помощь сопольства и собкоров газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда». Именно тогда впервые встретились с Евгением Максимовичем Примаковым, собкором «Правды». То знакомство переросло в дружбу.

Поначалу отнесся к Е. М. сдержанно, но очень скоро разглядел его огромный интеллектуальный потенциал. Последовали многочисленные встречи. Подружились семьями. Перебираю многочисленные фотоснимки. Вот мы в Каире, в ресторане «Оберж де пирамид», где блистала знаменитая танцовщица Сухер Заки. Участие в моих днях рождения, на которых Е. М. был тамадой. Когда я был послом в Непале, он дважды приезжал к нам в качестве директора Института востоковедения АН СССР, а также отдыхал у нас в доме, совершил поездки по этой уникальной стране.

Рецензировал мою первую книгу «Моя дипслужба», вел ее презентацию.

Это был большой мастер поиска политических вариантов разрешения конфликтов. Так, он был против ввода войск в Чечню. Противился и вводу войск в Баку в январе 1990 года. Мы с ним были категорически против, поскольку это не решало, более того, усугубляло ситуацию.

Поздравляя меня с днем рождения, он писал: «За спиной у тебя непростая, очень интересная жизнь, многие события которой стали частью нашей истории. Яркая, неординарная личность. Ты, как магнит, притягиваешь к себе людей. Твой друг Е. Примаков».

Мы с Примаковым — державники*

Гарик Карапетян: *Юлий Михайлович! Вы с Примаковым — люди одного поколения. Наверняка, познакомились до его назначения в МИД?*

Юлий Воронцов: Да, мы — давнишние друзья. Аж со времен учебы в Бакинском военно-морском подготовительном училище. Евгений Максимович, по-моему, был старше на курс или два. Хотя он до сих пор жалуется, что курсантам предписывали иметь прическу «под ноль», а мне разрешили (смеется) «видимость больше нуля». Потому что мой отец тогда был начальником училища.

Спустя годы мы вновь сошлись, но на другой основе. Научной — с его стороны, практической — с моей. Будучи делегатами очередных съездов КПСС, нас «воссоединил» академик Николай Николаевич Иноземцев. Как-то в те годы он подсказал мне: «Поздравь! Его избрали в Академию наук СССР». С той поры мы поддерживаем дружеские взаимоотношения.

Г. К.: *Зачем понадобилось «посредничество» директора ИМЭМО?*

---

* Из книги Гарика Карапетяна и Владимира Грачёва-Селиха «От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова».

Ю. В.: Он стал связующим звеном на новом уровне нашего общения. Словом, в следующие дни мы ходили по Кремлёвскому дворцу съездов втроем.

Г. К.: *Спустя 17 лет Вы, находясь на службе в США, позвонили Примакову по случаю его назначения в МИД?*

Ю. В.: И позвонил, и поздравил. У нас сохранились настолько прямые контакты, что уже не требовались предисловия или посредники. Потом мы встречались, когда он приехал в Нью-Йорк на Генассамблеи ООН...

Г. К.: *О чем подумали, когда «западника» Козырева сменил «ближневосточник» Примаков с его интересной системой политических координат?*

Ю. В.: Мир, конечно, с той поры немного преобразился, насколько я понимаю. Да, он остался многополярным, но теперь выделяются пики ряда более важных держав, чем остальные. И не такие уж равные все они — есть выдающиеся и среди них. Поэтому концепция Примакова воспринималась специалистами неплохо. Как и то, что в МИД появился человек со свежими взглядами, очень близкий к дипломатической среде и профессии. А я обрадовался за давнишнего знакомого, занявшего достойное для него кресло.

Г. К.: *Новому министру приятно было иметь среди единомышленников столь авторитетную персону российской и мировой дипломатии, как Вы?*

Ю. В.: Да уж... Находясь за океаном, я немножко оторвался от внутримидовской действительности. Но благожелательность Примакова по отношению к себе, естественно, почувствовал, читая его телеграфные оценки моей работы... У нас взаимоотношения были добрыми и хорошими.

Г. К.: *Коренные мидовцы, передвигаясь по ступенькам своей карьеры, перемещаются по кабинетам на Смолен-*

ской площади и посольствам за рубежом. А чужаки — непрофессионалы вроде Панкина, Шеварднадзе и Примакова — получают высокие должности на «блюдечке с голубой каемочкой». Таких дипломатов называют «политическими назначенцами». Вы согласны с подобным диагнозом относительно Евгения Максимовича?

Ю. В.: Не забывайте, что он имел за спиной большую карьеру — и в журналистике, и в науке, и в Верховном Совете, и в разведке... Причем везде имел высокий статус, тесно связанный с внешней политикой. Поэтому назначение на должность министра стало не огромным скачком, а плавным переходом в новое качество.

Г. К.: То есть Примакова нельзя было называть чужаком в МИД?

Ю. В.: Нет. Им по праву считался Шеварднадзе. Он действительно совершил прыжок из Грузии, имея небольшой опыт поездок за границу в составе делегаций. А внешней политикой не занимался — ему хватало внутренней в республике. Работая на Смоленской, Эдуард Амвросиевич признался нам, как сидел ночами над бумагами, вгрызался в доселе мало знакомые материалы. А Примакову это не требовалось — он перешел из одного внешнеполитического ведомства в другое: из разведки в МИД.

Г. К.: Кстати, для многих давно не секрет — у Примакова и Шеварднадзе чуть ли не с тбилисской поры их биографий начались взаимные антипатии, профессиональные и человеческие. Были ли Вы очевидцем дискуссий теперь экс-министров иностранных дел СССР и России?

Ю. В.: Может, они где-то и спорили, но без меня. Поэтому не ощущал неприязнь Примакова к Шеварднадзе. Или в обратную сторону. Скорее, в обратную, поскольку Шеварднадзе-министр имел странный ум. Когда он пришел

на Смоленскую, друзья предупредили меня: «Учти, у него характер змеи, которая настолько долго помнит обиду, что ползет за человеком, а потом где-нибудь его все-таки кусает».

Г. К.: *Значит, «Белый лис» — не единственное прозвище Шеварднадзе?*

Ю. В.: *(Смеется).* Нет, не самое точное. Наверное, Шеварднадзе понимал — Примаков более опытен в международных делах и в этом смысле опасался Евгения Максимовича.

Г. К.: *Зачитаю цитату: «Министр Примаков карьерным дипломатом никогда не был, а был он карьерным офицером внешней разведки...»*

Ю. В.: Недолго.

Г. К.: *Когда работал собкором «Правды» в Каире?*

Ю. В.: Нет. Когда его назначили начальником Службы внешней разведки.

Г. К.: *Кадровые или структурные перемены происходили в МИД с приходом Примакова?*

Ю. В.: У него не наблюдался общепринятый зуд — всех уволить или переместить. Он мне говорил: «Считаю, что в министерстве трудятся люди достойные, опытные. Чего ради их менять? Все на своих местах». Поэтому при Примакове заметные передвижения в руководстве МИД не случались. Он доверительно и уважительно относился к дипломатическим кадрам.

Г. К.: *Как бы то ни было, людей из разведки не находят в «брюссельской капусте на брюссельских же улицах», как Козырева, родившегося в торгпредстве СССР. А из Примакова, считали многие эксперты, выпирал коммунистический бэкграунд, что отражалось на его классовом подходе в политике, будь он главой академического института,*

МИД, разведки или премьер-министром. Согласны со столь суровым взглядом на своего друга?

Ю.В.: Я бы так не сказал. Он был и остается, по-моему, «державником». Он за страну переживает, ему всегда «за державу обидно» (*улыбается*). Поэтому переход людей из нашего прошлого в настоящее у многих связывался с тем, что они идеологически не заикливались на лозунгах того времени. А костяк МИД всегда считался профессиональным, не идеологизированным.

Панкин дал маху, когда считал, что на Смоленской расположился «рассадник красно-коричневой заразы». У предшественника Примакова не накопилось недовольство к коллегам, которые в свое время Козырева прижимали и не пускали работать за границей. В принципе речь идет о профессиональном аппарате, который может работать даже «при нашем странном капитализме». Поскольку российские дипломаты защищают национальные интересы. А они как были непреходящие, так и остались.

Г.К.: Как Вы отнеслись к новым приоритетам в нашей внешней политике, когда отношение России к Западу при Примакове стало настороженным. Тогда, если не ошибаюсь, начался поиск союзников в третьем мире и завязалась непонятная борьба с расширением НАТО?

Ю.В.: Нет, тогда объективные события происходили. Пока мы копошились с внутренними проблемами, на Западе решили: настало время откинуть забрало и заняться разграблением того, что принадлежало СССР — расширять НАТО, продвигать войска к границам России. Работая в Вашингтоне, я ходил в госдеп и «собачился» с «сильными мира сего»: «Зачем двигаете войска к нашим границам? Это ведь недружественный жест». Мои оппоненты отвечали: «Что вы? Мы занимаемся своими делами, вы — вашими. А перестановки армий происходят под эгидой и в рамках альянса».

Этот шум и гам оставил очень неприятный и нездоровый осадок. Ведь с начала 1990 годов существовала негласная устная договоренность между нами: ежели расширение НАТО и произойдет, исконно натовские войска останутся там, где они есть. Когда Запад, нарушая джентльменский уговор, стал перебрасывать свои ВВС к нашим границам, мы это расценили, простите за выражение, как большое свинство — явное и серьезное давление на нас. Чтобы мы и во внутренних делах поворачивались туда, куда им захочется.

Г. К.: Помню свое тогдашнее ощущение: МИД занял круговую оборону. В те годы — я где-то вычитал образное выражение — «наша внешняя политика хорошо укладывалась в батальное полотно кисти великого Верещагина — Россия в кольце фронтов». Почему у МИД при Примакове начались трудности общения с партнерами и союзниками?

Ю. В.: Действительно, подобное наблюдалось. Тут фигура Примакова играла большое значение. На Западе со страшной силой взъелись на него. Почему-то не за журналистское прошлое, а за то, что внешней разведкой командовал — нечего, мол, с этим министром иметь дела. На что мы всегда реагировали, находясь за рубежом: «Буш-старший считается таким же липовым разведчиком, как и Примаков. Поэтому мы должны разорвать отношения с США?». В ответ собеседники отворачивали ухо, не желая слушать. А собственная мысль им очень нравилась, и они ее долдонили. Контакты с Западом, конечно, натянулись. Не по нашей, а по их вине. Очевидно, они его еще считали завзятым коммунистом, который будет поворачивать страну вспять.

Г. К.: Ваша оценка знаменитого разворота Примакова по пути в США?

Ю. В.: В дни белградских бомбежек, повторюсь, меня отозвали «на консультации». Я сидел в Москве, а премьер

отправился за океан. Но не долетел. На мой взгляд, он правильный маневр совершил — надо было как-то реагировать: американцы бомбят страну без видимых причин и решений, в частности, Совбеза ООН, и в это время лететь в Вашингтон, разговоры разговаривать. Конечно, можно было прилететь, сказать «фэ»: «Безобразники, кто позволил международное право нарушать?» И тут же вернуться домой. Примаков сделал более драматический жест — демонстративно развернулся. На мой взгляд, неплохая находка.

Г. К.: Ладно, но каким образом надо было реагировать на хамство Багдада?

Ю. В.: Например, воздействовать акциями Совбеза. Об этом я тогда думал и предлагал. Но у нас рука не поднялась на совместные акции против Хусейна. Почему-то мы его считали нашим другом, чуть ли не союзником. Ради чего?

Г. К.: Между прочим, именно Примакову, многолетнему другу Хусейна, принадлежит значительная «заслуга» в формировании униженной позиции России.

Ю. В.: У него действительно сохранялись хорошие отношения с руководителем Ирака. Еще со времен Примакова, собкора «Правды» в Каире. Конечно, наша защита Хусейна с его выкрутасами выглядела, мягко говоря, неловко. А учитывая то, что он творил у себя в стране — совсем плохо.

Г. К.: Как в целом Примаков чувствовал себя на посту министра?

Ю. В.: Очень спокойно и уверенно. Примаков — многоопытный человек, особенно во внешней политике. Поэтому у него сразу установились контакты с коллегами-министрами — как всегда это бывает, сплошная очередь на аудиенцию протянулась по всем кабинетам... Нет, все было

нормально. Примаков остался в памяти настоящим и хорошим министром.

Г. К.: Вспоминаю «вкусные» детали его отношений с госсекретарем Олбрайт. У меня, земляка Примакова по Тбилиси, сложилось впечатление, что фирменный стиль общения отличал Евгения Максимовича от его предшественников?

Ю. В.: Отношения с Олбрайт у него сложились очень хорошие. Она это отметила в своих воспоминаниях. Как-то госсекретарь прилетела в Москву, и он ее принимал у себя дома, а я присутствовал на том застолье. Причем оно получилось не кавказским (*улыбается*), а среднерусским. Но Олбрайт растаяла, вела себя раскованно, весело...

Г. К.: Гости Примаковых говорили по-русски?

Ю. В.: Олбрайт все понимает. Но достаточной языковой практики у нее нет. Поэтому говорить ей сложно. Тем не менее, беседовать с Олбрайт легко. В Вашингтоне происходило то же самое — когда Примаков приезжал туда, они вели не только приятные разговоры, но и согласовывали государственные документы. Как посол, я болтался рядом, но не мог считать себя третьим, а они усаживались рядом и писали серьезную бумагу. Причем что-то формулировали, затем вычеркивали, спорили... Потом к ним присоединился Джон Шаликашвили, председатель Объединенного штаба начальников штабов родов войск ВС США...

В конце концов, получился дружный квартет — главным действующим лицам с двух сторон подсказывали военные специалисты-международники. Поэтому отношения с американцами складывались в высшей степени рабочими. Они воспринимали Примакова как ровню, как профессионала и мудрого человека...

Г. К.: Общеизвестен профессионализм и Примакова-тамады.

Ю. В.: Именно тогда проявлялся его тбилисский акцент! Причем, все тосты, весьма необычные для американцев, он произносил по-английски. Теперь они, может, часто приезжая к Саакашвили, больше познают грузинское гостеприимство и застолье. А тогда это было для них внове — они слушали Примакова во все уши. Наши посиделки проходили очень тепло, по-человечески.

Г. К.: Когда Вы, два друга, приватно общаетесь, степень откровенности между вами, наверняка, максимальная? Примаков чуть старше Вас?

Ю. В.: Нет, он родился на 20 дней позже, о чем всегда ему напоминаю. Когда он выступал на моем 75-летию, я при каждом удобном случае подчеркивал: «Примаков — младший брат у меня». Когда ему исполнилось столько же, к сожалению, я заседал в Совбезе ООН в Нью-Йорке. Общаться с ним приятно: всегда откровенен — и по деловым вопросам, и по семейным, и по всем иным...

Г. К.: Приведу другой характерный пример. Неожиданно для руководства «Известий» премьер-министр Примаков заехал в редакцию и сразу направился не в кабинет главного редактора Кожокина, ставленника олигарха Потанина, а к политобозревателю и выпускнику МГИМО Станиславу Кондрашову (1928–2007), которому в тот день исполнилось 70 лет: «Я пришел к другу!»

Ю. В.: Конечно, это — отклик из грузинского детства. Но в большей степени речь идет о личных качествах: порядочность, доброта, умение дружить.

Г. К.: В этом контексте вспоминаю гигантское интервью Кондрашова с Вами на глобальные темы («Время МН», 1 ноября 2000. — Прим. авт.). Там эти качества тоже просматривались.

Я трудился в «Новых Известиях» имени Березовского, когда наш штатный «сливной бачок» (теперь работает в США, представляя там «Коммерсант») принес главному редактору, кстати, тбилисцу Голембиовскому очередной «компромат» — список предпринимателей, чиновников и олигархов. Их, включая живущих за границей, Примаков якобы собирался посадить на нары. Редакция, считаю, по причине самонадеянности руководства, с треском проиграла иск, поданный от имени премьера... Всю сумму штрафа — примерно 7000 долларов — он перевел на счет одного из детсадов...

Ю.В.: Когда Примаков недолго возглавлял правительство, на нары сажать никто никого не собирался. А мне он рассказывал, какой обструкции подвергся, когда впервые появился в кабинете премьера. Все сотрудники аппарата куда-то буквально разбежались. А он пришел в правительство, взяв с собой из МИДа лишь двух помощников — Маркаряна и вице-адмирала Зубакова (оба трудились со своим шефом и в СВР, а после ухода Примакова из МИД первый поработал послом РФ сначала в Сирии, потом в Хорватии, а второй — послом в Македонии, затем в Молдавии, зам. секретаря Совбеза РФ и замминистра иностранных дел РФ. — Прим. авт.), ставшего руководителем секретариата. Оба не знали, куда звонить, с кем говорить, как связаться со страной...

Г.К.: *Чем объясните столь беспрецедентный случай взаимоотношений премьер-министра и отдельно взятого издания?*

Ю.В.: Досужие разговоры о том, что Примаков начнет сажать, подействовали угнетающе на чиновников... Но они — общеизвестно — не всегда чисты на руку. Поэтому аппаратчики представляли себе, за что их надо разгонять и арестовывать. Но он-то их не знал — пришел новый руководитель и такую обструкцию учинили! Это было некрасиво.

Тогда экономическая ситуация сложилась черт-те какая, а Примаков, собственно, и был призван выправлять...

Г. К.: ...дефолт, случившийся при правительстве Кириенко.

Ю. В.: Президент Ельцин тогда и позвал Евгения Максимова, чтобы тот нормализовал положение в стране. Однако как только Примаков выполнил поставленную перед ним задачу, тот его выпроводил.

Примаков — человек честный, не вороватый, как многие из окружения Ельцина. Однако когда началось давление на премьера извне, я точно не знаю, как это происходило в контактах Ельцина с руководителями западных стран, но предполагаю, что они настоятельно и прямо ему указывали: «Убери Примакова!»

Г. К.: А кто мог «дома» давить на Ельцина с той же целью?

Ю. В.: Тогда кадровые вопросы решали имевшие постоянный пропуск в Кремль наши так называемые олигархи. Они побоялись за будущее реформ: «Ладно, вытащил страну из дефолта, но дальше он такое закрутит, что нам не поздоровится». А на олигархов Ельцин реагировал четко.

Г. К.: Случайно ли финал Вашей посольской карьеры в Вашингтоне совпал с ... отставкой Примакова?

Ю. В.: В январе 1999 состоялся прием по случаю отъезда и завершения моей миссии.

Г. К.: Так сказать, «отходная». Но решение, как понимаю, принималось в 1998?

Ю. В.: Да, и Примаков сказал мне заранее, кто меня сместит в США.

Г. К.: *Значит, отставка Примакова с поста премьер-министра и окончание Вашей работы в США не связаны между собой?*

Ю. В.: Нет. Я досидел до 70 лет — для МИД это большой перебор.

Г. К.: *Однако некоторые молодые дипломаты и теперь хуже соображают, чем Вы.*

Ю. В.: Это другое дело. Но у меня наступила пора, скажем так, добровольной отставки. Тем более, Евгений Максимович до этого говорил с генсеком ООН о предоставлении мне статуса спецпосланника по СНГ. Мы с ним единомышленники, потому что державники.

Г. К.: *Мне кажется, теперь Примакова воспринимают в качестве старейшины на политической арене. Не кавказскими ли корнями можно объяснить секрет долголетия Евгения Максимовича?*

Ю. В.: На мой взгляд, это — результат его многоопытности, необычной и разнообразной карьеры... и порядочности.

Г. К.: *Примаков пережил драматические события и в семье. Что на нем даже внешне почти не отразилось. Чем объясните силу духа Евгения Максимовича?*

Ю. В.: У него такой характер — переживания на публику не вытаскивает. Конечно, он глубоко внутри выстрадал и смерть жены, и гибель сына. Поэтому нельзя сказать, что эти удары судьбы прошли бесследно.

Позже Примаков нашел себе новую спутницу жизни, с которой познакомился задолго до того, как она стала его второй женой. Когда он работал в Верховном Совете СССР, то как-то прилетел в Нью-Йорк с официальным визитом и, соответственно, с сопровождающими его по статусу лицами. Мы катались на яхтах... Тогда он меня познакомил со своим

личным доктором Ириной. Поэтому я ее хорошо знаю. Теперь у них дружная семья.

Г. К.: Чтобы «закольцевать» нашу беседу, признаюсь: трогательно было видеть в выпусках новостей НТВ тезку Примакова — его внука, выступающего с репортажами из Ближнего Востока под псевдонимом «Евгений Сандро» (ныне в том же регионе работает спецкором 1-го канала. — Прим. авт.)...

Ю. В.: Ах, вот как! Надо обязательно посмотреть.

Г. К.: Юлий Михайлович, вовремя ли покинул МИД Примаков? Зачитаю любопытную цитату: «В сентябре 1998, когда Примаков стал премьером, его первый зам на Смоленской площади Иванов пересел в кресло министра. По мнению Козырева, получилось так, как если бы Примаков не уходил из МИД, а уехал в командировку». Вы согласны с подобной оценкой?

Ю. В.: Я и свою имею. Поэтому мне с Козыревым соглашаться не надо. Конечно, Примаков хотел оставить МИД за собой. Как это надо было сделать лучше всего? Первого зама сделать министром, и тогда МИД контролировался Примаковым. Дело в том, что после его перехода в правительство появилось очень много «добровольцев», желавших кинуться на министерский пост.

Г. К.: Нередко я слышал и читал «диагноз» Иванова-министра: ответственный, надежный исполнитель, нужный любому начальнику.

Ю. В.: Правильно, последовательный менеджер. Но это касалось, прежде всего, задумок и воли Примакова. Поэтому Иванов закрепился и удержался как министр. Однако когда Примаков перестал работать премьером, возникла необходимость самостоятельной роли МИД. Тогда между ним

и Ельциным по сути никого не оказалось. Иванов должен был переложить на свои плечи всю полноту ответственности по внешним делам. Ну, какие советы мог дать Ельцин в трезвом или нетрезвом виде (*улыбается*)? Поэтому Иванову стало, конечно, тяжелее.

Г. К.: *Судя по «температуре» Ваших ответов, Вы дружите с Ивановым. Ближе, чем с Примаковым?*

Ю. В.: Нет, с Примаковым дольше и дальше.

Г. К.: *И все-таки с кем из глав МИД Вам легче работало?*

Ю. В.: Разумеется, с теми, кого лучше знал.

Г. К.: *То есть с Примаковым?*

Ю. В.: Да, легче, чем с кем-либо.

Вершина

Евгений Максимович занимает высокое место в пантеоне современной России. Его богатая биография, полная примерами успешного участия в решении масштабных, стратегически важных вопросов внутренней и внешней политики, вызывает и всегда будет вызывать большой научный и практический интерес. На протяжении почти 50 лет меня связывали близкие дружеские отношения с этим нашим выдающимся современником. Все это время они не прерывались и не были ничем омрачены и обесценены. Уже в почтенном возрасте мы гордились этим и как бы подводили итог нашей большой жизненной дороги.

А зарождалось все в далеком 1967 году в Египте, в Каире — одном из центров мировой цивилизации. В те годы я начал свою деятельность в качестве одного из руководителей Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, а Евгений Максимович, уже широко известный в стране и мире талантливый журналист-международник, являлся представителем газеты «Правда» (главной газеты страны в течение всей истории СССР) на Ближнем Востоке. Таким образом, мы оба были погружены в проблемы этого постоянно бурлящего событиями региона.

Иногда спрашивают, почему Примаков, успешно окончивший аспирантуру МГУ по экономической специальности,

не выбрал для себя гораздо более спокойную сферу деятельности, например, в Москве или, как тогда было модно, в стабильной и сытой Европе? Вот в этом и ответ на один из главных вопросов, подтверждающий, что Евгений Максимович никогда сам себе не искал должностей получше. По самоощущению, по восприятию происходящих крупных изменений в мире он оказывался на передовой, там, где создавалась история. Поэтому он сделал правильный выбор с самого начала своей деятельности. Время это подтвердило.

Каир времен Гамала Абделя Насера, одного из основателей Движения неприсоединения (по политической эффективности нередко превосходившего Организацию Объединенных Наций), был неформальной столицей арабского мира, здесь же находили политическую трибуну лидеры национально-освободительных движений стран Азии и Африки.

Ближневосточный цикл деятельности Евгения Максимовича — отдельная и очень значимая часть его биографии. Сотни его статей в газете «Правда» и во многих зарубежных изданиях стали настоящей летописью исторически значимых событий. Именно на этом направлении он сделал несравнимо много для того, чтобы наша страна, Советский Союз, была активным участником сложного процесса урегулирования ближневосточных проблем. Именно Евгений Максимович в течение долгого времени в ходе обстоятельных бесед, находясь в Каире, а затем и в Москве, оказал серьезное влияние на мировоззрение и позицию Ясира Арафата — яркого лидера Палестинского движения сопротивления (ПДС), имевшего тогда репутацию весьма радикального деятеля. Палестинские политики хорошо знают, что во многом благодаря Евгению Примакову ПДС преобразовалось в организацию, получившую широкое международное признание, в том числе способную законно представлять интересы своего народа в ООН.

Немалая заслуга академика Примакова и в том, что Нобелевская премия мира в 1994 году была присвоена Ясиру Арафату и премьер-министру Израиля Ицхаку Рабину. А ближайший соратник Арафата, Абу Мазен (Махмуд Аббас), который сегодня успешно возглавляет Палестинскую автономию, был — и это мало кто знает — аспирантом Института востоковедения Академии наук СССР и защитил там интересную диссертацию. Директором же института тогда являлся Евгений Примаков.

Еще один пример важных дел Примакова — курды. В 1966–1970 годах он был единственным, кто неоднократно, в сложнейших условиях и зачастую в небезопасных местах — на севере Ирака и в других его районах, — встречался с лидером курдского народа Мустафой Барзани. Конечно, эти многочасовые беседы сыграли значимую роль в том, чтобы установить доверительные связи с Барзани и положить начало политическому урегулированию ирако-курдского вопроса. Тогда еще начинающий и нами не разгаданный Саддам Хусейн был посредником в контактах, которые установил Евгений Максимович с Мустафой Барзани.

И все это завершилось тем, что в 1970 году президент Ирака маршал Бакр торжественно зачитал декларацию о провозглашении в Ираке мира на основе создания в едином государстве курдской автономии. Более того, представители курдов с того времени получили посты вице-президента и пяти министров иракского правительства. Все это было подготовлено при непосредственном участии Евгения Примакова.

В ходе моих командировок в Каир я всегда заходил в гости к Евгению Максимовичу и его супруге. Создавалось впечатление, будто их квартира превращалась в место интеллектуальных состязаний известных мыслителей, общественных деятелей и литераторов. Частыми гостями были и Мухаммед Хейкал, главный редактор газеты «Аль-Ахрам», входивший

в пятерку лучших в мире журналистов-международников, и Лутфи аль-Холи — главный редактор популярного египетского журнала «Ат-Талия», и Абдуррахман Хамиси — выдающийся поэт арабского Востока, лауреат Ленинской премии, кумир европейской литературной интеллигенции, и многие другие. Эти встречи были невероятно интересными. Максимыч, владевший английским и арабским, искрил свежими идеями, неожиданными нестандартными предложениями. И я не переставал удивляться массиву находившихся у него в голове знаний из различных областей. Уверен, что будущие библиографы Примакова еще вернутся к этим страницам его незаурядной жизни.

Вообще я пришел к выводу, что по масштабам личности и началу восхождения в большую государственную и политическую деятельность я мог бы сравнить моего доброго друга Евгения Примакова с Уинстоном Черчиллем. Великий британец в начале XX века был журналистом в Судане, в Пуштуистане (нынешний Афганистан), в Южной Африке во время войны Великобритании с бурами. Максимыч находился тоже в качестве журналиста в самой гуще военно-политических событий середины XX века — арабо-израильских войн, гражданской войны в Ливане, событий вокруг Палестины и ряда других.

Сопоставимость масштабов личности Черчилля и Примакова не подразумевает их одинаковости по исторической сути. Уинстон Черчилль защищал интересы британской колониальной империи. Евгений Примаков поддерживал стремление народов к свободе и освобождению от колониальной зависимости, что было одним из ключевых направлений внешней политики СССР того времени.

На Ближнем Востоке наряду с талантом журналиста и международного работника уже стал проявляться его глубокий интерес к качественно новым событиям, которые разворачивались в постколониальных странах. Я хорошо помню

встречи и беседы, в которых он все больше увязывал геополитические вопросы с экономическими. Тогда как раз начались сложные процессы национализации крупных нефтесырьевых компаний западных стран, как, например, British Petroleum в Ираке, или — еще раньше — национализация Суэцкого канала в Египте.

Проблемы зависимости Запада от сырья, с одной стороны, и сохранение национального суверенитета освободившихся от колониализма стран над своими ресурсами — с другой, отчетливо прослеживались в его аналитических статьях и работах того времени.

Может быть, именно поэтому возрастал интерес к персоне Евгения Примакова в Москве, и он был приглашен академиком Николаем Николаевичем Иноземцевым на должность своего первого заместителя в Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР (ИМЭМО АН СССР), ставший лидирующим научно-экспертным центром подготовки предложений для государственного и политического руководства страны.

Можно сказать, что Евгений Максимович второй раз оказался вместе с Николаем Николаевичем Иноземцевым. Именно Иноземцев, будучи редактором «Правды», позвал Примакова на работу в газету. Они отлично дополняли друг друга. Один хорошо знал Запад, другой — Восток. Основным научным интересом Иноземцева было изучение экономических и политических проблем капиталистических стран, ну а новые реальности в мире требовали особого внимания к странам третьего мира. Поэтому знания востоковеда Примакова были исключительно важны для исследований, которые проводились в ИМЭМО.

Время работы в ИМЭМО было для ученого и организатора науки Евгения Примакова очень интересным и содержательным. Но судьба распорядилась так, что в 1977 году он был назначен — а это значит, всесторонне проверен по линии

соответствующих госслужб и согласован в ЦК КПСС — директором Института востоковедения Академии наук СССР (ИВ АН СССР).

Поиск кандидатуры на эту должность имел свою логику. Именно в середине 70-х годов был достигнут стратегический паритет между Западом и Востоком, биполярное мироустройство обрело устойчивую форму, начался хельсинкский процесс, была подписана Парижская хартия по европейской безопасности. Удалось уйти от апокалипсиса большой войны, но конфронтация сохранилась и приобрела новую геополитическую конфигурацию. Противостояние переместилось в страны третьего мира — на Ближний Восток, в Азию, Африку, Латинскую Америку. И новые реалии требовали, чтобы на этих ключевых направлениях были сосредоточены главные научные силы. Вот, собственно, чем был обусловлен выбор Примакова на должность директора Института востоковедения.

ИВ АН СССР был продолжателем исторической востоковедческой традиции России. В этом — вековая историческая ценность института. Примаков сменил на должности директора Бободжана Гафуровича Гафурова — яркую личность, человека своей эпохи, который долгие годы руководил Таджикской ССР и в то же время имел вкус к академической работе. Перед Максимычем встали новые задачи, которые он внутренне чувствовал и решения которых ожидало от него политическое руководство СССР. Старшее поколение востоковедов находилось в напряженном ожидании шагов нового директора — сохранит ли институт свое лицо или это будет что-то совершенно новое, сосредоточенное на решении текущих вопросов? Заслуга Примакова в том, что он сумел продолжить традиции отечественной школы востоковедения и вместе с тем расширить спектр научных изысканий.

Он начал один за другим обретать «патенты» на модели эффективных научных поисков. Речь прежде всего

о разработанной Примаковым методологии ситуационного анализа, подразумевающей острые, многодневные дискуссии с участием экспертов из разных сфер. Их целью было прогнозирование возможного развития различных геополитических событий и выработка предложений по адекватному реагированию на них — научно обоснованное предвидение будущего, если хотите. Так, на стол высшего руководства страны ложились аналитические документы по афганскому направлению, по обострившимся индо-пакистанским отношениям в связи с Кашмирским вопросом, проигрывались варианты развития событий по Движению неприсоединения и ряду других проблем. Показателем значимости для страны такой работы стало присуждение в 1980 году группе ученых во главе с Евгением Примаковым Государственной премии СССР. Эта высокая награда была вручена, в частности, за заранее спрогнозированную войну Ирака с Ираном и соответствующие предложения по действиям СССР.

Мы, друзья Максимыча, часто слышим, что Примакова всегда, дескать, окружали очень хорошие, порядочные люди. Это так на самом деле, но давайте задумаемся и осознаем, что такая творческая обстановка и доброжелательное отношение формируется руководителем. Именно Примаков создавал такую обстановку, находил ярких людей, помогал им по-настоящему раскрываться.

Время, о котором я вспоминаю, заставляло всех нас осмысливать происходившие события. Поэтому рабочий день, вроде бы, заканчивался, но не заканчивались наши дискуссии. Ввод войск в Афганистан, рецидивы холодной войны, происходящие экономические изменения, внутренний консерватизм, экономическое отставание СССР, сильная бюрократизированность... Все это мы обсуждали в ходе долгих прогулок, как правило, на Воробьевых горах. И я в очередной раз убеждался в способности моего друга создавать атмосферу поиска ответов на самые сложные вопросы.

Уж кто-кто, а друзья Евгения Максимовича точно знают, что по жизни его вела судьба. За годы своей научной деятельности он обретал признание как талантливый ученый и организатор работы крупных научных коллективов. После Института востоковедения он снова вернулся в ИМЭМО, но уже в качестве директора, был избран академиком АН СССР, а на XXVII съезде КПСС стал членом Центрального Комитета КПСС. Это стало уже другой высотой в общественной и государственной иерархии, подразумевавшей большие возможности, больше прав и больше шансов на продвижение своих идей и проектов.

Новый статус не помешал ему сохранить живой интерес к реальной действительности, к нуждам народа и не ограничил круг его контактов со своими друзьями, добрыми знакомыми, представителями самых разных профессий. В течение всей жизни, на каких бы постах Примаков ни находился, он оставался таким, каким я его запомнил во время нашей первой встречи — незаносчивым, отзывчивым, добрым, порядочным человеком. Для него равное место занимали важные государственные дела огромной страны и вопросы нуждающегося в помощи друга детства или студенчества, работавшего когда-то с ним коллеги или даже совершенно незнакомого, но попавшего в тяжелую ситуацию человека.

Осенью 1988 года в моей жизни произошел неожиданный поворот. Из Дамаска с должности посла в Сирии меня неожиданно «катапультировали» прямо во Владикавказ на должность первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС (по тем временам абсолютного руководителя республики). Этот пост наряду со многим подразумевал также и участие в пленумах ЦК КПСС, и на очередном пленуме мы с членом ЦК Примаковым сидели, естественно, рядом. Интерес в те времена к Евгению Примакову как политической фигуре и ученому постоянно нарастал. Я совершенно интуитивно, не располагая какой-либо информацией, сказал

ему, что сейчас генсек предложит его кандидатуру в состав Политбюро. И, как оказалось, не только у меня одного были такие мысли, поскольку через несколько минут Горбачёв в своем выступлении предложил избрать Примакова кандидатом в члены Политбюро. А после избрания к нему подошел генерал Плеханов, начальник 9-го управления КГБ СССР, обеспечивавшего безопасность политического руководства страны, и сказал, что после заседания пленума он представит Евгению Максимовичу его прикрепленных — офицеров безопасности. С пленума мы уже выходили из разных дверей.

Максимыч, надо сказать, вообще не любил быть на выборной работе. Он считал, что выборы важны, но еще более важно быть ответственным перед теми задачами, которые диктует положение в государственной и политической иерархии.

Я думаю, что такое чувство появилось у него после избрания председателем Совета Союза Верховного Совета СССР. На этой должности ему не нравились многочасовые заседания, проходившие преимущественно в напряженной и часто популистской атмосфере с прямой трансляцией на всю страну. Причем объектив телекамеры был установлен таким образом, что зрители видели выступавших на трибуне и председательствовавшего Максимыча. Представьте, каково это — с утра до вечера постоянно находиться под пристальным вниманием многомиллионной аудитории. С присущей Примакову самоиронией он написал такие строки, изменив слова популярной тогда песни: «Поручик Нишанов, ведите собрание. А ну-ка, проснитесь, корнет Примаков».

«Поручик Нишанов» — Рафик Нишанович Нишанов, в то время председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Они были единомышленниками и близкими друзьями по жизни. При их непосредственном участии появились важнейшие законы, которые вызвали огромный интерес не только в нашей стране, но и во всем мире. Это

время я хорошо помню, поскольку возглавлял Комитет по международным делам Верховного Совета СССР. В период председательства Примакова в Совете Союза тогдашнее руководство Совета Европы официально и даже настойчиво приглашало Советский Союз вступить в эту организацию. В Москву специально приезжал Мигель Мартинес, один из руководителей парламентской ассамблеи Совета Европы, который заявлял, что на Западе воспринимают создаваемое новое поколение законов как глубокие демократические преобразования в СССР. Однако в руководстве нашей страны не торопились принимать приглашение. Впоследствии новой России пришлось ждать долгих пять лет, чтобы вступить в эту организацию. Символично, что миссия поехать в Страсбург и подписать соответствующие документы от имени Российской Федерации выпала Евгению Примакову, но уже в качестве министра иностранных дел.

В характере героя моего рассказа принципиальность в отстаивании интересов своей страны сочеталась с сильной политической волей, поиском приемлемого компромисса. Его беседы с зарубежными деятелями в Москве или за границей были настоящими уроками умения выслушать собеседника, мысленно поставить себя на его место и посмотреть его глазами на ситуацию. Некатегоричность суждений со стороны Евгения Максимовича, стремление разъяснить, убедить, показать привлекательность высказанных соображений — все это было образцом ответственного несения высоких обязанностей от имени страны. Он, как и многие люди его уровня в отечественной и мировой истории, понимал, что чем выше должность, тем выше и ответственность принимаемых решений, которые отражаются на судьбах миллионов людей. Так, к сожалению, бывает нечасто.

Наблюдательный исследователь наследия Примакова, конечно, обнаружит, что он был прекрасным знатоком истории народов Кавказа, и одновременно получит подтверждение,

что с молодых лет еще тбилисской юности на всю свою жизнь сохранил особенности кавказских традиций. Он всегда старался находить возможность и с нескрываемой радостью приезжал на Кавказ.

Несколько раз в бытность моей работы в Осетии он приезжал ко мне в гости и каждый раз оставлял хорошую о себе память. Одна из таких поездок прилась на то время, когда он баллотировался в народные депутаты СССР. Избирательные правила тогда позволяли кандидатам в депутаты, идущим по партийному списку, самостоятельно выбирать место проведения предвыборной кампании. И я был польщен, что он выбрал именно Северную Осетию. После выступлений и встреч, прошедших, в частности, и во Владикавказском государственном университете, и в Высшем общевоинском командном училище имени маршала Ерёменко, он попросил свозить его к моим в то время здравствовавшим родителям в город Алагир. «Хорошая идея», — сказал я. Максимыч позвал из соседнего Тбилиси присоединиться к нам нескольких друзей школьных лет. В доме моих родителей мы неторопливо провели традиционное кавказское застолье. Позже он напишет проникновенное стихотворение, посвященное другу, в котором были такие строки (я привожу лишь часть из них):

Пойдем к друзьям на огонек —
Там рады нам всегда.
Никто не спустит вслед курок,
Согреет тамада.

К сердцам протянет легкий мост
Из добрых, теплых слов,
Витиеватый скажет тост
За дружбу и любовь.

В сопровождении Уастырджи*
Поедем в Алагир —
Рассвет в горах, родник, хурджин**,
В нем — осетинский сыр.
Неужто и отсюда нам
Захочется назад,
В людскую толчею, бедлам,
В мир окриков, команд?

Я советую всем познакомиться с поэзией Примакова, лирически и философски отражающей разные этапы его жизни. Сборник стихов Евгения Максимовича можно найти в приложении к его последней книге «Встречи на перекрестках» и в книге «Годы в большой политике».

Для Примакова было правилом давать просмотреть или даже прочитать близким людям рукописи своих книг. Я тоже был в числе тех, кто почти всегда знал о содержании новых книг еще до того, как они были изданы. Он мог сказать: «Посмотри», — означавшее, что он еще погружен в работу над рукописью. А если он с легкостью говорил: «Вот, читай, читай», — то это значило, что все сложилось, книга закончена, точка поставлена.

Закончить свое повествование я хотел бы словами восхищения и признательности в адрес супруги Евгения Максимовича — Ирины Борисовны. Мы, друзья Примакова, хорошо знаем, что она стала настоящей опорой в его жизни, пройдя с ним и через большие радости, крупные успехи, и через горестные времена, тяжелые утраты и переживания. Это не была безмятежная жизнь. Эпоха была такой, время было такое. Это всё в нашей памяти. Мы все помним нашу «сестру» — первую супругу Евгения Максимовича Лауру

---

* В осетинской национальной мифологии Уастырджи — покровитель мужчин, путников, воинов (как святой Георгий в христианстве).

** Традиционная восточная сумка.

Васильевну Харадзе, которая скоропостижно ушла из жизни в 1987 году. В семье нашего друга постоянно присутствовала — и я уверен, так будет всегда, — добрая память о тех, кого рядом больше нет, сохранялся дух взаимной поддержки и внимания ко всем близким. Ирина Борисовна, которая и как супруга, и как друг, и как врач, и как заботливая и обаятельная женщина долгие годы находилась рядом, была и остается хранительницей очага. Особая ее заслуга в том, что она создала обстановку, которой особенно гордился Евгений Максимович. Двери их дома всегда были открыты. Ирина сберегла все условия, чтобы друзья видели друг друга. Народная мудрость гласит, что супруги за долгие годы вместе становятся похожими друг на друга. Супружество Жени и Ирины тому подтверждение.

«Люди говорят — уходит время. Время говорит — уходят люди». Эта мысль и эти слова принадлежат Евгению Максимовичу. Время проходит, а мы чувствуем, что наш друг физически не рядом, но вместе с тем всегда с нами, в нашей памяти, в наших воспоминаниях. Перед нами Максимыч в добрых поступках, политических подвигах, с его остроумием и мудростью, с ликом радующимся или беспокоящим, с его непревзойденной способностью создавать вокруг себя солидарную атмосферу. Время проходит, а он с нами. Так будет всегда.

Константин ДОЛГОВ

Мгновения, уходящие в вечность

Я знал Евгения Максимовича Примаков много лет. Мы познакомились в шестидесятых годах на одном из совещаний в отделах ЦК КПСС. В то время он работал в газете «Правда», а я был консультантом журнала ЦК КПСС «Коммунист». Затем мы встречались на разных мероприятиях, но никаких особо близких отношений, серьезных разговоров в то время не было, обычный дружеский обмен мнениями по текущим делам.

Когда же я начал работать в Отделе культуры ЦК КПСС, наши встречи и разговоры стали более продолжительными, содержательными и предметными: мы обсуждали серьезные международные проблемы, проблемы, связанные с культурами Востока и Запада, и, естественно, проблемы нашей внутренней политики. Евгений Максимович к тому времени вернулся в науку, был заместителем директора ИМЭМО АН СССР, а затем директором Института востоковедения АН СССР.

Сказать, что беседовать с ним было интересно, это ничего не сказать, поскольку, обладая уже в то время огромной эрудицией и определенным накопленным опытом, он буквально на ходу высказывал оригинальные и глубокие идеи по вопросам политики Советского Союза, США и Европы

на Востоке и Западе, по существу намечая новые тенденции и направления. Уже в то время у него проявлялись черты политического мыслителя, которые позже, занимая большие должности, он будет воплощать в реальность.

Однажды, выступив с одним из основных докладов по вопросам мировой культуры на конференции ЮНЕСКО в Париже, я возвращался в Москву. Войдя в самолет, увидел там Евгения Максимовича. Мы обрадовались друг другу, сели рядом и начали беседовать. В салоне первого класса больше никого не было, мы летели вдвоем. Пили хорошее вино (от крепких напитков он отказался) и беседовали о современной мировой культуре — западной и восточной, и, естественно, о сложных международных отношениях, особенно между СССР и США. Надо сказать, что уже в то время он был одним из редких ученых, которые считали Восточный вопрос одним из основных в мировой политике. Он был убежден, что нам надо всемерно развивать экономические, политические, культурные отношения со странами Востока, не забывая при этом о развитии отношений с Западом.

Я был поражен его познаниями в области мировой культуры, прежде всего — классической литературы России, Запада и Востока от древности до наших дней. Он приводил наизусть отрывки из различных трактатов, романов, стихотворений, поэм, давал глубокие и емкие характеристики авторам этих сочинений, что свидетельствовало о его высочайшем художественно-эстетическом вкусе. Видимо, неслучайно эта любовь к литературе и искусству выразилась в том, что он и сам писал стихи. И даже его научные исследования отличаются хорошим литературным языком и в известной степени художественным стилем.

В этой же беседе Е. М. Примаков рассказывал мне о направлениях научных исследований, которые проводились в то время в его институте. Поскольку я постоянно занимался чтением восточной литературы и прежде всего древних

трактатов (Китая, Индии, Японии), мне было исключительно интересно и полезно слушать его размышления. В конце беседы Евгений Максимович попросил меня помочь ему в издании некоторых древних восточных рукописей и трактатов. Конечно, я с удовольствием согласился.

С этого времени наши нечастые встречи всегда были насыщены новыми, иногда сокровенными идеями, относящимися к нашей науке, политике, культуре, особенно после того как я был назначен председателем Всесоюзного агентства по авторским правам, где мы стали продвигать произведения наших авторов, в том числе ученых, инженеров, деятелей культуры, во многие страны мира. Любопытно отметить, что я услышал от Евгения Максимовича практически то же самое, что мне при нашей первой официальной встрече сказал Андрей Андреевич Громыко: «Соединенные Штаты и страны Европы покупают у нас права на самые передовые научные разработки, на классические труды, на все самое лучшее, что есть в нашей науке и культуре, предлагая нам взамен, как правило, ширпотреб, то есть произведения массовой культуры, научные исследования, не имеющие особой ценности. Эту тенденцию надо поломать и покупать у них права на самые выдающиеся произведения науки, техники, культуры».

Наши встречи и беседы продолжались и тогда, когда Евгений Максимович занимал различные государственные и выборные должности. Мы обменивались мнениями по содержанию его книг, которые он мне дарил, и я их внимательно изучал, а также моих книг, которые я также ему дарил, а он внимательно читал и высказывал свои замечания. У меня хранятся все его книги с автографами, за исключением двух последних, которые он обещал подарить, но не успел.

Однажды я позвонил Евгению Максимовичу и попросил о встрече. Я передал ему некоторые свои статьи, и у нас состоялся неожиданный разговор по вопросам внутренней политики, касавшийся тех трудностей, которые переживает

наша страна в связи с мировым кризисом. Я изложил свою версию причин, которые тормозят наше развитие и, соответственно, выход из этой кризисной ситуации. Он внимательно выслушал все, что я говорил, и тут же начал излагать свою точку зрения.

Как сверхопытный человек в политике и один из лучших наших ученых-специалистов по экономике, Евгений Максимович стал говорить об ошибочных идеях либерализма 90-х годов и прежде всего о тех, кто определял экономику и политику того времени. Основную ошибку руководителей-либералов (в его определении «так называемых либералов» или «псевдолибералов») он видел в отрицании положительного опыта, который был накоплен за годы Советской власти. В частности, при всей так называемой демократизации общества в различных сферах (политика, экономика, культура) должна сохраняться определенная, весьма ощутимая роль государства в этом процессе. Затем, при всех серьезных упущениях и разладе экономического развития, должен сохраняться приоритет постоянного улучшения жизни народа. И, естественно, капиталистические отношения в России не должны способствовать созданию и углублению пропасти между сверхбогатыми и сверхбедными. По его мнению, приватизация 90-х годов, так называемая ваучеризация и т. д., была или плохо продумана и представляла собой грубую вульгарную кальку с подобных процессов в США и на Западе в целом, или это была умышленная операция разрушения России. В этом смысле, как говорил Евгений Максимович, ни в коем случае нельзя соглашаться не только с политикой либералов 90-х, но в еще большей степени с политикой современных неолибералов. При этом он ссылался на высказывания западных ученых-экономистов, приводил соответствующие цифры и в течение всего нашего разговора, примерно около полутора часов, я слышал глубокие аналитические суждения, имевшие непосредственное отношение

к тому, что происходило и происходит в России, европейских странах и в Соединенных Штатах.

Какова же была моя радость, когда в январе 2014 года на ежегодном заседании «Меркурий-клуба» Евгений Максимович сделал доклад, в котором подверг резкой критике политику псевдолибералов и неолибералов, показав полную несостоятельность их политической и экономической идеологии. Прочитав на другой день опубликованный доклад, я позвонил Евгению Максимовичу и поздравил его с великолепным критическим научным анализом политики и практики псевдолиберализма и неолиберализма и совершенно верными обоснованными выводами и предложениями.

В другой беседе он специально остановился на понятии современной европейской демократии. Если при самом зарождении демократии в Древней Греции под этим термином понималась власть народа, то в настоящее время то, что называют демократией, означает все, что угодно — власть султана, короля, диктатора и т. д., за демократию выдаются любые формы власти, не имеющие к подлинной демократии никакого отношения. По существу, в настоящее время ни в одной стране у народа нет власти, власть делегируется каким-то представителям, и, как правило, этими представителями являются самые богатые люди. Поэтому в современном мире власть принадлежит сверхбогатым людям, а не народу, и пропасть между сверхбогатыми и сверхбедными постоянно растет. Поэтому совершенно необходимо вернуться к истокам содержания истинной демократии как власти народа, чтобы избежать неотвратимых иначе коллизий и взрывов.

Наша очередная беседа состоялась после того как Евгений Максимович ознакомился с моей большой статьей, посвященной реформе Российской Академии наук, где я, опираясь на работы наших выдающихся ученых, показал несостоятельность предполагаемой реформы — ликвидации Академии наук. Евгений Максимович высоко оценил

эту статью, но отметил, что она слишком резкая по своему пафосу и выводам, и предложил, если я еще буду писать об этом, давать анализ в более спокойных тонах, не драматизируя излишне и не исключая возможности компромиссных решений. При этом он добавил, что беседовал с президентом В. В. Путиным, ввел его в курс дела, и, по его мнению, эта реформа должна обрести более приемлемое содержание. По существу, вмешательство Евгения Максимовича спасло Академию наук от ее ликвидации, как это было намечено ранее. В этом огромная заслуга его как ученого, политика и государственного деятеля.

Свою книгу «В поисках Бога и Человека», вышедшую в издательстве МГИМО на очередной встрече я вручил Евгению Максимовичу. Он обещал внимательно прочитать ее, чтобы вместе обсудить. Потом дал высокую оценку этой книге, в которой я рассматривал содержание основных мировых религий и мировой культуры. Он особенно выделил значение восточных учений, доктрин, памятников культуры для современной мировой политики. Его рассуждения по всем этим вопросам удивили меня глубиной знания этих религий и доктрин, мировой культуры в целом, и, что особенно важно, по каким направлениям они могут воздействовать на негативные проявления политического вмешательства в международные отношения и во внутреннюю политику различных стран. Я еще раз убедился в его глубочайшей компетентности не только в проблемах мировой экономики и политики, но и в вопросах религии, международного права, литературы, искусства и культуры в целом.

На одной из наших последних встреч мы коснулись событий на Украине. Эти события он переживал довольно тяжело, как внезапно свалившуюся серьезную, угрожающую смертельным исходом болезнь. Однако Евгений Максимович был уверен, что все трудности в итоге будут преодолены, поскольку вся история наших народов — русских,

украинцев, белорусов — является единой, общей историей. Они настолько сроднились и переплелись, что разделить их ни сейчас, ни в будущем невозможно. Что же касается специфики языка, культуры каждого народа, этот выбор народ делает сам, без всякого вмешательства извне: на каком языке говорить, какую веру исповедовать и т. д. В конечном счете, полагал он, эти три народа будут жить вместе.

Я много раз слушал доклады Евгения Максимовича на конференциях, совершенно различных по тематике. У меня сложилось твердое убеждение в том, его выступления отличались от всех других необычайной глубиной, компетентностью и способностью находить мудрые, взаимоприемлемые компромиссные решения. Вспоминается одна серьезная конференция, когда после его фундаментального доклада другие выступавшие начали настолько резко критиковать политику США, при этом угрожая в духе Н. С. Хрущёва показать им «кузькину мать», что Евгений Максимович, всегда уравновешенный и спокойный, не выдержал и бросил реплику: «Так что же, вы предлагаете нам воевать с Соединенными Штатами?» После этого «ура-патриотический» пыл докладчиков мгновенно остыл.

Встречаясь с Евгением Максимовичем в разных учреждениях, на различных мероприятиях, я, конечно, беседовал с его друзьями, подчиненными, знакомыми, и когда заходила речь о нем как руководителе или человеке, я всегда слышал самые хорошие и искренние слова о нем как чутком, внимательном, справедливом руководителе и исключительно добром человеке. Я уже не говорю о том, что его друзьями были самые достойные люди, я мог бы назвать здесь десятки имен. Среди них друзья со школьных и студенческих лет, аспирантуры, друзья по журналистской работе, работе в Академии наук, в различных государственных институтах и учреждениях. Достаточно назвать такие имена, как В. И. Бураковский, Г. Н. Данелия, В. И. Покровский, Л. А. Бокерия,

Т. А. Колесниченко, Е. И. Чазов, Б. В. Петровский, Р. А. Ульяновский, Н. Н. Иноземцев, Г. А. Арбатов, Т. И. Ойзерман, С. В. Лавров, И. С. Иванов, А. В. Торкунов, Б. Н. Пастухов, А. С. Дзасохов, В. А. Кузнецов и многие-многие другие.

Евгений Максимович всегда старался вникать в нужды людей и, как мог, помогать им, искренне интересовался и радовался успехам не только своих друзей и близких ему людей, но и членов их семей. Несколько лет назад он звонит мне и поздравляет меня с новым назначением. Я очень удивился и спросил: с каким? Он отвечает: с назначением Уполномоченным МИД по правам человека. Я поблагодарил его за поздравление и сказал, что назначили не меня, а моего старшего сына (он тоже Константин). Он громко рассмеялся и сказал: «Тем более я поздравляю и Вас, и его!» Впоследствии я с удовольствием слышал от него добрые слова о работе моего сына в этой должности.

Еще один пример. Как-то я не звонил ему месяца два-три. Вдруг раздается его звонок: «Константин Михайлович, с Вами ничего не случилось? Что-то Вы долго не звонили мне». Я извинился за долгое молчание из-за потока житейских дел. После этого старался регулярно звонить ему.

Когда Евгений Максимович был сильно загружен, а мне необходимо было обсудить с ним какие-либо вопросы, он откровенно говорил, что сейчас очень занят и, как только освободится, мы обязательно встретимся. Ни одного звонка он не оставлял без ответа, как только позволяло время, он звонил, и мы встречались. Его обязательность проявлялась ко всем, кто к нему обращался.

В беседах мы не раз касались его назначений на высокие должности. Он относился к этому весьма спокойно, трезво, не кичась своим пребыванием на вершинах власти, относясь к себе весьма самокритично. Вместе с тем он хорошо понимал и даже говорил, что эти назначения делали ему честь и обязывали во всех действиях проводить и защищать

государственные интересы. Особенно это относилось к должностям высокого государственного уровня, когда он был главой внешней разведки, министром иностранных дел, премьер-министром. Он сам признавался, что это давалось нелегко. Все помнят «петлю Примакова», когда из-за решения США бомбить Югославию он, пролетев половину пути перед визитом в Вашингтон, развернул самолет обратно. Пожалуй, в истории международных отношений это уникальный, беспрецедентный случай. По существу, это был поворот в буквальном и переносном смысле в отношениях между США и Россией, положивший начало политике защиты национальных интересов России.

Успешно выполнять свои служебные обязанности ему помогало высоко развитое чувство долга. В то время, да во многом и теперь, широко распространена максима «я никому ничего никогда не должен». Евгений Максимович был глубоко убежден и не раз говорил о том, что он в большом долгу перед народом, государством, коллективами, в которых он работал, своей семьей и перед всеми людьми вообще. Он должен максимально выполнять возложенные на него обязанности и служить верой и правдой своему народу и Отечеству.

Из тяжелых моментов своей жизни Евгений Максимович извлек полезные для себя уроки, о которых не раз говорил мне. Самый главный — ни при каких обстоятельствах нельзя терять самого себя, свое «я», свою совесть, чувство собственного достоинства. Только при этом можно преодолеть любые невзгоды и трудности. Таких моментов у Евгения Максимовича, как известно, было немало. При всех драматических и даже трагических обстоятельствах он оставался самим собой.

Нельзя не сказать и о его высочайших нравственных качествах: остром чувстве справедливости, совестливости, стремлении делать добрые дела, помогать тем, кто в этом

нуждается, истинной, не наигранной любви к близким людям, к своей родине и народу. При этом он оставался исключительно скромным человеком. Это проявлялось буквально в каждом его поступке. У него был густой, сильный, хорошо поставленный голос, благородство манер, поведения, любезности, редкое, необычайно сильное внутреннее обаяние. Когда он где-либо выступал, аудитория мгновенно затихала и слушала его, не отрываясь, от начала и до конца. Он, несомненно, обладал даром красноречия, почти утраченным в наше время. Нельзя забыть и его умение мастерски рассказывать остроумные анекдоты, мгновенно располагавшее к себе собеседника. Во всем этом и будет особая харизма Примакова.

Когда решили присудить Евгению Максимовичу степень почетного доктора Дипломатической академии МИД РФ, меня попросили сделать доклад о нем как об ученом, государственном деятеле и человеке. Я с удовольствием выступил на общем собрании коллектива Дипломатической академии в присутствии и Евгения Максимовича. Можно было подумать, что это очередная, нередко практикуемая и вполне понятная формальность, но в данном случае это было подлинное признание его выдающихся заслуг перед нашей страной и нашим народом. После официальной церемонии, во время фуршета он мне сказал: «Я знаю, что Вы всегда ко мне хорошо относились и относитесь, и Ваше выступление — лишнее этому подтверждение, за что я Вас искренне благодарю». И это было не ответным вежливым комплиментом на мое выступление, а объективной оценкой наших многолетних отношений.

Бывая по долгу службы и по научной работе во многих странах, я неоднократно слышал и от известных политиков, и от ученых, деятелей литературы и искусства самые добрые отзывы о Евгении Максимовиче. Все, с кем мне приходилось беседовать, единодушно оценивали его как выдающегося

политика, ученого, государственного деятеля и просто умного, мудрого, жизнерадостного человека. На конференции в Якутии в июне 2015 года члены делегаций Китая, Японии, Южной Кореи, узнав о кончине Евгения Максимовича, выразили нам самые искренние и глубокие соболезнования, отмечая, что это тяжелая утрата не только для России, но и для народов их и других стран.

В последние годы на наших встречах я дважды или трижды говорил Евгению Максимовичу о своем намерении написать о нем краткий очерк. Он отвечал: «Пока рано, подождем еще немного». К великому сожалению, я его послушал и отложил свой замысел, за что укоряю себя по сей день. Его кончину я переживал и переживаю тяжело как кончину близкого и дорогого человека. Недавно я приобрел две его последние книги, на которых уже не будет его автографов, читаю и перечитываю их с огромным волнением. Для меня они своего рода откровения, исповедь выдающегося ученого, государственного деятеля, настоящего гражданина России, великого человека. Таким он останется в моей памяти, и надеюсь, в памяти всех, кто его знал.

Первый визит в Закавказье

Активизации связей со странами Закавказья способствовала смена внешнеполитических приоритетов России в пользу первоочередного развития отношений со странами СНГ, что было непосредственно связано с назначением 9 января 1996 года министром иностранных дел Е. М. Примакова.

Мы, в 4-м Департаменте стран СНГ (я был директором этого подразделения МИД России после его реорганизации в середине 1996 года), были полны уверенности, что приход Е. М. Примакова с его давним и доскональным владением проблематикой Закавказья — как известно, новый министр имел к нему отнюдь не стороннее отношение — поможет продвинуть вперед сотрудничество со странами региона, ускорить ход переговорного процесса по урегулированию триады существующих там конфликтов.

Наш общий оптимистический настрой подкреплялся заявлением министра на его первой в этом качестве пресс-конференции 12 января 1996 года о том, что «...свое назначение министром иностранных дел я рассматриваю лишь с одной позиции — как необходимость усиления активности МИД по защите национальных государственных интересов России. Речь идет о том, что Россия, несмотря на нынешние трудности, была и остается великой державой и ее политика во внешнем мире должна соответствовать этому статусу».

Среди приоритетных задач внешней политики России министром было названо «урегулирование региональных, межнациональных, межэтнических и межгосударственных конфликтов». «Российская внешняя политика, — подчеркнул он, — будет делать для этого все возможное и, в первую очередь на территории СНГ и в югокризисе».

Внимание министра к вопросам развития устойчивых дружественных отношений со странами Закавказья, налаживанию с ними эффективного экономического сотрудничества мы, в ДСНГ, ощущали постоянно. Добиваясь активизации посреднических усилий российской дипломатии в урегулировании закавказских конфликтов, министр нередко сам присоединялся к участникам переговоров, особенно на их решающих стадиях.

В этом плане большие ожидания связывались с визитом Е. М. Примакова 8–11 мая 1996 года в государства Закавказья, где в постсоветское время он еще не был. В ходе этой поездки министр дважды посетил Баку и Ереван, где провел переговоры с президентами Азербайджана и Армении.

Министра я встретил в Ереване и проводил его в аэропорт, откуда на вертолете в сопровождении своего первого заместителя Б. Н. Пастухова, курировавшего в министерстве направление СНГ, вылетел в Степанакерт, где состоялась их встреча с Р. Кочаряном.

После возвращения министра в Ереван мы вылетели на его самолете в Баку, взяв на борт азербайджанских военнопленных и заложников, переданных армянами. До этого в Баку удалось добиться освобождения армян. (Всего были обменены и репатриированы самолетом министра 102 пленных и заложников из общего их количества 110 чел., которые числились по спискам Международного Комитета Красного Креста и Красного Полумесяца.) Освобождение в ходе поездки сторонами конфликта военнопленных и заложников стала политически важной гуманной акцией.

Россия, играющая роль посредника в карабахском урегулировании, рассчитывала, что эти позитивные шаги сторон окажут благотворное влияние на дальнейший ход трудного переговорного процесса.

В Баку мы прилетели, как и было задумано, аккуратно в день рождения президента Азербайджана Г. Алиева, успев на устроенный по этому случаю большой концерт в крупнейшем тогда в Баку дворце «Гюлистан» с участием близких родственников президента, а также московских артистов с неизменным ведущим С. Бэлзой.

Поездка Е. М. Примакова в Баку, Ереван и Степанакерт, предпринятая, как отмечалось в опубликованном по ее итогам официальном сообщении, «в рамках челночной дипломатии по урегулированию нагорно-карабахского конфликта» и осуществленная в ходе нее во многом благодаря настойчивым усилиям нашего министра гуманная акция — обмен пленными в расчете придать позитивный импульс этому процессу — дала ограниченный эффект.

Несмотря на «в целом позитивный отклик президентов Азербайджана и Армении на Обращение Совета глав государств СНГ от 19 января 1996 года», как отмечалось в официальном сообщении, стороны в конфликте так и не приблизились к заключению политического соглашения о прекращении вооруженного конфликта. Такое положение после прекращения огня с 12 мая 1994 года сохраняется до сих пор.

За этим последовал рабочий визит Е. М. Примакова в Тбилиси 11 мая 1996 года. В центре проведенных в столице Грузии переговоров были вопросы урегулирования грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов.

По окончании переговоров министра с глазу на глаз с президентом Грузии Э. А. Шеварднадзе в честь гостя на веранде гостевого дома на территории правительственной

резиденции «Крцаниси» был устроен рабочий обед, который запомнился мне таким эпизодом.

За столом наш посол в Грузии стал рассказывать о поступающих в российское посольство письмах из различных тбилисских школ, которые оспаривали право вывесить у себя мемориальную доску в честь знаменитого земляка (одна из школ, где отыскивались преподаватели, которые его помнили, была отремонтирована к визиту министра по инициативе российского посольства при спонсорской помощи директора руставского металлургического комбината). «Не могли бы Вы, — обратился посол к министру, — внести ясность в этот вопрос и уточнить, в какой именно школе Вы учились?». Министр, видимо, не ожидавший такого вопроса, рассказал, что из-за переездов сменил несколько школ, а в каких именно он учился, уточнять не стал, заключив, что не помнит. На что, придя ему на помощь, тут же среагировал Э. А. Шеварднадзе: «Не утруждайте себя, Евгений Максимович, мы о Вас знаем всё!». Эта реплика, вызвав оживление среди присутствующих, помогла разрядить непростую атмосферу, царившую за рабочим обедом.

Конкретным результатом визита в Тбилиси на фоне отсутствия заметного прогресса в продвижении переговорного процесса по урегулированию нагорно-карабахского и грузино-абхазского конфликтов стало подписание 16 мая 1996 года в Кремле в присутствии президентов России и Грузии и действующего председателя ОБСЕ Меморандума о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте. Меморандум был скреплен подписями министра иностранных дел РФ Е. М. Примакова, президента Республики Северная Осетия-Алания и главы миссии ОБСЕ в Грузии. Согласно подписанному меморандуму, стороны приняли на себя обязательства отказаться от применения или угрозы

применения силы, от оказания политического, экономического и иных форм давления друг на друга.

За подписанием Меморандума, как ожидалось, могут последовать другие конкретные шаги на пути к полномасштабному политическому урегулированию этого многолетнего конфликта.

На заключительной стадии согласования проекта Меморандума — на этом заседании я был — посредническое участие Е. М. Примакова в окончательной доработке документа стало во многом решающим. Его богатый опыт переговорщика вместе с тонким пониманием национальных особенностей переговоривающихся сторон помогли «разрядить» возникавшие время от времени напряженные моменты занятными анекдотами, в основном на темы его предыдущей работы в СВР, и в конечном счете подвести к выработке удовлетворяющих обе стороны формулировок статей Меморандума.

Его присутствие побуждало окружающих быть добрее

Кто-то верит в судьбу, а кто-то нет. Но даже если в нее не верить, то сами события невольно заставляют об этом серьезно задуматься.

Окончив в 1969 году институт, я, после того как попытал счастье в нескольких академических институтах, был принят на работу в Институт мировой экономики и международных отношений. Стал помощником директора института Николая Николаевича Иноземцева и одновременно поступил в аспирантуру. Тогда казалось, что впереди открывалась ясная, вполне предсказуемая перспектива стать ученым-международником, что в то время было совсем неплохо.

В 1970 году в институте заговорили о том, что грядет назначение нового заместителя директора. Как это обычно бывает, начали судачить: что за человек, да откуда он взялся, кто его «толкает» и т. д. И вот появился Евгений Максимович Примаков. К тому времени он уже был известным журналистом, одним из ведущих в стране арабистов, близко дружил с Н. Н. Иноземцевым. Все это было хорошо, но для академической среды не достаточно. В ИМЭМО были собраны лучшие в стране ученые в области мировой экономики и международных отношений, институт пользовался большим авторитетом не только у нас в стране, но и за рубежом.

Возглавлять такой коллектив было делом не только ответственным, но и очень сложным. К слову сказать, Евгений Максимович с этой задачей блестяще справлялся.

Так состоялось мое первое знакомство с Евгением Максимовичем. Именно знакомство. Между нами была дистанция огромного размера: он — заместитель директора, а я — младший научный сотрудник.

В 1973 году я был направлен в командировку в Испанию по линии министерства иностранных дел: тогда между Москвой и Мадридом начинали завязываться отношения. Так в моей жизни произошел крутой поворот: вместо ученого-международника я стал дипломатом.

Евгений Максимович продолжал трудиться в академической науке: стал директором Института востоковедения (1977–1985 годов), а затем директором ИМЭМО (1985–1989 годов).

Казалось, пути наши разошлись.

Но судьба распорядилась иначе.

В 1983 году я вернулся в Москву и стал помощником сначала А. А. Громыко, а затем Э. А. Шеварднадзе. Наши контакты с Евгением Максимовичем возобновились. Он всегда проявлял большой профессиональный интерес к международным делам, внешней политике. Это было его призванием.

9 января 1996 года я вышел из посольства Франции в Москве (будучи первым заместителем министра, я посещал какое-то протокольное мероприятие), сел в машину и попросил, как обычно, включить радио.

И сразу слышу новость: президент Б. Ельцин назначил Е. Примакова министром иностранных дел. Слухи о том, что грядет отставка А. Козырева, ходили давно, но, как всегда бывает в таких случаях, новость застает тебя врасплох.

Мне довелось до этого близко работать с пятью министрами иностранных дел. И все равно назначение каждого

нового невольно встречаешь с волнением. Сможем ли сработаться, кого за собой приведет, что за характер и т. д.

Через несколько недель, а то и дней все эти мысли развеялись. Евгений Максимович вошел в кабинет министра, начал работать, встречаться. Все было настолько естественно, что невольно казалось, что он занимает этот пост уже многие-многие годы.

С этого момента в моих отношениях с Евгением Максимовичем открылась новая страница, которая не закроется никогда.

Вот и не верь после этого в судьбу...

В нашей стране многие считают или хотели бы считать Евгения Максимовича своим учителем. Это и понятно. Евгений Максимович пользовался непререкаемым авторитетом. Причем этот авторитет даже вырос в народе после того, как он перестал занимать официальные должности. А это говорит о многом.

За долгие годы моего общения с Евгением Максимовичем я никогда не видел, чтобы он кого-то специально учил, а тем более занимался нравоучительством. Он действовал по известному армейскому принципу: «Делай как я». Он подавал личный пример. А дело каждого — следовать ему или нет.

Приведу несколько примеров — хотя их можно приводить до бесконечности, — которые, с моей точки зрения, показывают, насколько сильно Евгений Максимович «заражал» своим примером окружающих, влиял на их поведение.

В дипломатической профессии высшим мерилom профессионализма является умение готовить (а точнее писать) сложные политические документы. Евгений Максимович, как известно, не был профессиональным дипломатом, но искусством дипломатии, в том числе искусством подготовки документов, владел безупречно. При этом он никогда не диктовал, не навязывал своего мнения, а наоборот учил слушать и приходиться к согласованному мнению. Он умел слушать

одинаково и умудренных опытом дипломатов, и молодых специалистов.

Меня всегда поражало, сколько раз Евгений Максимович мог править им же написанный текст. Для него не было мелочей, он работал над каждым словом, объясняя нам, какой именно смысл он в него вкладывает. Если кто-то предлагал лучший вариант, он с этим соглашался.

Работали допоздна, не считаясь со временем. Но Евгений Максимович по одному ему известному чутью всегда знал, когда надо расслабиться: то неожиданно анекдот расскажет, то предложит перекусить (у него всегда в комнате отдыха в холодильнике стояла бутылка холодной водки, там же черный хлеб, сало и огурчики). После этого работа кипела с новой силой.

Евгений Максимович всегда с большим уважением относился к своим зарубежным партнерам. Он был подчеркнуто вежлив, даже в самых сложных ситуациях не допускал намека на резкость. При этом, обладая врожденным тактом, умел твердо отстаивать свои позиции, добиваясь, как правило, желаемых результатов. В этом отношении показательно, что практически со всеми своими зарубежными партнерами Евгений Максимович, который прошел через острейшие международные кризисы, сохранил самые добрые человеческие отношения.

У Евгения Максимовича в министерстве иностранных дел не было любимчиков или так называемого близкого окружения. Ко всем, с кем ему приходилось общаться по работе, он относился с уважением, ценил профессионалов. Будучи первым заместителем министра, я не раз имел возможность убеждаться в этом. Евгений Максимович не вел борьбу с семейственностью, протекционизмом и другими подобными явлениями, чем у нас в МИД периодически занимались в советские годы. При нем всего этого просто не было, а поэтому и бороться было не с чем.

Неслучайно за неполные три года на посту министра Евгений Максимович завоевал среди дипломатического корпуса, и не только российского, непререкаемый авторитет. Мне трудно припомнить, чтобы кому-то еще удавалось такое.

Однажды Евгений Максимович вдруг сказал мне: «Игорь Сергеевич, мы долгие годы знакомы, давно вместе работаем, давайте называть друг друга на "ты"». Меня не так просто заставить врасплох, но тут я оторопел. Я стал приводить уйму доводов, почему мне трудно пойти на такой шаг. Видимо, они звучали достаточно убедительно, и мы больше к этому вопросу не возвращались.

Тем не менее я не раз задавался вопросом, чем было продиктовано такое предложение Евгения Максимовича. Могу только догадываться, что таким образом он хотел подчеркнуть то доверие, которое он испытывал ко мне как к своему заместителю и как просто к человеку.

Мы часто, закончив работу, засиживались в кабинете у Евгения Максимовича, откровенно беседуя и о служебных, и о личных делах.

Так было и вечером 10 сентября 1998 года. Евгений Максимович вернулся в министерство после встречи с Б. Ельциным, на которой президент предложил ему занять пост председателя правительства. У него было двойственное чувство: с одной стороны, он прекрасно понимал, что страна находится на грани глубочайшего кризиса, с другой, он морально не был готов взвалить на себя ответственность за последующее развитие событий. Мы допоздна проговорили, выпили за то, что Евгений Максимович остается министром, и разъехались по домам.

На следующий день я находился на встрече в Думе, когда меня срочно вызвали к Евгению Максимовичу. Приезжаю в МИД, захожу в кабинет министра. Евгений Максимович говорит, что утром его еще раз вызвал Б. Ельцин и настойчиво просил принять предложение стать председателем

правительства. «Я не смог отказаться, — сказал он, — так как понимаю, что должен сделать это ради страны». Мы были вдвоем, и я видел, что это был крик души. Потом он по-детски добавил: «А что я теперь скажу Ирине Борисовне? Она ведь боится, что я такой нагрузки не выдержу».

Я, как мог, поддержал Евгения Максимовича, сказал, что мы всегда будем готовы оказывать все необходимое содействие и т. д. Тут он достает из папки лист бумаги и протягивает его мне. «Это указ о вашем назначении министром иностранных дел. Я сказал президенту, что мне важно иметь на этом посту человека, которому доверяю». Теперь была моя очередь оторопеть.

Рассказываю так подробно об этом эпизоде, потому что в нем весь Евгений Максимович Примаков, со всеми его прекрасными человеческими качествами.

Но надо сказать, что я в долгу тоже не остался.

Буквально в эти самые дни я встречался с Валентиной Ивановной Матвиенко, которая являлась нашим послом в Греции, и предложил ей стать заместителем министра. Договорились через несколько дней вернуться к этому разговору, чтобы обсудить все детали. Не прошло и двух дней, как ко мне приходит взволнованная Валентина Ивановна и говорит, что Евгений Максимович предложил ей пост заместителя председателя правительства. «Что делать? Как скажете, так и поступлю», — сказала она. Нетрудно догадаться, что я искренне благословил Валентину Ивановну на работу в правительстве, заметив, что мы всегда с радостью будем ждать ее возвращения на дипломатическую службу.

Вспоминаю эти и многие другие эпизоды из совместной работы с Евгением Максимовичем, а сам думаю: как всем нам его не хватает. Он был и учителем, и товарищем. Но главное — он был человеком, само присутствие которого побуждало окружающих быть добрее.

Лидер и человек

Знакомство с моим одногодком Евгением Максимовичем Примаковым и добрые товарищеские отношения с ним (без претензий на дружеские) установились еще с 70-х годов того века. А когда он возглавлял МИД (январь 1996 года — сентябрь 1998 года), они были и служебными, и личными одновременно. Очень сблизил нас общий друг — знаменитый хирург, Герой Социалистического труда Владимир Иванович Бураковский (он был на 7 лет постарше). Его имя давно носит Институт кардиологии (Москва, Рублёвское шоссе, 135).

Бураковский и Примаков росли в Тбилиси, имели немало общих знакомых, товарищей и даже друзей (например, Лев Аршакович Оников, весьма активно работавший в аппарате ЦК КПСС). Все они сохранили дружество смолоду и даже южную привычку приветствовать друг друга объятиями и касанием щек. Эти знаки внимания столь почитаемых людей были даже лестными, но я к ним не очень привык и лишь отвечал на добрые жесты бывших южан.

С В.И. Бураковским мы познакомились в Коста-Рике в 1973 году, где впервые я был послом СССР (1971–1975) — первым в Центральной Америке. Дипотношения с Коста-Рикой были установлены еще в 1944 году, и первым посланником СССР по совместительству должен был стать посол в Мексике Константин Александрович Уманский. 25 января

1945 года он вылетал в Сан-Хосе для вручения верительных грамот, но самолет разбился при взлете (погибли почти все: он, жена, три сотрудника посольства в Мексике, пилоты). «Холодная война» долго не позволяла обмениваться посольствами с Коста-Рикой. До 1971 года этот регион не знал никакого советского присутствия.

Владимир Иванович был тогда главой Института сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева и зампредом Общества дружбы СССР-Мексика. Он залетел в Сан-Хосе на 2 дня, а сдружился мы на всю жизнь! После моего перевода в Каракас, мне удалось убедить руководство ССОД и его самого, чтобы он возглавил Общество дружбы с Венесуэлой. Там тоже рад был встречать его.

Бураковский и познакомил меня с Евгением Максимовичем у себя — в «Доме на набережной». Общались там с ним и многими видными деятелями. Володя был необычайно хлебосолен. Друзья то и дело навещали его, даже на работе. Знатный врач не доглядел за своим здоровьем и ушел в 1994 году. Е. М. Примаков не раз бывал у его могилы на Кунцевском кладбище, иногда были вместе. Пишу о нем так подробно потому, что он был ближайшим другом Евгения Максимовича.

Когда Е. М. Примаков возглавлял Институт востоковедения и Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР виделись мы нечасто из-за моей работы много лет за рубежом. Приятно было узнавать о его подвижках и по политической лестнице (депутат Верховного Совета СССР, председатель Совета Союза и далее). Будучи в Москве, в гостинице в Плотниковом переулке попал в узкий круг друзей, поздравивших его с избранием спикером. Случайно узнал там, как он ценил благорасположение будущего шефа КГБ В. А. Крючкова, моего друга с событий 1956 года по посольству СССР в Венгрии под началом Ю. В. Андропова. Примаков и понимал свою новую роль, и был озабочен ею. Негромко, но весомо он призвал друзей держаться вместе.

Руководя Службой внешней разведки, не раз принимал меня в Ясенево как главу посреднической миссии России по урегулированию конфликта в Карабахе, подкреплял наши инициативы. Так перед встречей лидеров 8–9 сентября 1994 года убедил главу НК Р. Кочаряна быть в Москве для переговоров с Г. Алиевым (с участием Л. Тер-Петросяна и А. В. Козырева) — тот якобы не хотел. Максимыч попросил меня не говорить об этом нашему министру. А мне и ни к чему были бы трения между ними.

9 января 1996 года Е. М. Примаков стал министром иностранных дел России, моим начальником. Первые дни целиком посвятил вхождению в дела МИД и 12 января провел первую публичную акцию — широкую пресс-конференцию. Другой министр вряд ли мог сделать это на третий день после назначения.

Примаков не сменил дух нашего общения. Его тон оставался добрым, близким к дружескому даже при спорах и моих грехах. Он сохранял чувство юмора, ценил шутки. Один спор шутливо подытожил: «Тогда слушайся старшего!» Стерпел и мою ответную шутку: «Я старше Вас на два с лишним месяца!» Мог ли я шутить так с другим шефом?..

Дата его назначения нашим министром общеизвестна. Но не все знают, что академик Примаков лет на 10 раньше проявил широкий, можно сказать, философский интерес к внешней политике нашего государства — тогда еще СССР, а потом России. Причем вовсе не только по Ближнему Востоку, а гораздо шире — комплексно, по всему глобусу, включая стратегические проблемы безопасности нашей страны. Из своих вырезок из прессы о нем недавно извлек я его крупную статью в «Правде» 10 июля 1987 года, названную «Новая философия внешней политики». Конечно, в ней сказывалось влияние М. С. Горбачёва, не все было бесспорно, но содержались присущие ему интересные повороты мыслей о новых веяниях в современной советской дипломатии.

С учетом этой статьи в «Правде» совсем иначе смотрятся его пресс-конференции как главы Службы внешней разведки в 90-е годы по явно внешнеполитическим темам и встречи с тогдашним министром Козыревым. Это вовсе не означает, что Примаков подкапывался под его должность (он никогда не позволял себе увлекаться критикой предшественников). Но это значит совсем другое: неслучайно, что выбор нового министра пал именно на него.

За полтора года до этого, 12 мая 1994 года, Россия вывела три стороны конфликта в Карабахе на перемирие и еще один документ, а как сопредседатель Минской группы (МГ) ОБСЕ, на соглашение об укреплении режима прекращения огня (4 февраля 1995 года) как бы от имени МГ. Других соглашений в этом конфликте нет и ныне. Но перемирие не было надежным, порой нарушалось, урегулирование буксовало. При назначении нового министра как раз 9–12 января 1996 года в Москве шли переговоры по Карабаху при посредничестве России и Финляндии, а с 13 — консультации МГ. Евгений Максимович давно хорошо знал историю конфликта, обсуждал его, вносил предложения. После резни армян и ввода в Баку советских войск по поручению М. С. Горбачёва вторую половину января 1990 года был там и попал в опасный инцидент. Народный фронт числил его врагом Азербайджана.

На первой же нашей встрече Примаков охотно дал согласие принять 13 января членов МГ. Послы 11 государств и гонцы из НК (признанного лишь стороной конфликта) рады встрече с новым министром (прежде их принимал лишь один из замов). Все прошло хорошо, подчеркнута необходимость достичь мирного урегулирования конфликта. Желая подбодрить членов МГ, министр сказал, что оно достижимо, и вдруг добавил: «Надо лишь решить проблемы Лачина и Шуши». Армянам эта фраза явно не понравилась. Эти проблемы они уже как бы решили силой и не хотели давать

азербайджанцам привлекать к ним внимание. Куда важнее им статус и безопасность НК. А. Гукасян, «мининдел» НК, был недоволен ремаркой министра. Независимо от интересов сторон, акцент на Шуше и Лачине был не нужен, не учитывал всех проблем. Кольнула мысль: мало знать историю, важно знать нынешние реалии. Оптимизм министра и вызывал потом его недовольство труднейшим ходом переговоров. Он был раздражен, что за весь раунд согласованы лишь две фразы в проекте соглашения. Но потом понял, как трудно согласовать позиции трех сторон и побудить их выполнять согласованное.

Вскоре министр принял предложение посетить Баку, Ереван и Степанакерт 8–11 мая 1996 года. Мы тщательно готовились, ибо 17 мая Москва принимала Совет глав государств СНГ — визит и саммит подтолкнули бы переговоры. Наметили две задачи: политическую — совместное заявление глав трех сторон за мирное решение конфликта; и гуманитарную — обмен военнопленных «всех на всех». Мы понимали трудности принятия такого заявления и условность слов «всех на всех» (часть пленных скрыта, а о тех, кто в частных руках, могут и не знать). Резко активизировал контакты со сторонами по телефону и факсу, а 25–30 апреля объехал три точки, все согласовав с Алиевым, Тер-Петросяном и Кочаряном. Чтобы сделать заявление приемлемее всем сторонам, составил его проект лишь из уже согласованных всеми фраз проекта соглашения о прекращении конфликта (они шли там жирным шрифтом). Лидеры досрочно дали бы жизнь всему, что согласовано — чтобы оно не прозябало втуне, пока не подписано все соглашение.

На этот визит Е. М. Примакову был дан крупный самолет, чтобы 8 мая из Баку доставить 39 армян в Ереван, а потом взять в РА и НК 71 азербайджанца и 10 мая привезти в Баку (чуть ли ни подарок ко дню рождения Алиева). И везде подписать или одобрить заявление. Затем министр посетил бы

Тбилиси. Сопровождал министра его первый зам Б. Н. Пастухов.

Как и в январе 1996 года в Москве, Е. М. Примаков беседовал часа два с Алиевым как давние знакомые (дочь Алиева была аспиранткой Института востоковедения). По словам министра, тот всячески отговаривал его от поездки в Степанакерт, но не смог. На переговорах делегаций уже и не требовалось особо обсуждать обмен пленными. В центре внимания — проект совместного заявления. Алиев высказался как бы за его принятие. Вдруг мининдел Г. Гасанов заявил, что одна из фраз пригодна, мол, для заявления с Арменией, но не устроит при участии НК (хотя загодя готовилось заявление трех сторон). Видимо, Алиев и Гасанов заранее разделили роли — вряд ли эта диверсия была экспромтом министра АР. Этот наскок Гасанова легко был отразим, если бы наш министр не поспешил спасти ту фразу согласием на заявление без НК. Любая иная реакция: выжидательная, условная и т. п. годилась бы. Но он уже высказался, поставив меня в крайне деликатное положение, ибо Ереван не пойдет на заявление без НК. Но ведут переговоры Алиев и Примаков. Вклиниваться неприлично, но иначе не быть заявлению. Мучился я секунды, но не смог отмолчаться. Апеллируя к Алиеву, сказал, что Ереван не пойдет на иное заявление — ведь условлено, что оно будет трехсторонним. Алиев промолчал, а Евгений Максимович счел, что сможем договориться с Тер-Петросяном. Отбить диверсию Гасанова не удалось.

Понимаю, какую взбучку получил бы я от другого начальника — куда лезешь?! Но это не в духе Евгения Максимовича. В самолете министр разлил нам с Пастуховым по рюмке и негромко пожурил: «Зря ты это сказал». Пришлось ответить, что эксперт обязан знать и сказать, что пройдет, а что нет. В уколе министра не было начальственного тона, а как в беседе с коллегами. Вскоре он понял: по сути дела я был прав. Не каждый вышестоящий обходится без спеси.

В Ереване нас встретил мининдел РА В. Папазян. Передали ему для президента проект злополучного заявления (без НК) и тут же вылетели в Степанакерт (встреча с Л. Тер-Петросяном будет после нашего возврата оттуда). Руководители НК были рады прилету нового министра, но заметили, что в беседе с Кочаряном он не коснулся заявления. Гукасян спросил меня об этом. Вынужден был якобы отшутиться: «Да разве с вами, кавказцами, о чем-то договоришься?!»

Потом попытались обсудить проект заявления с Тер-Петросяном, но тот явно обходил тему. А Кочарян стал искать Примакова по телефону. Не желая говорить, тот поручил это мне. Роберт Седракович возбужденно сказал, что мы обманываем их, пытаюсь принять заявление без участия НК. И добавил, что уже велел вернуть из Еревана всех азербайджанцев, ждавших отправки в Баку. Разговор стал тяжким. Выкручиваться было неприятно, но иного не оставалось. Осаждаю его напор: с какой стати он хочет, чтобы вопрос о заявлении мы обсуждали с ним прежде, чем с главой международно признанной Армении? Говорю, что проблемы разные: заявление — политическая, а обмен пленными — гуманитарная. Никто никогда не увязывал одну с другой. Каюсь, первый довод был вынужденным, но остальные абсолютно верными. А мой довод, что армяне из Баку уже доставлены в Ереван, он парировал тем, что карабахцев среди них нет.

Доложил о разговоре Евгению Максимовичу, вызвав и у него озабоченность итогами миссии (если не будет ни заявления, ни крупного обмена пленными). В ответ на 39 армян из Баку мы привезли бы туда не 71, а лишь 11 пленных азербайджанцев из Армении. Алиев мог счесть это обманом, хотя причина в коварной вылазке Гасанова при его молчании. Но это было бы близко к провалу визита нового мининдел России. Кочарян все же не отозвал пленных из Еревана — им не хотелось ссоры с Россией, самым эффективным посредником,

признавшим НК стороной конфликта. В мае 2018 года он признался мне, что дал команду отвести автобусы с пленными от аэропорта (но не в НК) и ждать новых указаний.

В итоге визит Е. М. Примакова принес лишь обмен пленными. 110 человек могли вернуться на родину. Это было самой крупной гуманитарной акцией (прежде пленных меняли по 2–3, а то и по одиночке). Досадно, что трюк Гасанова погубил заявление трех сторон. Но поездка была важна как демонстрация настроя нового министра России искать мирное разрешение конфликтов в Закавказье.

Из дел Евгения Максимовича помню проблему сопредседательства МГ ОБСЕ. От Карабаха и своей роли в МГ быстро устали итальянцы и шведы, а потом и финны — только РФ не имела права уставать! Еле-еле уговорил финнов дотянуть до саммита ОБСЕ в Лиссабоне (декабрь 1996 года). Но их ухода очень ждала ФРГ. Ее представитель в МГ Ф. Ламбах был боек, но не больно реалистичен. Он на показ объехал зону конфликта. Нам не хотелось быть в паре с ФРГ, но Примаков берег контакт со своим коллегой Кинкелем. Не раз обсуждали, как быть. Решили оспаривать не ФРГ, а лишь Ламбаха (его не все ценили и в МГ). Наш план был уязвим, но сработал. Немцы давили, как тевтонцы. Сменив Ламбаха, они могли бы пройти. Глава ОБСЕ вместо финнов назначил Францию, а потом и США. Так в 1997 году сложился нынешний состав сопредседателей МГ ОБСЕ.

В моих делах по Карабаху был и парадокс: с Козыревым мне работалось легче и самостоятельнее, чем с Примаковым. Тот уделял больше внимания Западу, а мои дела курировал через замов — А. Л. Адамишина и В. И. Чуркина, а те не мешали мне или предлагали самому согласовать все с министром. Для Примакова Закавказье, где он и рос, — важный участок работы. При всей доброте наших контактов он предметно вникал в дела, я чаще докладывал ему и должен был считаться с этим.

В июле 1996 года Е. М. Примаков позвонил мне на дачу, чтобы поздравить с орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (видимо, за перемирие в Карабахе). Им чаще отмечали замов министра. Знал, что Козырев представлял меня к ордену поскромнее. Обычно снижают, а тут вдруг повысили. То ли аппарат президента, чьим полномочным представителем я был по Карабаху, то ли Примаков?

Долго потом по привычке следил за капризами карабахских дел. Оценил и вклад Примакова: «пакетный» и «поэтапный» планы, «общее государство». Но есть и сомнение в целесообразности отхода от переговоров между тремя сторонами конфликта, которые вели Россия, а потом МГ, ради «челночной дипломатии». США и другие западники рады, что больше нет ни переговоров в Москве, ни символического участия СНГ. Не ясно: мы больше потеряли этим или обрели?

Меня уже подводил возраст (67 лет), но министр не освобождал от Карабаха. Обычно послам приятней последняя служба в крупной стране, а я вновь рвусь в Коста-Рику. Евгений Максимович пояснял, что не принято того же посла назначать в ту же страну. Пришлось шутить: то я был там послом СССР, а теперь России. Министр с улыбкой махнул рукой. Но Ю. А. Зубакову велел попросить главу комитета Госдумы В. П. Лукина не спрашивать про мой возраст. Благодаря депутатам А. С. Дзасохову, Б. В. Громову и В. И. Севастьянову прошел комитет и в сентябре 1996 года заново вылетел в Сан-Хосе.

В том же месяце Е. М. Примаков был на 52-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке, где чуть ранее скончался наш общий друг — представитель РФ в ОАГ В. И. Чернышёв. Кто-то показал министру мои траурные стихи «Друзья не уходят». Как писал потом главный редактор «Международной жизни» Б. Д. Пядышев, эти стихи с подачи Евгения Максимовича и вошли в октябрьский номер 1996 года.

Из службы под началом Е. М. Примакова вспоминаю и Коста-Рику. В октябре 1997 года в Москве был визит костариканского мининдела Ф. Наранхо. Чтобы быть в курсе дел, я взял отпуск (ради экономии, на визиты министров наших послов уже не приглашали). Наша бюрократия была готова подписать лишь три соглашения из шести, уже согласованных нами в Коста-Рике. Было досадно, но Евгений Максимович пообещал гостю направить в Сан-Хосе представителя для подписания трех остальных или поручит мне как послу РФ (что не так броско).

В особняке на Спиридоновке в кратком перерыве между переговорами и ланчем Наранхо и я оказались наедине в самом укромном месте. Между делом тот вопрошает, а зачем кого-то присылать в Коста-Рику, если Примаков сам скоро будет в Южной Америке (на ноябрь намечался его визит в Аргентину, Бразилию и Колумбию)? От Боготы до Сан-Хосе менее 3 часов лету, и все 6 соглашений будут подписаны на уровне министров. Весь разговор там был уже сам по себе курьезен. Смекаю: как Примакову доказать Ельцину, что после трех крупных стран ему необходимо посетить еще одну «великую державу». Чтобы отвести эту идею, говорю Наранхо, что для встречи с мининдел пяти стран Центральной Америки наш министр мог бы захватить и в Сан-Хосе (прецеденты столь широких встреч при визитах видных деятелей в одну из стран ЦА были).

Вдруг, не прерывая иных дел, Наранхо отвечает: «А я соберу всех!» Тут и меня кольнуло — это легче согласовать с Ельциным! Иду к Максимычу и негромко зондирую идею такой широкой встречи. Полушепотом он вопрошает, можно ли верить Наранхо? Говорю — можно! «Смотри, но ты за это и отвечаешь!» Так и возник приезд нашего министра в Коста-Рику в ноябре 1997 года и его встреча с министрами Центральной Америки (прецедент их встреч на сессиях ГА ООН).

Полтора дня провел Примаков в Коста-Рике — перегрузка невероятная! После переговоров и подписания соглашений с Коста-Рикой встреча с коллегами из Гватемалы, Гондураса, Сальвадора, вице-министром Никарагуа и с прилетевшим «сверх плана» мининдел Доминиканской Республики. Но каждый из них хочет и лично поговорить с ним (еще 5 встреч в тот же день!). Наши соотечественники едва дождались Максими́ча. А мне он потом даже всыпал: «Неужели не понимаешь, что так работать нельзя!». Еле уснул потом.

Утром выезд на Тихий океан. Пригласил видный архитектор Еухенио Гордиенко. Его отец — полковник у Врангеля — бежал в Европу, далее в Америку, а в 70-е годы во главе движения «Свободная Коста-Рика» вел ярую кампанию против создания там первого посольства СССР. Сын не знал русского языка, но после ухода отца охотно общался с нашими людьми, иногда приглашал нас на свой тихоокеанский курорт «Пунта Леона». Искупавшись там, Евгений Максимович подобрел и успокоил меня улыбкой: нет-нет, все в порядке!

По дороге оттуда к самолету пытался я уговорить министра переместить в Гватемалу одного из старших дипломатов нашего посольства, чтобы держать там хотя б символически флаг России — создать прообраз будущего нашего диппредставительства. Будучи там послом по совместительству, я бывал в этой самой крупной и исторически старшей в этом субрегионе стране. Дипотношения с СССР у нее с 1944 года. В 1992 году она открыла посольство в Москве и ожидала взаимности.

В автомобиле Евгений Максимович возражал: «Ну, нет посольств из одного человека. Даже мини-посольству нужен штат — бухгалтер, дежурные коменданты и т. д. и т. п.». До того я излагал эту же идею Василию Петровичу Громову, директору Латиноамериканского департамента (ЛАД), а,

приехав в аэропорт Сан-Хосе, говорю ему, что по Гватемале убедить министра не удалось.

После обсуждения на Коллегии МИД России итогов поездки министра в Латинскую Америку звонит мне Громов и говорит: «Ну, мне из-за тебя влетело!». Примаков спросил его там, что сделано по предложению посла в Коста-Рике отрядить дипломата в Гватемалу? ЛАД ничего и не делал, помня тот настрой министра. Он явно изменил свое мнение. То ли заново обдумал плюсы и минусы идеи? То ли учел суть встреч с министрами стран ЦА? Вскоре Черномырдин подписал такое распоряжение, и мы направили в Гватемалу первого секретаря А. Н. Хохоликова — он уже бывал там со мной. Отправили туда с ним и неплохой автомобиль. Жена и дети поедут к Хохоликову, когда он там обоснуется. 26 июня 1998 года он был аккредитован там как временный поверенный в делах РФ.

Дней через 10 из МИД Гватемалы звонят мне, что Хохоликов похищен тремя вооруженными бандитами, но уже свободен — все с ним в порядке. Выяснилось, что, оформив аренду ранее подобранного дома, он на добротном автомобиле заехал в магазин заказать мебель. Вдруг врываются три молодчика в масках с пистолетами, кладут продавщицу на пол и, отняв ключи, сажают Хохоликова в автомобиль рядом с севшим за руль. Два других тычут сзади пистолетами. Велят молчать. Едут. Хохоликов все же завязывает разговор и внушает им, что выкупа за него не будет — он тут один и о его пропаже власти узнают очень скоро.

Поколесив по окраинам минут 40, выпускают его в глухом месте. Даже сулят ему ложно бросить автомобиль через 2–3 квартала. Но главное, что он не пострадал больше. Звонит в МИД Гватемалы и просит информировать меня. Завершилось все это иначе, влетело бы мне за дерзкую идею единственного дипломата в столь опасной стране! А, может, пожурили бы из-за меня и Евгения Максимовича. Тем более, что ранее, как

раз в 1996 году в Гватемале погиб от налета бандитов сотрудник нашего посольства в Никарагуа Ю. И. Трушкин.

С тех пор еще три наших дипломата работали в Гватемале в одиночку до создания там посольства России в 2007 году. Послом-резидентом стал Н. М. Владимир в 2008 году, а в ноябре 2017 года послом назначен как раз Александр Николаевич Хохоликов.

В последние годы мы реже общались с Евгением Максимовичем. Трижды как председателю Совета ветеранов МИД России мне пришлось обращаться к нему ради повышения пенсий бывших сотрудников министерства. Он поддерживал и охотно подписывал коллективные обращения бывших руководителей МИД и видных отечественных дипломатов к В. В. Путину. И имел особое право вписать туда, что разрыв в обеспеченности послов и резидентов лишь вредит делу!

Одного из «бывших» пришлось долго уговаривать. Еле «сторговались»: готов будет подписать, но лишь после Примакова. Я-то знал, что Евгений Максимович не подведет. Гадали, как передать Путину то обращение с солидными подписями. Но С. В. Лавров взялся сам и вручил его Президенту РФ. Усилия ряда лет не были напрасными — летом 2014 года (не без учета роли Примакова и Лаврова) пенсии большинства мидовцев возросли почти вдвое.

Уход Евгения Максимовича вызвал глубокое огорчение и среди элит, и в народе. Широко известны его звания и заслуги (удивительно их многообразие!), и целый ряд добротных человеческих качеств: умение руководить по сути дела — без начальственного высокомерия, его естественность, особое дружелюбие, внимание к людям, юмор и даже тяга к поэзии. Стихи Евгения Максимовича включены в целую серию мидовских поэтических антологий. Свято храню его добрые поздравления. А разве не редкость, что из многих

его статусов на камне на Новодевичьем кладбище значится лишь слово «Академик»?

Многое в отзывах о нем совпадает, особенно в позитиве. Почти все вспоминают разворот над Атлантикой, треугольник Россия-Китай-Индия (прообраз БРИКС), ситуационные анализы, но это лишь самые крупные и броские его достижения. Еще до пика майдана он привлекал внимание к происходящему на Украине. Отмечают немало его находок, полезных для страны и для людей. Говорят и пишут о судьбе этого человека с редким поклонением, а то и восторгом. Кто-то может даже «переборщить», что на Руси не редкость. Евгений Максимович и не нуждается в глянце или лакировке — он был живым человеком, мог и аккуратно поозорничать или даже в чем-то промахнуться. Зато умел сам перепроверять себя и даже поправлять себя же, а это не всем дано.

Давно улавливаю некое сходство подходов Ю. В. Андропова и Е. М. Примакова к делам и людям. В пику завзятым и не в меру честолюбивым начальникам, оба умели ставить интересы дела превыше всего, а тем более личных амбиций. Впечатляет похожесть двух этих творческих глыб, а иногда и проявление ими характера, но именно в интересах дела. Оба они умели выслушивать, даже если не согласны с подчиненным, выхватить у него и редкое полезное зерно. Не в этом ли и суть создания Ю. В. Андроповым в Отделе ЦК группы нестандартно мыслящих консультантов? Потом и другие отделы аппарата ЦК КПСС сделали это. Евгений Максимович тоже неслучайно предался ситуационным анализам, тоже мог вникать в чужие суждения, а, если надо, то даже пересматривать свои.

В целом весьма осмотрительный посол ЮВА придерживался своих оценок развития событий 1956 года в Венгрии, несмотря на расхождения с «самим» А. И. Микояном, срочно прилетевшим туда. А сколько раз ЕМП решительно проявлял себя в сложных ситуациях — не только

при «петле над Атлантикой», но и намного раньше (уход из ИМЭМО из-за расхождений с кураторами из Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС или отказ от звания генерала во главе внешней разведки) либо гораздо позже (добровольный уход с поста председателя ТПП после двух пятилетних сроков). Не безотцовщина ли, как ни странно, одарила их особыми качествами? Она лихо выводит молодых ребят куда угодно, но иногда ведет и к самостоятельности, изобретательности, ответственности. Их коренным общим знаменателем было творческое начало. Добрых черт человека было у Евгения Максимовича не меньше, чем подлинной мудрости и лидерских достоинств!

У каждого человека есть «лучшие люди в его жизни»... у меня одним из таких людей является Евгений Максимович Примаков

Евгений Максимович — это прекрасный букет человеческих качеств. Яркая индивидуальность мыслителя вбирает в себя человечность и теплоту. Никогда жестко не навязывая своего мнения, Евгений Максимович, тем не менее, всегда воспринимается нами как требовательный наставник, последовательно добивающийся требуемого результата. В этом, собственно, и есть его творческий вклад в формирование активных профессионалов. Для очень многих он является не просто старшим товарищем, но в полной мере признанным неформальным лидером, с которого берут пример, которому подражают.

Хорошо помню январь 1996 года и назначение Евгения Максимовича Примакова министром иностранных дел России. Не буду много распространяться по поводу того, в каком состоянии, моральном и профессиональном, находилось тогда министерство, которому на протяжении более четырех лет приходилось испытывать на себе трудности политического перехода от Советского Союза к новым российским реалиям. Скажу лишь, что большинство из нас, дипломатов, испытывали на себе перегрузки не только материального (мало платили), но и чисто морального свойства, поскольку

в эти годы в адрес МИД заслуженно и незаслуженно звучала резкая критика.

Словом, моральная атмосфера в коллективе была тягостной. Именно на 1992 год пришлось знаменитый актив с поучительствами Г.Э. Бурбулиса, а также нередкие публичные обвинения в адрес МИД в заискивании перед Западом, забвении подлинных национальных интересов, чрезмерной податливости наших российских переговорных позиций и т. д. Об этом, видимо, будет когда-то сказано еще немало.

Не скрою, 9 января 1996 года, в день прихода в МИД Е. М. Примакова, в министерстве сильно напряглись. Руководителем дипломатической службы становился известный, «матерый» политик, к тому же переходящий с поста руководителя Службы внешней разведки, являвшейся также неотъемлемой частью внешнеполитической службы страны. Впрочем, нервозность длилась недолго. Я лично хорошо помню, как в мой кабинет (я был тогда директором департамента информации и печати) вбежал с округлившимися глазами помощник и почему-то шепотом, но внятно сказал: «Вас по "прямому" — Примаков». В голове пронеслось что-то типа «картина Репина "Приплыли"», но трубку мужественно взял. Оттуда тихим, но внушительным басом мне было сказано о том, что у министра есть намерение созвать завтра первую пресс-конференцию в нашем пресс-центре. Обнадеживающе, безусловно, прозвучала последняя фраза: «Вести эту пресс-конференцию я прошу вас». Излишне говорить, насколько быстро и четко была подготовлена эта встреча с представителями прессы, а также насколько высок был интерес к первым «инаугурационным» заявлениям. Впрочем, Евгений Максимович доходчиво дал понять присутствующим, что уровень компетентности и наступательности российской внешней политики отныне и впредь ни у кого вовне, да и внутри страны не будет вызывать особых вопросов.

Среди замечательных качеств нового руководителя МИД все довольно быстро отметили доброжелательный, но при всех обстоятельствах требовательный стиль. Обязательным стало условие «командности» всех наших усилий. В то время в эту команду входили И. С. Иванов, Б. Н. Пастухов, В. В. Посувалюк, Н. Н. Афанасьевский, Г. Э. Мамедов, В. И. Матвиенко, Ю. В. Ушаков, С. И. Кисляк. Кого-то наверняка забыл — пусть простят. При внешней суровости нового «капитана корабля» его отличала удивительная и даже, я бы сказал, обволакивающая человеческая теплота в отношении нас, младших коллег. Евгений Максимович, часто шутя, говорил о том, что все мы могли бы теоретически быть его детьми. А порой и относился к нам как к шаловливым ребятам. Лишь спустя лет пятнадцать на одном из мероприятий мягко поправил себя, заметив, что порой недооценивал трудолюбие и профессиональные качества каждого из нас.

Еще одна отличительная черта Примакова — категорическое неприятие подлости и закулисных интриг. За это он жестоко карал как подчиненных, так и близких себе людей. Эта его черта во многом также способствовала освежению атмосферы в министерстве иностранных дел, да и в заграничном аппарате.

Продолжая перечислять наиболее характерные для Евгения Максимовича черты, нельзя не назвать выдающееся чувство юмора. Многие из его шуточных оборотов до сих пор обильно цитируются в мидовской среде, а если брать шире, то и в мировой дипломатии. Чего стоит, например, замена шаблонного определения «контрольный тост» на образное и более корректное «тост носит политический характер...»

Несомненно, Евгений Максимович, как и Сергей Викторович Лавров сегодня, был для всех нас человеком номер один в профессии. Это касается как публичных выступлений, так и докладов руководству страны, в которых аналитические

глубины всегда были сопряжены с краткостью и доходчивым, понятным русским языком.

Временами мы пытались использовать талант руководителя в своих вполне, впрочем, бескорыстных целях. Хорошо помню эпизод, когда после завершения министерской встречи асеановского регионального форума мы должны были составить итоговый доклад с предложениями о нашей дальнейшей линии. Вместе с А. П. Лосюковым (тогда директором регионального департамента) мы начали эту работу и вдруг обратили внимание, что другие члены делегации уже отдыхали и купались в бассейне отеля. К ним вскоре примкнул и Евгений Максимович. Тогда родилась «творческая» идея — взять блокнот и продолжить работу на свежем воздухе, фактически рядом с бассейном. Все, что последовало за этим, полностью оправдало сделанные расчеты. Минут через 15 Евгений Максимович, увидев, что у кромки бассейна, пыхтя и потея, его соратники бьются над какой-то бумагой, вышел из воды, подошел к нам с Сашей и поинтересовался, над чем мы столь усердно трудимся. Авторы быстро объяснили. Тогда министр взял бумагу и ручку, сел и в течение каких-нибудь 20 минут своим известным бисерным почерком сделал за нас всю работу. В тексте не было ни единой помарки или исправления. Комментарии, как говорится, были излишними. Замечу лишь, что в известном смысле эти традиции свойственны и нынешнему министру, так что в этом есть известная логическая преемственность.

Не буду иллюстрировать самозабвенную решительность Евгения Максимовича. Хорошо известно его решение о развороте над океаном, а это ведь лишь один из многочисленных примеров. Не могу не вспомнить изобретательность и настойчивость нашего министра в работе над договором с Китайской Народной Республикой по границе, которая завершала труд многих десятилетий, направленный на достижение признания впервые за всю историю существования

отношений с Пекином международно признанной межгосударственной границы по всей ее протяженности. В то время этот вопрос был не только внешнеполитическим, но и прямо выходил на внутреннюю политику, требовал кропотливого поиска решений, которые были бы правильно восприняты общественным мнением двух стран, прежде всего в Хабаровском крае и Приморье. Такое решение в результате было найдено, что способствовало становлению этой границы в качестве границы мира и сотрудничества.

Возвращаясь к личности Евгения Максимовича, откровенно признаюсь, что все мы до сих пор восхищаемся его трогательным, почти религиозным отношением к дружбе и своим друзьям.

Переключаюсь опять скорее на шуточную волну, которая раскрывает широкие диапазоны «примаковского юмора». Вспомню эпизод с встречей министра с одним из его коллег из Юго-Восточной Азии. Дело было во время многостороннего форума. Встреча продолжалась около часа, проходила в весьма конструктивной, дружеской обстановке, и вместе с тем, проводив гостя, Евгений Максимович подошел ко мне и сказал: «Хочу обратить ваше внимание на то, что из пяти затронутых мною вопросов мой собеседник был подготовлен только по двум. В следующий раз вы должны готовить не только меня, но и тех, с кем я встречаюсь». Естественно, с моей стороны было обещано так и поступать.

И, наконец, знаменитый «примаковский розыгрыш». Во время поездки министра в Японию в один из свободных вечеров все мы вместе с А. Н. Пановым выехали на малюсенькую дачу посла в местечке Камакура. Беседы между нами, как всегда, были живыми и интересными и в основном касались проблемы развития двусторонних отношений с Японией, но когда дело дошло до десерта, Примаков попросил набрать мой московский номер телефона и, когда на том конце сняли трубку, сказал: «Оля, будьте добры, попросите к телефону

Григория Борисовича». Супруга, понятно, опешила и сказала, что, по ее данным, я нахожусь вместе с министром в командировке в Японии, после чего Евгений Максимович сказал: «Ой, извините, я что-то перепутал». Смеялись долго и все вместе. Потом пришлось извиняться перед женой.

Завершая эти сумбурные заметки, хочу вспомнить слова одного известного писателя, который метко сказал, что у каждого человека есть «лучшие люди в его жизни», их обычно единицы, у меня одним из таких людей был и остается Евгений Максимович Примаков.

Пять эпизодов из встреч с Максимычем

«Клен ты мой опавший...»

За годы работы на дипломатическом поприще судьба сводила меня с Е. М. Примаковым десятки раз, в разное время, в разных ипостасях, на разных географических широтах. И всякий раз, с каждой такой встречей я открывал для себя все новые и новые грани его характера, подпадал под обаяние его неординарной личности.

Мое самое первое и, пожалуй, самое сильное впечатление о Евгении Максимовиче восходит к 31 декабря 1968 года, когда мы, сотрудники посольства СССР в Египте и аккредитованные в Каире советские журналисты, отмечали приход нового года. На тот момент я был скромным, едва оперившимся работником посольства в должности атташе, Примаков же работал региональным корреспондентом газеты «Правда» и благодаря своим частым публикациям о событиях в арабском мире от Ирака до Судана воспринимался в качестве одного из наших самых знающих и авторитетных востоковедов. Более читаемым был, пожалуй, только другой «правдист» — Павел Епифанович Демченко.

В тот памятный для меня вечер практически все сотрудники посольства с женами, нарядные и торжественные, расселись за накрытыми столами в актовом зале посольского здания. Были зачитаны поздравления с наступающим Новым

годом от официальных инстанций в Москвы, с традиционным приветственным словом выступил наш посол Сергей Александрович Виноградов, а далее праздничный вечер пошел по накатанной колее: незатейливая художественная самодеятельность, в основном силами женской части коллектива, импровизированные выходы на сцену с тостами на вечные темы здоровья, семейного счастья и благополучия, «голубого неба над Родиной» и, естественно, «мира во всем мире»...

Ко второму часу ночи атмосфера в зале утратила официальные условности, общество распалось на своего рода мини-группы, за каждым столом отмечались и чествовались свои события и даты и произносились локальные тосты. А потом в разных концах зала зазвучали и первые запевки нехитрых застольных песен типа «На Муромской дороге...»

И вот в какой-то момент на этой раскованной фазе застолья на сцену поднялись два участника вечера из числа журналистов — Е. М. Примаков и, кажется, Леонид Корявин, представлявший в Каире газету «Известия». Тогда еще молодые, относительно стройные, с задорными лицами, без животиков и двойных подбородков. Как и все участники вечера, они были в «разогретом состоянии», подошли к микрофону уже без пиджаков, и не обращая внимания на гул в зале, запели:

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел...»

В те далекие 60-е годы звезда Николая Сличенко только всходила, песня «про клен» была еще не совсем раскрученной, но узнаваемой. Поэтому при первых же строфах, спетых участниками дуэта, шум в зале затих, локальные тосты и разговоры повисли на полуслове, и все присутствовавшие на вечере в безмолвии дослушали песню до конца. Хотя, если

говорить честно, дуэт не был слаженным, голоса — хриловатыми, манера исполнения — дилетантской, но все слушатели были в полном восторге и аплодировали, не жалея своих ладоней. Аплодировали как никому за этот вечер. Потому что получилось так, что выбрав песню «про клен», участники дуэта спели именно то, что людям хотелось «для души». Словом, выход Максимыча и его партнера на сцену стали самым запоминающимся событием того новогоднего вечера...

После того далекого новогоднего вечера мне доводилось много раз участвовать с Евгением Максимовичем в разного рода дружеских или официальных «посиделках», но я неизменно восхищался его умением мягко и неназойливо оказываться в центре внимания, становиться «душой компании». Так было на праздничных вечерах коллектива нашего посольства в Каире, на скромных трапезах у палестинских лидеров в Бейруте, на обильных застольях у королей Иордании или Марокко. Легко и естественно Максимыч находил темы для беседы, переходя от обсуждения сложных ближневосточных уравнений до пересказов шуточных историй и анекдотов. И никто из числа собеседников — от журналистов и политических деятелей средней руки до глав арабских государств, не мог устоять против его огромного, искреннего обаяния и в свою очередь настраивался на ответную волну доброжелательного общения.

Подмечено, что все люди к старости лет начинают испытывать ностальгию по дням своей молодости, по друзьям и добрым знакомым из тех невозвратных дней. Так произошло и со мной, когда я засел за написание своих воспоминаний о Евгении Максимовиче. Охватив в памяти все моменты нашего общения, поймал себя на мысли, что ярче всего помнится тот каирский вечер, молодой и немного хмельной Максимыч и пронзительные есенинские строки:

«...Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым...».

«Че Гевара тоже был романтиком...»

Второй раз судьба свела меня с Е. М. Примаковым осенью 1974 года в Ливане. Евгений Максимович к тому времени завершил свою командировку в Каире и вернулся в Москву, где возглавил Институт востоковедения АН СССР. Однако будучи человеком деятельным и энергичным, он не стал замыкаться только на исследованиях академического жанра, но и продолжил вплотную заниматься актуальными событиями на ближневосточной арене. В качестве директора ИВАН он довольно часто выезжал в те арабские страны, обстановка в которых на тот момент требовала нового осмысления. В роли направляющей стороны выступал Международный отдел ЦК КПСС, который параллельно МИД и Первому Главному управлению КГБ (ныне Служба внешней разведки) также старался «держать руку на пульсе» непростых процессов, происходивших на Ближнем Востоке.

Что касается меня, то я тогда работал в нашем посольстве в Бейруте в скромной должности второго секретаря. Тем не менее участок работы у меня был, пожалуй, самым важным и напряженным — я занимался темой палестинцев.

Должен напомнить, что Ливан в 70-е годы был местом основной политической и военной активности Организации освобождения Палестины (ООП) и входивших в нее группировок — Фатха, Народного, Демократического, Арабского фронтов освобождения Палестины, «Саики», других, совсем уж мелких групп. Публика была буйной, разномастной, с разной политической и идеологической окраской, с разными концептуальными воззрениями на методы решения палестинской проблемы. На тот момент палестинский фактор был важной составной частью ближневосточного уравнения, и им приходилось заниматься всерьез. В СССР палестинской темой наиболее активно интересовался Международный отдел ЦК КПСС, который ведал

связями с национально-освободительными движениями в странах «третьего мира».

1974 год для палестинцев был особенным. Состоявшаяся в октябре предыдущего года арабо-израильская война «Судного дня» явилась катализатором международных контактов по проблеме ближневосточного урегулирования. В повестку дня был даже поставлен вопрос о созыве с этой целью многосторонней мирной конференции в Женеве. Перед палестинским руководством вплотную встала задача не оказаться лишним в этой политической игре и найти возможность вписаться в складывающийся международный контекст. Весной-летом 1974 года в обстановке острых споров возглавлявшаяся Ясиром Арафатом Организация освобождения Палестины сделала первый шаг в сторону пересмотра своих изначальных лозунгов, сводившихся к отрицанию решения Генасамблеи ООН о разделе Палестины и возвращению к положению до 1947 года. Теперь основное ядро Организации высказалось в пользу установления «палестинской национальной власти» на любой части территории Палестины, «освобожденной от сионистского присутствия». Новая формулировка подразумевала признание де-факто Государства Израиль и ориентировала на дальнейшее сосуществование между палестинской национальной властью и еврейским государством. В последующем этот принципиальный поворот в политическом курсе ООП постепенно углублялся и излагался во все более четких и конкретных формулировках. При этом Я. Арафат допускал и возможность признания Государства Израиль де-юре, но предпочитал держать такой жест «в резерве», рассчитывая на встречное признание руководством Израиля права палестинцев на собственную государственность.

Однако принятие внутри ООП этой новой платформы не было единодушным. Народный фронт освобождения Палестины Жоржа Хабаша и организации просирийского

и проиракского толка под влиянием позиции Дамаска и Багдада категорически отвергли смену курса и, оставаясь на максималистских позициях, образовали оппозиционный Я. Арафату «фронт отказа». Более того, экстремисты из находившейся под патронатом Ирака группировки Абу-Нидаля развернули кампанию убийств тех, кого они квалифицировали как «предателей палестинского дела». Первой жертвой пуль сторонников Абу-Нидаля стал представитель ООП в Лондоне Саид Хаммами, который не только публично высказывался за пересмотр прежних палестинских концепций, ратовавших за уничтожение Государства Израиль, но и был инициатором первых прямых контактов между ООП и сторонниками примирения с палестинцами внутри Израиля. В дальнейшем этот мартиролог пополнялся все новыми именами палестинцев, взявших на себя смелость протянуть руку тем, кто стоял по другую сторону баррикад.

Как свидетель и даже в определенной мере участник событий тех дней, могу сказать, что далеко не последнюю роль в положительной эволюции подходов ООП сыграл Советский Союз. В ходе контактов с руководством ООП на разных уровнях Москва убеждала палестинских лидеров в необходимости принятия такой политической программы, которая, обеспечивая восстановление палестинской государственности, должным образом отражала бы и сложившиеся реалии, в первую очередь существование Государства Израиль в границах 1967 года как свершившегося и не подлежащего пересмотру факта.

Одним из звеньев этой работы стал приезд Е. М. Примакова в Ливан в октябре 1974 года и его продолжительные беседы с палестинскими лидерами. Посольство получило соответствующее указание из Центра. Посол С. А. Азимов принял Примакова для беседы по существу его миссии, а затем поручил мне «логистическое обеспечение» его контактов с палестинскими лидерами. То есть я должен был дого-

вариваться о времени и месте встреч, на своей автомашине доставлять гостя в указанные точки, переводить непростые диалоги Евгения Максимовича с палестинскими руководителями.

Признаюсь честно — поручение посла Азимова я выполнял с большим удовольствием. Во-первых, мне самому было интересно послушать палестинских лидеров еще раз, тем более по вопросам программного характера. Во-вторых, было интересным и общение с Е. М. Примаковым — автором вышедшей несколько ранее книги «Египет: время президента Насера» и многих публикаций в советской прессе, которыми я зачитывался.

Поэтому беседы Евгения Максимовича с палестинцами я переводил увлеченно, вдумываясь в содержание споров и внутренне восхищаясь виртуозным умением гостя «подобрать ключики» к таким разным собеседникам, тактично и без обиды указать им на слабые места в их логических построениях.

Хотя первая беседа Е. М. Примакова с лидерами Демократического фронта освобождения Палестины Наифом Хаватме и Ясиром Абд Раббо была спокойной и доброжелательной, без «подводных камней». Скорее это было общение людей со сходными взглядами на ближневосточные реалии и с глубоким внутренним уважением друг к другу.

Разговор с Я. Арафатом, как он отложился в моей памяти, был не таким простым и одномерным. Арафат был большим мастером по части недоговорок и умолчаний, даже в контактах с нами. Так было и в тот раз: сказав «а», палестинский лидер уходил от последующего логического «б», не желая связывать себя четкими позициями даже в разговоре с неофициальным эмиссаром из Советского Союза. Похоже, Е. М. Примаков понимал сложность положения Арафата, отдавал отчет в том, что игра на усеянном минами ближневосточном поле для палестинского лидера сопряжена

со слишком большими рисками. Поэтому Е. М. Примаков провел разговор с Я. Арафатом в мягких тонах и с акцентом на нашу поддержку нового курса ООП.

К слову сказать, в Бейрут с аналогичными миссиями приезжали и другие наши специалисты-ближневосточники, однако беседы с палестинскими лидерами они предпочитали проводить в нажимном, менторском ключе, что вызывало протесты даже у терпеливого Я. Арафата. Увы!.. Не у всех было развито чувство такта, которое было присуще Е. М. Примакову.

Больше всего из бесед того цикла меня впечатлила беседа Е. М. Примакова с лидером Народного фронта освобождения Палестины Жоржем Хабашем. В палестинских кругах он слыл «перманентным революционером» и был абсолютно непримирим к «сионистскому врагу». Логика Хабаша сводилась к тому, что надо мобилизовать под лозунгами борьбы с империализмом и сионизмом народные массы во всем арабском мире, превратить палестинскую революцию в революцию общеарабскую, произвести радикальную смену режимов в ведущих арабских странах подобно тому, как это произошло в 50-х годах после первой арабо-израильской войны. Условно говоря, «путь к освобождению Палестины лежит через Амман, Бейрут и другие арабские столицы...»

Поэтому разговор Е. М. Примакова с Ж. Хабашем в психологическом плане был напряженным, хотя по внешней тональности вроде вежливым и даже в определенной степени благожелательным. Лидер Народного фронта с воодушевлением излагал свои прогнозы на тот счет, что арабские массы пробудятся от апатии, что обстановка в регионе изменится и что с учетом таких перспектив принятие палестинцами на себя каких-то обязательств по части признания Государства Израиль было бы непростительной ошибкой.

Я слышал подобные монологи от Хабаша и его соратников много раз, до хрипоты спорил с ними, и мне было

интересно, как в такой ситуации поведет себя Е. М. Примаков, что скажет палестинскому лидеру он. Реакция Максими́ча меня восхитила: он не стал ввязываться в затяжную полемику, а ответил коротко, ясно и убедительно. Цитирую соответствующий пассаж из его воспоминаний, изложенных в книге «Ближний Восток на сцене и за кулисами»: *«Существует все-таки разница между революционным романтизмом и революционным реализмом... Я очень чту Че Гевару, порой даже восхищаюсь им, но революции в Боливии он не сделал...»*.

Наверное, было бы излишне говорить, что я перевел этот ответ Примакова с колоссальным удовольствием. Скажу больше — мысленно я Максими́чу аплодировал, потому что лучше просто не скажешь!

В целом, тот цикл бесед Е. М. Примакова с палестинскими лидерами был для меня не только интересным, но и поучительным. Впоследствии я сам иногда обращался к методу ведения споров, который был подмечен мною тогда, в том разговоре.

Кстати, Примакову мой перевод, вроде, понравился. Во всяком случае, он счел нужным упомянуть в книге своих воспоминаний мои бейрутские хлопоты по организации встреч с палестинцами и обеспечению перевода непростых бесед с ними. Для меня это упоминание стоит дорогого...

***«Тарик, у нас выросло целое поколение
замечательных арабистов!..»***

Одной из черт характера Е. М. Примакова было его благожелательное, товарищеское отношение к коллегам-арабистам вне зависимости от того, на какой ниве они трудились. Он всех их знал лично, соприкасаясь в ходе поездок по региону или привлекая к участию в «мозговых штурмах»,

проводившихся под его руководством в Институте востоковедения. Для некоторых, особенно одаренных, он стал научным руководителем при подготовке научных диссертаций на актуальные сюжеты арабского мира. Одним из таких, образно говоря, учеников Е. М. Примакова был известный всем В. В. Посувалюк, защитивший в 1974 году под его руководством кандидатскую диссертацию по истории баасистского движения в Сирии и Ираке.

В контексте темы отношения Е. М. Примакова к коллегам-арабистам вспоминается один эпизод из его разговора с иракским министром иностранных дел Тариком Азизом осенью 1984 года, свидетелем которого мне довелось стать. На тот момент я занимал должность советника-посланника посольства СССР в Ираке и ввиду отсутствия посла В. И. Минина, который находился в отпуске, исполнял функции временного поверенного. В ходе одной из моих встреч с Т. Азизом иракский министр попросил передать приглашение Е. М. Примакову как директору Института востоковедения и его давнему другу приехать на несколько дней в Багдад в качестве его личного гостя для проведения неформального обмена мнениями по всему комплексу ближневосточных дел. Как я понимаю, интерес к проведению консультаций был взаимным, поскольку реакция на приглашение была достаточно оперативной. Так что в конце сентября-начале октября 1984 года Е. М. Примаков в сопровождении своего помощника Р. В. Маркаряна прибыл в иракскую столицу. Последовали продолжительные беседы по широкому кругу проблем, в первую очередь по перспективам ирано-иракского вооруженного конфликта, который бушевал тогда в полную силу (для нас было важно определиться со степенью нашей политической и военной поддержки Багдада в его противостоянии с воинствующим режимом имама Хомейни).

После того, как деловая часть программы была завершена, Т. Азиз пригласил Е. М. Примакова, а заодно и нас,

советских «багдадцев», в один из загородных ресторанчиков для товарищеского обеда. Помню, что место было довольно уютным, блюда — вкусными, атмосфера за столом — приятной и раскованной. В ходе разговора иракский министр спросил Примакова: *«А где сейчас Виктор, который работал когда-то в вашем посольстве?»* Все поняли, что Т. Азиз имел в виду Виктора Викторовича Посувалюка, который работал в Багдаде в 1969–1976 годах. Выслушав ответ (мол, Виктор сейчас работает в Дамаске в должности советника-посланника), Т. Азиз начал увлеченно говорить о том, что у вас, в Советском Союзе, мол, есть очень сильные арабисты, которые на голову превосходят своих коллег — специалистов аналогичного профиля из западных стран. Уверенно владеющие языком, знающие историю стран региона, понимающие психологию арабов. Мол, общаться с ними легко и просто.

Е. М. Примаков с удовольствием выслушал эти оценки иракского министра и с улыбкой ответил: *«Тарик, у нас выросло целое поколение замечательных арабистов! Они пока еще в процессе служебного роста, но пройдет еще два-три года, и их начнут выдвигать на посольские должности вместо нынешних партийных назначенцев. И тогда в ближневосточных странах у нас будут самые сильные и самые компетентные послы, не чета дилетантам-западникам!»*

Признаться честно, и слова Тарика Азиза, и ответ Е. М. Примакова пришлись мне очень по душе. Было приятно, что иракский министр иностранных дел вспоминает об одном из моих коллег, работавшем в Багдаде и уехавшем восемь лет тому назад. Еще более приятным было предсказание Е. М. Примакова о том, что *«пройдет еще два-три года, и...»* Кстати, так это и случилось. В том числе и со мной.

Максимыч оказался прав и в другой своей оценке — относительно степени компетентности посольских кадров у нас и у западников. Ирония судьбы: наиболее красноречивое

подтверждение этому мы можем увидеть при сравнении моделей поведения советского посла и посла США в период «Кувейтского кризиса» первой войны в Заливе. О деятельности посла СССР В. В. Посувалюка в те дни написано очень много — вышла даже книга «Багровое небо Багдада». Его работа отмечена боевым орденом Красного знамени — исключительной наградой для человека гражданской профессии.

Оценка роли американки Эйприл Гласпи, коллеги Виктора в Багдаде, тоже практически единодушна, но только с противоположным знаком. Ее заявление, сделанное в ходе беседы с президентом Ирака Саддамом Хусейном в преддверии кризиса, многие сочли одной из главных причин, побудивших иракского диктатора принять решение о вторжении в сопредельную арабскую страну. Конкретно в ходе той встречи Гласпи в ответ на пространные обвинения Саддама по адресу эмира Кувейта не нашла ничего лучшего, чем заявить: *«У меня есть прямая инструкция президента — добиваться улучшения отношений с Ираком. У нас нет точки зрения на межарабские конфликты, такие, как ваш пограничный спор с Кувейтом... Эта тема не связана с Америкой»...*

Многие исследователи истории кувейтского кризиса считают, что слова Э. Гласпи были своего рода сознательной ловушкой, в которую американцы втянули «доверчивого» Саддама Хусейна. Думается, что на самом деле все обстояло гораздо прозаичнее — Эйприл Гласпи на посту посла США в Багдаде проявила себя как дилетант, как человек, не имеющий представления о непростых отношениях Ирака со своими соседями, и в первую очередь с Кувейтом. Ну и слабо разбирающимся с особенностями менталитета арабов вообще и тогдашнего иракского диктатора в частности.

Так что Максимыч в разговоре с Тариком Азизом осенью 1984 года в определенном смысле «как в воду глядел».

«Вася, мидовские арабисты не дорабатывают...»

Хочу рассказать еще об одном эпизоде из истории личного общения с Е. М. Примаковым, когда мы были то ли единомышленниками, то ли оппонентами, и когда хорошие отношения с Евгением Максимовичем едва не стали для меня причиной служебной катастрофы.

Эта история началась в августе 1990 года, с иракской оккупацией Кувейта. До этого я пробыл четыре сложных года на посту посла СССР в объятом гражданской войной Ливане, в силу обстоятельств оказался «на виду» и потому получил неожиданное повышение — был назначен на должность начальника Управления стран Ближнего Востока и Северной Африки в нашем МИД на смену В. П. Полякову, которого повторно назначили послом в Каир. 4 августа я вышел на работу в новом качестве и сразу попал в водоворот неотложных дел, поручений, указаний, которые подчас исходили от самого министра — Э. А. Шеварднадзе, звонившего по прямому, министерскому телефонному аппарату.

Самой горячей была тема обстановки в районе Залива. Наша позиция по поводу оккупации, а затем и аннексии Ираком Кувейта была выработана совместно с американцами и сводилась к тому, чтобы обязать, а при необходимости — и вынудить иракцев уйти из Кувейта и восстановить статус-кво на основе сохранения кувейтской государственности и уважения его границ. Мне такая позиция была понятна. После двух с половиной лет работы на должности советника-посланника нашего посольства в Багдаде в 80-х годах я доподлинно знал об объеме той финансовой, экономической и логистической поддержки, которую Ирак, вовлеченный в изнурительную войну с Ираном, получал от нефтяных монархий Залива и в первую очередь от Кувейта. Помнил я и о территориальных амбициях иракцев, которые проявлялись то в отношении Ирана, то Кувейта, то Саудовской

Аравии и которые неоднократно становились причиной дестабилизации обстановки в регионе. Словом, я работал в ладу со своим начальством и с самим собой.

Однако через несколько недель после вступления в должность у меня раздался телефонный звонок, и знакомый мне по предыдущим временам Р. В. Маркарян сказал, что меня приглашает к себе для обсуждения ирако-кувейтских дел Е. М. Примаков (ставший к тому времени членом Президентского совета при М. С. Горбачёве). В назначенное время я прибыл в Кремль и вошел в рабочий кабинет Евгения Максимовича. Первая фраза, которую он произнес, меня, прямо скажем, ошеломила: *«Вася, мидовские арабисты не дорабатывают! И в первую очередь не дорабатываешь ты как начальник Управления Ближнего Востока!..»*. Далее Примаков начал излагать свое видение ситуации с аннексией иракцами Кувейта с упором на то, что Саддам, мол, действительно ввязался в не просчитанную до конца авантюру, но наша задача — помочь ему выбраться из той авантюры с наименьшими потерями для наших связей с этой страной и позиций в регионе в целом. У США, мол, свои цели и свои счета с Саддамом, у нас — свои интересы в регионе, и мы не должны быть в роли ведомых США на Ближнем Востоке или где-либо еще в мире. Да, говорил Евгений Максимович, Саддама надо убедить уйти из Кувейта, но с учетом личности иракского диктатора ему нужно помочь уйти достойно и «спасти лицо».

И вот в этом плане мидовские арабисты ведут себя пассивно, хотя с учетом знания менталитета иракцев и арабов в целом могли бы предложить более гибкие формулы воздействия на Саддама Хусейна.

Так, примерно в конце августа 1990 года я ощутил наличие в окружении М. С. Горбачёва двух несопадающих точек зрения на кувейтскую проблему — министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе, своего начальника, и члена Президентского совета Е. М. Примакова, человека, оценкам

и суждениям которого я привык доверять. На какое-то время мои симпатии качнулись в сторону Примакова: вариант с «мягким», добровольным уходом иракцев из Кувейта действительно показался мне более привлекательным.

Однако полоса надежд на такой вариант лично для меня была короткой. 7 сентября 1990 года в Хельсинки должна была состояться советско-американская встреча в верхах для обсуждения путей и методов решения кризиса в Заливе. Буш-старший был намерен добиться одобрения Советским Союзом силовой акции в отношении Ирака с целью заставить его уйти из Кувейта. М.С. Горбачёв колебался между призывами Э.Ш. Шеварднадзе не отходить от линии на координацию с США, с одной стороны, и настойчивыми советами Е.М. Примакова на ведение двустороннего диалога с иракским руководством, с другой. В таком контексте в первых числах сентября в Москву был приглашен министр иностранных дел Тарик Азиз: для нас был очень важен более или менее внятный сигнал со стороны иракского руководства относительно его готовности уйти из Кувейта. В таком случае мы на переговорах в Хельсинки могли бы настаивать на несиловом сценарии освобождения Кувейта.

5 сентября Т. Азиз был принят М.С. Горбачёвым. Беседа прошла в узком кругу и, судя по всему, была безрезультатной. Я принял участие в продолжении переговоров с иракским министром в нашем МИД. С нашей стороны их вел заместитель министра А.М. Белоногов, курировавший ближневосточное направление. Не критикуя действия иракских властей напрямую, Александр Михайлович провел достаточно прозрачные исторические параллели и напомнил Т. Азизу, как развивались события накануне арабо-израильской войны 1967 года: опрометчивые заявления и действия президента Египта Г. А. Насера, силовая реакция на них со стороны Израиля и, в итоге — военный разгром Египта, Сирии и Иордании, плюс затяжная, на десятилетия,

проблема освобождения захваченных израильянами арабских земель. Так не стоит ли иракскому руководству учесть этот опыт, еще раз все тщательно взвесить, обдумать и реально оценить ситуацию и ее возможные последствия? Тем более что в случае с оккупацией Кувейта речь идет о бесспорном нарушении норм международного права.

Реакция Т. Азиза (между прочим, самого «просвещенного» из круга иракских руководителей) была спонтанной и неожиданной: он возмутился! Возмутился тем, что иракцев сравнили с египтянами («они же несерьезные, легкомысленные люди, не то, что мы — иракцы»), иракскую армию — с египетской («мы выстояли в тяжелейшей войне с Ираном») и, главное — Саддама Хусейна с Насером («тот говорун-краснобай, а наш президент — человек не слова, а дела!»). И далее: «Мы не боимся американцев, но если они все-таки решаться начать войну, то потом об этом горько пожалеют!», «Запылает весь Залив!», «Восстанут все арабы!» и т. д. и т. п.

Я сидел, слушал Т. Азиза и чувствовал, как подкатывает тошнота. Задавался вопросом: в каком мире живут иракские руководители? Насколько они адекватно мыслят? Воспринимают ли они реальную действительность? В период своей работы в Багдаде я видел, с каким напряжением иракским вооруженным силам удалось свести к ничьей кровопролитную десятилетнюю войну с Ираном. При том, что тогда в результате «исламской революции» кадровая иранская армия была обескровлена, дезорганизована, лишена возможностей пополнять утраченную боевую технику. Сейчас же в споре из-за Кувейта Ираку будут противостоять не формирования «стражей исламской революции» и ополченцев — «басиджей», а силы международной коалиции во главе с США, превосходящие военный потенциал Ирака в десятки раз.

Короче говоря, после сентябрьских переговоров с Т. Азизом я засомневался в возможности благополучного исхода «кувейтского кризиса», к которому призывал

Е. М. Примаков, и 3 октября, в ходе его поездки в Багдад в качестве спецпредставителя М. С. Горбачёва начал высказывать свои сомнения вслух (я был включен в группу сопровождающих Е. М. Примакова лиц, а на самих переговорах с иракским президентом исполнял роль «писарчука»). Евгений Максимович воспринимал мое мнение снисходительно, вновь попрекал меня в слабом знании психологии иракцев и лично Саддама Хусейна.

К этой теме мы в общении с Евгением Максимовичем возвращались неоднократно. Помню, у нас вышел особенно продолжительный спор, когда он приступил к написанию серии очерков «Война, которой могло не быть» (опубликованы в феврале-марте 1991 года в четырех номерах газеты «Правда»). Отправной точкой в примаковском анализе причин «первой войны в Заливе» был тезис — американцы хотели военного разгрома Ирака, сознательно вели дело к нему, и своей цели они добились. Хотя, мол, при большей твердости с нашей стороны этой войны можно было бы избежать. Евгений Максимович ознакомил меня с первым наброском этих очерков. Прочтя вводную часть, я принял часть упреков в недостатке «твердости» на свой счет, вспомнил произнесенную Примаковым фразу *«Вася, мидовские арабисты не дорабатывают! И в первую очередь, не дорабатываешь ты!..»* Поэтому стал Максимычу энергично возражать. Смысл моих возражений можно резюмировать так: поведение американцев в ходе кувейтского кризиса не должно нас удивлять или шокировать: они и западники в целом вели себя в рамках присущей им и понятной логики. Вне зависимости от того, нравится нам эта логика или нет. Нелогичным, самоубийственным было поведение руководителей Ирака, их полная неумяемость и неспособность адекватно воспринимать действительность и реальное соотношение сил. Так что «благодарить» за войну в Заливе мы должны в первую очередь Саддама «со товарищи».

Но хочу оговориться — острота наших споров была относительной. Я по-прежнему испытывал глубочайшее уважение к Евгению Максимовичу, а он, со своей стороны, находил полезным мое участие в составе его команды во время неоднократных поездок в Багдад (особенно в роли «писарчука», то есть человека, ведущего протокольную запись переговоров и, главное, составляющего проект телеграммы-доклада в Москву).

Правда, если Максимыч не видел ничего крамольного в том, что кто-то из его, условно говоря, рабочей команды придерживался иных оценок, нежели он сам, то не такой была позиция моего самого большого начальника в МИД, Э. А. Шеварднадзе усматривал в инициативах Е. М. Примакова вызов своим полномочиям как министра иностранных дел и даже в закрытом порядке довел до сведения посла США в Москве Джека Мэтлока, что он, министр, категорически против «самодеятельности» Примакова и будет настаивать на соблюдении имеющихся договоренностей с Вашингтоном относительно наращивания давления на Саддама Хусейна (это было сделано через старшего помощника министра С. П. Тарасенко). Расхождения во мнениях между Э. А. Шеварднадзе и Е. М. Примаковым относительно методов решения кризиса в Заливе постепенно приобрели характер личного конфликта, и в зоне повышенного внимания оказались все те, кого можно было счесть «засланными казачками» — людьми, якобы бросившими вызов нашему министру. Список подозреваемых начинался и заканчивался моей фамилией. «Уликами» служили факт моего давнего знакомства с Примаковым, его доброжелательные отзывы обо мне, а также просьбы Максимыча о том, чтобы меня включали в число лиц, которые сопровождали его в ходе поездок в Багдад (в качестве представителя МИД). А далее сработал древний, еще со времен античности, принцип — «друг моего врага — мой враг!»...

Перемену погоды я почувствовал еще в сентябре, явственно ощутил ее в октябре 1990 года. А затем, в последующие месяцы, жил в постоянном ожидании, когда меня «разлампают», то есть снимут с должности начальника УБВСА, лишат ранга Чрезвычайного и Полномочного Посла и предложат поехать искупать вину где-нибудь в «пустынных степях аравийской земли». Для начала мне перестали расписывать для ознакомления наиболее важные шифртелеграммы по тематике кувейтского кризиса, потом Шеварднадзе стал устраивать показательные порки в виде критики документов, представлявшихся от имени Управления и подписанных мною. А уж в начале или середине декабря 90-го года, комментируя мой доклад на Коллегии МИД СССР по ситуации вокруг Ирака, министр уже не скрывал недоброжелательного отношения ко мне и вслух бурчал, что, мол, «работаем, работаем, а предложить ничего не можем...»

Меня спасло тогда спонтанное, неожиданное решение Э.А. Шеварднадзе уйти в отставку с поста министра иностранных дел, объявленное им 20 декабря 1990 года. Зато, встретив меня уже после прихода на пост министра иностранных дел СССР А. А. Бессмертных, Максимыч радостно меня обнял и спросил: *«Вася, говорят, что тебя собирались строго покарать за дружбу со мною? Это правда?»*. Ответил скромно: *«Да, такое было. Хотя страдал я скорее за свои собственные убеждения...»*.

Но Максимыч, как мне кажется, оценил этот иракский эпизод. Во всяком случае, в наших дальнейших отношениях отзвук времен его личного конфликта с Э.А. Шеварднадзе присутствовал достаточно ясно. Он помнил, что я не был равнодушным исполнителем воли начальства, что в определенных ситуациях шел наперекор представлениям своего руководства о служебной лояльности и что старался быть полезным в составе его «выездной команды».

**«Мы не допустим развала
Российской Федерации...»**

В 90-х годах мне довелось соприкоснуться с Евгением Максимовичем в двух его ипостасях — начальника Службы внешней разведки, а затем и Министра иностранных дел Российской Федерации. Общались в Москве — в Ясенево, в высотке на Смоленской площади, но главным образом в Марокко, где я работал в качестве посла РФ в 1993–2000 годах. При мне Е. М. Примаков посещал эту страну трижды — два раза как начальник Службы внешней разведки, негласно, и один раз находился с официальным визитом в качестве Министра иностранных дел Российской Федерации. Наиболее памятным для меня был второй приезд Е. М. Примакова как «главного разведчика» в январе-феврале 1995 года и его продолжительная встреча с королем Хасаном II. Е. М. Примаков прибыл в страну негласно, его миссия была достаточно деликатной, разговор с марокканским монархом — для нас весьма важным. Я присутствовал на этой встрече и, более того, несмотря на свой статус посла — выполнял в ходе беседы функции переводчика.

Поясню, в чем заключается интрига того эпизода. Марокко, несмотря на свою кажущуюся отстраненность от региональных конфликтов и распрей, на самом деле традиционно старается играть роль модератора, а временами — и прямого посредника в вопросах, представляющих для этой страны особый интерес. Марокканский король, например, сыграл важную роль в наведении мостов между арабскими странами и Израилем, хотя Марокко при этом входит в круг стран, оказывающих наиболее активную поддержку палестинскому делу. В декабре 1994 года в Касабланке, экономической столице Марокко, состоялось совещание глав государств Организации Исламская Конференция — ОИК (ныне Организация исламского сотрудничества), по завершении которого

функции председателя на следующий год взял на себя король Марокко Хасан II. Одной из наиболее острых тем, обсуждавшихся в Касабланке, была ситуация в Чечне. В Организации было сильно крыло радикально настроенных мусульманских государств, поддерживавших чеченских сепаратистов и требовавших усиления давления на руководство Российской Федерации. От нового председателя ОИК радикалы требовали принятия организационных мер, чтобы материализовать это давление на РФ.

Понимая всю деликатность ситуации, король Хасан II в закрытом порядке обратился к нам с предложением провести консультации на высоком уровне с тем, чтобы уточнить позицию российского руководства по проблеме Чечни и выработать такой формат взаимодействия, который устроил бы российскую сторону и нейтрализовал бы радикалов в мусульманском мире.

В Москве предложение Хасана II было воспринято благосклонно, и в Рабат в январе-феврале 1995 года был направлен Е. М. Примаков (тогда еще глава СВР). Марокканцы с самого начала предупредили, что они хотели бы избежать огласки факта проведения обсуждения темы Чечни с российской стороной, чтобы избежать обвинений «в сговоре с русскими» со стороны радикального крыла ОИК. Поэтому встреча Е. М. Примакова и короля состоялась не в Рабате, а на приличном удалении от столицы — на зимнем курорте, в городке Ифран. Было у марокканцев и другое предложение — максимально сузить круг участников встречи и свести их до трех человек с каждой стороны. То есть, от марокканцев — сам король, один из его политических советников и глава марокканской внешней разведки генерал Кадири. От нас, кроме Е. М. Примакова, должны были, по логике, участвовать переводчик и кто-то еще. Но кто? Евгений Максимович дал понять, что для него важно участие Р. В. Маркаряна, который взял бы на себя функции записывающего. Но тогда я оказывался лишним.

А мне как послу принять участие в консультациях было необходимо и в интересах дела, и по соображениям собственного престижа. Поэтому я предложил Е. М. Примакову взять роль переводчика на себя. Примаков моему предложению был рад. Устроило оно и марокканцев, которые усмотрели в этом варианте подтверждение желания российской стороны провести консультации в доверительном формате.

Беседу с марокканским королем Е. М. Примаков провел блестяще. Он начал разговор с анализа причин развала Советского Союза, одной из которых была недооценка советским партийным и государственным руководством национального вопроса. Далее Максимыч перешел к изложению состояния дел в России как федеративном государстве и подробно рассказал об усилиях федерального центра в максимальной мере учесть интересы субъектов федерации, в том числе и национальных образований. Врезалась в память сказанная им фраза — *«Развала Российской Федерации, как это произошло с Советским Союзом, мы не допустим...»*.

На марокканского короля сказанное Е. М. Примаковым произвело большое впечатление. Как мне кажется, ему импонировало то, что российский эмиссар, описывая ситуацию в Чечне и вокруг нее, делал упор на мерах политического и экономического характера, отодвигая на второй план военные аспекты наведения конституционного порядка в Чечне. Как председателя Организации Исламская конференция его такой подход полностью устраивал.

Поэтому итоговая часть беседы прошла в деловом, благожелательном ключе. Хасан II обещал в рамках возможного гасить антироссийские настроения в ОИК и в целом считать Марокко союзником России в этом деликатном вопросе.

Так что тогда, в 1995 году, мне удалось в реальном деле увидеть Евгения Максимовича в роли государственника, человека, сердцем болеющего за интересы страны и с блеском эти интересы защищавшего.

Виртуоз политического прогнозирования

Говорить о масштабе и величии личности Евгения Максимовича Примакова одновременно и легко, и сложно. Легко — потому что многогранность этой личности такова, что о нем бесконечно и по существу могут высказываться политики и экономисты, теоретики и практики, разведчики и дипломаты. Сложно же говорить о Евгении Максимовиче потому, что многое из его теоретического и практического наследия еще действительно подлежит самому глубокому и пристальному анализу.

Могу утверждать, что мы еще совершенно точно не видим до конца все те зарубки, все те метки, которые старался оставить нам Евгений Максимович до самых последних дней своей жизни. Именно поэтому хотелось бы еще раз осмыслить прогнозы и наказания Примакова, в первую очередь в близкой мне сфере — внешней политике, — поскольку его мастерство предвидения и предсказания развития событий признано буквально всеми, включая и его оппонентов.

В основе этого качества — свойственное Примакову умение видеть любую ситуацию в историческом контексте. Разумеется, прежде всего, благодаря глубоким знаниям этого контекста, чувству истории, пониманию ее основных приводов и шестеренок.

Нам сейчас так не хватает его мудрых и точных оценок, поскольку на повестке дня его, примаковские, темы — Ближний Восток, сближение России с Китаем, кризис в отношениях России и Запада.

Сейчас нередко приходится слышать и читать в диалогах, социальных сетях риторический вопрос о происходящем в самой горячей точке планеты — в Сирии: а что бы сказал по этому поводу, какую оценку дал бы Примаков? На самом деле многое было сказано им ранее, задолго до нынешнего сирийского кризиса. Напомню его точную оценку, данную в 2012 году: «События в Сирии, как и в Ливии, с самого начала не укладывались в представление об "арабской весне" как о народных демонстрациях против авторитарных режимов в арабском мире. В этих двух странах с самого начала произошли вооруженные действия против власти».

Одним из важных уроков «арабской весны» Примаков назвал в 2012 году и то, что протестными демонстрациями могут воспользоваться «силы, которые отнюдь не лидировали первоначально в демократическом протестном движении и даже не очень участвовали в нем, но потом в своих целях перехватили инициативу». Мы видим, насколько точно этот прогноз реализовался не только в Сирии, но и, между прочим, на Украине. Именно тогда, в январе 2012 года, Евгений Максимович высказал свое компетентное мнение о недопустимости повтора ливийского сценария в Сирии: «События в Ливии, уверен, будут строго учитываться теми, кто вырабатывает внешнюю политику России. Наша страна уже заняла позицию против повторения ливийской операции НАТО в Сирии. Не думаю, что Россия и Китай, которые не наложили вето на резолюцию по Ливии, позволят себя обмануть во второй раз тем, кто уверял в необходимости этой резолюции якобы для защиты мирных жителей от авиации Каддафи». Надо ли говорить, что эта позиция действительно была учтена российским руководством, причем в такой степени,

что в *Washington Post* именно Примакова назвали «крестным отцом» российской военной операции в Сирии. По мнению автора статьи, Путин начал воплощать мечту Примакова о восстановлении влияния России в арабском мире.

«Вспоминаю, — говорил в одном из своих выступлений Евгений Максимович, — как во время одной из наших бесед с Хафезом Асадом он сказал мне, что будет стремиться к тому, чтобы не остаться один на один с Израилем». Отсутствие урегулирования опасного ближневосточного конфликта, который имеет постоянную тенденцию к перерастанию в кризисную стадию, подтолкнуло Дамаск к созданию «на всякий случай» иранского тыла.

Вот этот штрих подчеркивает уникальность фигуры Примакова, который, во-первых, умел рассматривать все процессы в этом сложном регионе в комплексе и, во-вторых, так или иначе лично участвовал в ближневосточных делах на протяжении полувека. Еще в 1971 году по указанию советского руководства он конфиденциально встречался с премьер-министром Израиля Голдой Меир, министром обороны Моше Даяном. Одной из тем тогда было, в частности, как это ни удивительно сейчас прозвучит, потенциальное членство Израиля в НАТО. По словам Примакова, собеседники тогда полностью отрицали свое намерение вступить в НАТО. «Но мы знали, — пишет Примаков, — что представители израильского руководства зондировали такую возможность на встречах в Вашингтоне. Тогда США отказались от участия Израиля в НАТО, мотивируя свою позицию израильской вовлеченностью в конфликт с арабами. Но как пойдет дело сейчас, учитывая появление "иранской карты" и желание многих использовать ее в своей игре?» Знаем ли мы точный ответ на этот вопрос сегодня, спустя шесть лет после того, как он был задан патриархом отечественной внешнеполитической аналитики?

И вот еще одни слова Евгения Максимовича — надеюсь, никто не осудит меня за их цитирование: «Иран, имея тесные

связи с иракской шиитской общиной, приобрел возможность (может быть, даже решающую) воздействия на развитие обстановки в Ираке. Имея такие козыри в руках, Иран хочет напрямую говорить с Соединенными Штатами. Такой разговор в той или иной форме необходим. Может быть, стоит создать для этого переговорный формат из США, России, Китая, Индии, Евросоюза и Ирана? Эта идея — не такая уж плохая альтернатива попыткам заставить Иран идти на переговоры с США под давлением». Это сказано в 2006 году. Возможно, если бы с Ираном говорили в этом формате не только о его ядерной программе, да еще и под давлением санкций, которые Примаков заранее называл бесперспективными, то мы бы не имели сегодня такого явления, как «Исламское государство».

Еще несколько лет назад, задолго до появления ИГИЛ, Примаков призывал задуматься над тем фактом, почему «Аль-Каида» совершает гораздо больше террористических акций не на Западе, а в Турции, Египте, других мусульманских странах со светскими режимами. Его ответ: «Радикалам нужно свержение этих режимов, а страны эти превратить в части халифата». Выход в этой ситуации Евгению Максимовичу виделся один: необходимо сплочение государств, в первую очередь постоянных членов Совета Безопасности ООН в борьбе с группировкой «Исламского государства». Никакие разногласия, в том числе по украинскому вопросу, не должны помешать борьбе с международным терроризмом. Это всегда было его принципиальной позицией.

В каждом случае необходимы слаженные усилия ведущих мировых игроков. Он всячески приветствовал и ускорил укрепление России, вставание с колен, повышение роли нашей страны в мировых делах. Но он был категорическим противником курса на самоизоляцию и на конфронтацию. Знаменитый разворот над Атлантикой не был символом отказа от диалога. Евгений Максимович всегда понимал этот

демарш применительно к той конкретной ситуации, по которой иначе поступить было нельзя, иного выбора нам тогда не оставили.

Важным предвидением Примакова была его идея сближения России с Китаем и Индией. Многим вначале этот проект казался утопией, однако в итоге реальность опровергла скептиков. Осуществлен проект БРИКС, действовал и формат России-Индия-Китай, российское сближение с Китаем стало столь успешным, что вызывает озабоченность самых трезвомыслящих политиков и экспертов на Западе. Но его концепция предусматривала не столько разворот, сколько поворот на Восток, усиление одного из естественных российских векторов внешней политики. Это направление, по его убеждению, было незаслуженно забыто в период прозападной романтики 90-х, и сегодня, как говорил Евгений Максимович, «нужно лишь восстановить баланс, необходимый для мировой державы в условиях многополярности».

Евгений Максимович скептически относился к разного рода радикальным прогнозам о скором крахе доллара или Евросоюза. По его убеждению, России еще долго иметь дело и с тем, и с другим, а потому нужно устраивать свою политику твердо, но конструктивно, всегда держа дверь открытой для диалога, не отступая при этом от собственных интересов.

Выступая в 2008 году на заседании «Меркурий-клуба», Евгений Максимович сказал о том, что возрождение холодной войны было бы катастрофически неприемлемо для всего мирового сообщества, особенно в условиях, когда без США, России, Китая, Европейского союза невозможно противодействовать расползанию ядерного оружия, вести борьбу с международным терроризмом. Академик Примаков ввел новый термин — «стратегические ценности», — который может послужить ключевым понятийным инструментом, способным привести к общему знаменателю позиции России и Запада. Это понятие формулируется академиком прежде

всего применительно к российско-американским отношениям. Среди ценностей российско-американского сотрудничества он упоминал именно противодействие расползанию ядерного оружия, ограничение сокращения ракетно-ядерных вооружений, урегулирование региональных конфликтов.

Поистине этапным стало выступление Евгения Максимовича на заседании «Меркурий-клуба» в январе 2015 года, где одной из тем стала Украина. Наверное, далеко не всеми тогда с пониманием была воспринята его твердая позиция. Цитирую: «Можно ли по-прежнему говорить о российской заинтересованности в том, чтобы юго-восток оставался частью Украины?» Отвечаю: "Считаю, что нужно. Только на такой основе можно достичь урегулирования украинского кризиса". Другой вопрос: "Следует ли включать в число уступок США и их союзникам в Европе отказ от воссоединения Крыма и Севастополя с Россией?" Отвечаю: "Нет, это не должно быть разменной монетой в переговорах". Напомню, что буквально через месяц после этого выступления концепция, озвученная Евгением Максимовичем, легла в основу переговоров «Минск-2», а затем и в Париже: сохранение территориальной целостности Украины, но с вынесением вопроса о Крыме за скобки.

В сентябре 2014 года Евгений Максимович прогнозировал: «Действуя на политическом поле, Москва добилась прямых переговоров Киева с представителями Донбасса и Луганска. При любом исходе это прорывной момент, который скажется рано или поздно на урегулировании кризиса на Украине». И, как показал весь дальнейший ход событий, это действительно оказалось единственно возможным сценарием. Но совершенно точно будут неправы те, кто увидит в этой взвешенной позиции Примакова некие уступки Западу или Украине. Кто так думает, тот просто плохо знает Евгения Максимовича. Еще десять лет назад он писал: «События на Украине показали, что ни в коем случае нельзя

абсолютизировать и тем более делать ставку на Трансатлантические разногласия, проявившиеся после американской операции в Ираке. Рьяная поддержка Европейским союзом оппозиционных украинских сил, которые ныне стали правящими, во многом была предопределена стремлением использовать Украину как поле сближения с администрацией Буша. Неужели для этого опять нужен образ общего врага — России?» Увы, это еще один пример сбывшегося пророчества Мастера — общий враг нужен каждый раз, когда возникают слабину в трансатлантических узах. Тогда же Примаков предостерегал: «События в конце 2003 года в Молдове и Грузии, в конце 2004 года на Украине, имеющие не только внутреннее измерение, затрагивают позиции России на постсоветском пространстве. Эти события, а также развитие ситуации в Абхазии должны нас насторожить вдвойне, так как они ярко высветили в том числе и недостатки российской политики в странах СНГ и слабости нашего аналитического аппарата. Многовариантный политический прогноз с определением оптимальных действий по каждому возможному варианту развития ситуации у нас, к сожалению, подменяется модной игрой в пиар. В этой связи есть над чем серьезно задуматься».

Примаков на самых разных этапах своей карьеры демонстрировал качества блестящего прогнозиста, аналитика. Это, конечно же, не означает, что он при этом как бы был эмоционально отстранен от предмета своих исследований, напротив — он пропускал все через свою совесть, через свои убеждения. Яркий пример этому то, как он трудно принимал признание Абхазии и Южной Осетии. Он очень не хотел, чтобы Россия в итоге этого непростого шага потеряла Грузию, которая играла в его жизни, как известно, очень большую роль.

Мне представляется программной и актуальной сегодня как никогда цитата из выступления Евгения Максимова в 2007 году: «Западным политикам следует

осмыслить роль и место России в современном мире, не вымышленной России, внутренняя ситуация в которой вырастает в угрозу ее соседям, не придуманной России, которая использует в имперских целях потоки энергетического сырья в другие страны, а той реальной России, которая не намерена идти в фарватере чьей бы то ни было политики, но одновременно направляет свои усилия на борьбу с международным терроризмом, против расползания оружия массового поражения, не приемлет раздел мира по цивилизационно-религиозному признаку, стремится задействовать свои уникальные возможности для ликвидации опаснейшего конфликта на Ближнем Востоке. Той России, которая проводит политику, остужая горячие головы, готовые, не научившись ничему в Ираке, повторить губительные силовые приемы против неугодных режимов».

Нам еще предстоит возвращаться вновь и вновь к прогнозам, предсказаниям, предвидениям Евгения Максимовича Примакова, осознавая, что они говорились и писались не под какую-то конкретную ситуацию, а во имя хода истории и во имя величия России.

Мне выпала честь дважды работать с Евгением Максимовичем: когда он был председателем правительства и работал в Государственной Думе третьего созыва, где возглавлял избирательный блок и в последующем — фракцию «Отечество — Вся Россия». Я могу с абсолютной убежденностью сказать, что Евгений Максимович является очень редким примером человека, который блестящим образом сочетает в себе черты политика, профессионала и человека. Эти качества в нем неотъемлемы одно от другого и, безусловно, друг друга дополняют. Евгений Максимович абсолютно профессионален во всех сферах его деятельности — науке, экономике, политике.

Он всегда занимал гражданские позиции, позиции, которые основывались на очень точном и верном понимании

патриотизма. Безусловно, все это накладывалось на удивительные человеческие качества Евгения Максимовича, который был открыт к диалогу, с большим вниманием относился к точкам зрения, которые высказывали его собеседники, даже если эти точки зрения отличались от его собственной.

Он человек, который был в состоянии охватить всю картину происходящего в стране, мире и из часто хаотичной картины происходящего выделить главное, провести абсолютно точный анализ и предложить единственно возможную линию действий в том или ином сложном вопросе.

Наверное, самый яркий эпизод в том, что касалось моей работы с Евгением Максимовичем, связан с известным разворотом самолета над Атлантикой. Я находился на борту этого самолета, видел, как это решение вырабатывалось, как его принимал для себя сам Евгений Максимович и как он его согласовывал с Президентом Российской Федерации (Б. Н. Ельциным) и со своими коллегами, которые сопровождали его в этом полете. Это решение было, безусловно, очень трудным, но на тот момент, еще раз повторю, единственно верным, единственно возможным. Таким образом, Евгений Максимович, а вместе с ним, разумеется, и Российская Федерация, предельно четко и без каких-то двусмысленностей обозначили свое отношение к нелегитимной военной операции, которую начали США в отношении тогда еще существовавшей союзной Югославии.

И могу искренне признаться, что я не верил до конца в то, что Евгений Максимович решится на столь радикальный поступок, но то время, которое прошло с этого момента, лишь подтверждает, что это решение было единственно верным и единственно возможным и его мог принять только политик такого масштаба, как Евгений Максимович Примаков.

Как Примаков стал Примаковым

Под этим заглавием в конце 90-х годов в Москве появилось ротопринтное издание. Автор, известный в те времена в журналистских кругах своим искрометным остроумием, был студенческим товарищем Евгения Максимовича, который сам обладал тонким чувством юмора. Однако когда сигнальный экземпляр с посвящением попал ему в руки, он постранично испещрил его своими замечаниями из-за несоответствия фактам биографии. Я, пожалуй, никогда до этого не видел своего друга таким разгневанным. Он попросил меня найти способ уничтожить весь тираж. Этот частный эпизод характерен был для Примакова, который, несмотря на узы товарищества, не терпел вранья, даже ради «красного словца».

На самом деле «Примаков становился Примаковым», которого не просто ценила, но почти боготворила страна, а уважали даже внутренние и зарубежные оппоненты, еще, что называется, с «младых ногтей» — школа, институт, профессиональная журналистика, а затем уже как видный ученый, государственный деятель и искусный дипломат.

Дипломатический дар Примакова зиждился на сочетании целого ряда составляющих: врожденной харизмы, глубоких, фундаментальных знаний ученого-аналитика, прагматизма, способности находить «общий знаменатель»

в позициях сторон и пути к согласованию, но и не в последнюю очередь на умении — как бы это ни было трудно — держать свое слово, данное партнеру по переговорам. Последнее качество — к сожалению, дефицитное в современном международном общении, — особенно ценили его зарубежные коллеги, неоднократно упоминали это в своих воспоминаниях.

Под природное обаяние Примакова как министра иностранных дел, а затем премьер-министра попадали и многие западные лидеры, с которыми он общался по долгу службы. С неподдельным радушием он встречал Мадлен Олбрайт, Клауса Кинкеля, Тарью Халонен и многих других, с коими приходилось потом вести и жесткие беседы, ничуть не мешавшие дружескому, человеческому общению, в том числе во время традиционных застолий, которые он также вел мастерски.

Не только по деловым, но и человеческим качествам он формировал свои команды — какую бы структуру или организацию он не возглавлял. Внимательно, по-доброму относился к своим преемникам. Последние, как известно, платили ему той же монетой.

В ближнем кругу Евгений Максимович признавался, что какой бы пост ни занимал, он неизменно считал его самым важным в жизни делом, заряжая соратников своим энтузиазмом. Так произошло и с его последним любимым «детищем» — дискуссионным «Меркурий-клубом». Благодаря колоссальному авторитету Примакова Клуб стал уникальным явлением в общественно-политической жизни России и за ее пределами. На этой набравшей большое влияние публичной площадке к поиску оптимальных путей решения сложнейших проблем подключались отечественные и мировые известные политики, ученые, публицисты, включая такие яркие величины, как Генри Киссинджер. Постоянным гостем «Меркурий-клуба» был и Сергей Викторович Лавров.

На дух не переносил Евгений Максимович мздоимство, казнокрадство, компрадорские замашки некоторых влиятельных персон, которые на гребне мутной волны первой постсоветской поры выплыли в коридоры власти. Обладая обширной достоверной конфиденциальной информацией, он «с открытым забралом» противодействовал им по мере своих возможностей. И эти персоны, не гнушаясь ничем, ополчились против него, видя в Примакове реальную угрозу своему награбленному благосостоянию. Иных уж нет, а те далече. А кое-кто до сих пор вспоминает Евгения Максимо- вича со злобой, перемешанной с дрожью в коленях...

Мне посчастливилось быть в числе тех, кто десятилетия- ми находился рядом, разделяя и его звездные взлеты, и неза- служенные несправедливости.

В центре Новодевичьего кладбища возведено величе- ственное своей скромностью надгробие с гравировкой: «Академик Примаков Евгений Максимович», где всегда жи- вые цветы и не зарастает народная тропа.

Учитель и друг

Прошло несколько лет, как от нас ушел Евгений Максимович Примаков. С течением времени все полнее открывается многогранность его поистине уникальной личности — выдающегося государственного, политического, общественного деятеля, дипломата, ученого-международника.

Перечень его заслуг и достижений выходит далеко за рамки обычной жизни. Об этом уже много говорилось. Убежден, что феномен Евгения Максимовича еще предстоит по достоинству осмыслить и оценить. Подспорьем в этой работе призвано стать подготовленное Торгово-промышленной палатой Российской Федерации издание первого собрания сочинений Е. М. Примакова в десяти томах.

Человек, который в переломные для нашей страны годы возглавлял правительство России, а до этого Службу внешней разведки и министерство иностранных дел, руководил крупными отечественными научно-исследовательскими центрами в области международных отношений, на протяжении десяти лет являлся президентом ТПП России, не мог не обладать уникальными профессиональными и человеческими качествами.

Весь его жизненный путь — свидетельство последовательного отстаивания национальных интересов, подвижнической работы, проникнутой истинным патриотизмом

и беззаветным служением Отечеству. Е. М. Примаков пользовался глубоким, искренним уважением в России, значительным авторитетом за ее пределами. К нему прислушивались, в том числе и те, кто не разделял его взглядов и убеждений. Он излучал позитивную ауру, был неизменно нацелен на созидание, на достижение практических результатов.

Немало добрых слов сказано о его заслугах на посту председателя правительства в 1998–1999 годах в сохранении гражданского мира и согласия, преодолении поразившего страну глубочайшего системного кризиса. Эти достижения, как и в целом все, что делал Евгений Максимович, получили положительную оценку представителей всей палитры политических сил России.

Для нас, дипломатов, разумеется, особенно важен тот период, когда Е. М. Примаков был министром иностранных дел. Его приход на Смоленскую площадь стал поворотным моментом во внешней политике государства, ознаменовал создание предпосылок для восстановления позиций России на международной арене. Евгений Максимович лучше многих понимал, что уникальное географическое положение нашей страны, ее многовековая история наряду с масштабным потенциалом и статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН определяют самостоятельность и многовекторность внешнеполитического курса.

Трудно переоценить вклад Е. М. Примакова в выработку и продвижение концепции многополярности. Он убедительно доказал иллюзорность попыток сколотить однополярную модель мироустройства, неспособность узкой группы «избранных» эффективно решать многочисленные проблемы современности. Тогда у этой теории было немало критиков. Сегодня формирование полицентричной архитектуры, отражающей культурно-цивилизационное многообразие современного мира, естественное желание народов самим определять свое будущее, стало объективной

реальностью, что признается большинством серьезных политиков и экспертов. Осознание Е. М. Примаковым необходимости начала трехстороннего взаимодействия в формате Россия-Индия-Китай, остающегося востребованным вектором приложения усилий его участников, заложило основу для последующего создания объединения БРИКС, которое прочно утвердилось в качестве одного из важных элементов, а по сути — ключевой опоры процесса становления многополярного мира.

Принципиальная линия Е. М. Примакова с уважением воспринималась многими политиками за рубежом. Еще в январе 1996 года мне об этом говорил Генри Киссинджер, с которым мы были в Нью-Йорке на обеде у посла Израиля. Когда кто-то из присутствовавших за столом спросил, как патриарх американской дипломатии расценивает новое назначение, учитывая, что предшественник Е. М. Примакова был очень удобен для Запада, а новый министр придерживается совсем других взглядов, Киссинджер ответил, что ему всегда было удобнее иметь дело с людьми, которые четко понимают свои национальные интересы. В своей лекции в Фонде поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова 4 февраля 2016 года Киссинджер особо отметил большую любовь Евгения Максимовича к Отечеству, отдал должное его блестящим аналитическим способностям, глубокому пониманию тенденций мирового развития.

При этом Евгений Максимович никогда не являлся сторонником конфронтации. Его знаменитый разворот над Атлантикой был не попыткой взвинтить напряженность в мире, а твердым напоминанием о необходимости выстраивать диалог с Россией на равных, в целом соблюдать в мировых делах основополагающие международно-правовые нормы. Прекрасно понимая, что дипломатия не может быть успешной без хороших личных контактов, он, благодаря своим интеллекту и эрудиции, способности к открытому

и взаимоуважительному общению, сумел наладить добрые отношения с подавляющим большинством иностранных коллег.

Отдельного упоминания заслуживает стиль работы Евгения Максимовича, который, уверен, будет являться эталоном для многих поколений отечественных дипломатов. Несмотря на крайне насыщенный рабочий график, он всегда был в курсе всех нюансов развития мировой ситуации, глубоко вникал в самые сложные и запутанные проблемы, которыми ему приходилось заниматься. Аналогичного подхода он требовал и от подчиненных — не терпел шаблонов, поверхностных, скороспелых оценок и суждений.

Для сотрудников МИД Евгений Максимович был не только справедливым начальником, но и старшим товарищем, мудрым наставником. Он исключительно бережно относился к людям, работавшим рядом с ним, уделял большое внимание созданию в министерстве доброжелательной атмосферы. Понимание им необходимости сочетания интересов дела с учетом обстоятельств личного характера стимулировало каждого дипломата, помогая работать творчески, с максимальной отдачей.

В условиях ограниченности бюджетных средств ему удалось многое сделать для укрепления престижа дипломатической службы, в том числе путем улучшения условий труда, повышения денежного содержания сотрудников МИД, решения насущных бытовых вопросов. Благодаря его усилиям прекратился отток профессионалов, а работа на Смоленской площади вновь стала привлекательной для талантливой молодежи, включая выпускников МГИМО. Он сплотил наш коллектив, сориентировал его на эффективное решение стоящих перед Россией масштабных задач.

Вспоминаю в связи с этим май 1998 года, когда целая группа сотрудников МИД во главе с Е. М. Примаковым была удостоена высоких государственных наград за большой

вклад в проведение внешнеполитического курса. Среди них был и я, работавший тогда постоянным представителем при ООН. После вручения была сделана фотография, в центре которой — Евгений Максимович со своей неизменно мудрой и открытой улыбкой. Она до сих пор является одной из моих самых любимых и сейчас стоит на столе в рабочем кабинете на Смоленской площади.

Разумеется, мы поддерживали самые тесные контакты с Евгением Максимовичем и в период, когда он возглавлял ТПП России. В 2003 году МИД и ТПП заключили соглашение о сотрудничестве. С опорой на положения данного документа российские загранучреждения и представительства палаты за рубежом продолжают тесно и успешно взаимодействовать по широкому спектру вопросов в интересах поддержки отечественного бизнеса, расширения географии внешнеэкономической деятельности.

После ухода с официальных постов Е. М. Примаков не терял связи с министерством, деятельно участвовал в работе научного совета при министре иностранных дел, вносил самый активный вклад в интеллектуальное осмысление тектонических сдвигов в мировом геополитическом ландшафте, способствуя формулированию глубоких, продуманных предложений, направленных на совершенствование и эффективное осуществление внешнеполитического курса страны.

При этом сфера научных приоритетов Евгения Максимовича не ограничивалась международными отношениями. Он всемерно способствовал поиску оптимальных решений стоящих перед страной проблем в различных областях, прежде всего в экономике, на благо граждан. Отдельного упоминания заслуживает участие Евгения Максимовича в заседаниях дискуссионного «Меркурий-клуба», ставшего авторитетной площадкой для плодотворного диалога политиков, представителей экспертного сообщества, деловых

кругов. Выступления Е. М. Примакова неизменно вызывали неподдельный интерес.

Как отметил президент В. В. Путин, Евгений Максимович мыслил глобально, открыто и смело. Убежден, что его богатейшее наследие, его многогранные, глубокие работы будут и впредь являться важным интеллектуальным подспорьем в деле построения процветающей, уверенной в своих силах России, упрочения ее авторитета и влияния в мире.

Мы с Евгением Максимовичем неоднократно общались в неформальной обстановке, бывали в одной компании, сидели за общим столом. В такие минуты особенно ярко проявлялась его замечательная способность совмещать дела мирового значения с вниманием к окружающим, к своей семье, своим товарищам. Он был верен дружбе, всегда был готов подсказать, прийти на выручку, просто по-человечески помочь.

Память о Евгении Максимовиче Примакове будем хранить всегда. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «Об увековечении памяти Е. М. Примакова» в министерстве иностранных дел учреждена медаль Примакова, которой будут награждаться лица, внесшие вклад в реализацию государственной политики нашей страны, в разработку и успешную реализацию ее внешнеполитического курса.

Валентина МАТВИЕНКО

Стиль Примакова

С Евгением Максимовичем я познакомилась в период совместной работы в Верховном Совете СССР. Естественно, я и прежде много слышала об этом известном в стране человеке, но, конечно же, личное знакомство существенно обогатило мое заочное представление о нем. Уже в скором времени я в полной мере осознала, что Примаков не только крупный государственный деятель, авторитетный ученый, но еще и мощное политическое, интеллектуальное явление в жизни нашей страны.

С тех пор наши пути неоднократно пересекались. За все это время, признаюсь, я прониклась к нему глубочайшим уважением. Евгений Максимович был и остается для меня непререкаемым авторитетом во всем, олицетворением государственника с большой буквы. Интересы страны и народа для него всегда были на первом плане, и это не пафосные слова, не только идеи или установки, но и конкретные дела. Он придавал огромное значение этому единству, а главное, умел его всегда в своей работе добиваться.

В январе 1996 года Евгений Максимович Примаков был назначен на пост министра иностранных дел. Его назначение было неоднозначно воспринято на Западе. Некоторые утверждали, что приход Примакова, руководившего до этого Службой внешней разведки, «вызывает озноб». «Знобило»

их не без основания. Евгений Максимович кардинально изменил обстановку в министерстве иностранных дел и ситуацию с российской внешней политикой. Ему пришлось выполнить труднейшую работу по реанимации ее многовековых основ, развить их применительно к принципиально новым условиям, возникшим после распада Советского Союза. Ему пришлось решать важнейшие вопросы внешней политики того времени. Так, уже в мае 1997 года в Париже был подписан основополагающий акт между Россией и НАТО. Документ на годы определил структуру и характер наших отношений с Североатлантическим союзом.

Из других сложнейших проблем упомяну Ирак. Евгению Максимовичу удалось тогда на несколько лет смягчить обстановку вокруг него, удержать Запад от резких военных шагов. Примаков выступил с инициативой укрепления сотрудничества в формате тройки Россия-Индия-Китай. И не будет преувеличением сказать, что тем самым было положено начало становлению мощного интеграционного объединения БРИКС, которое с каждым годом набирает все больший авторитет и влияние в мире.

Под его руководством были разработаны основы новой концепции внешней политики России, направленной прежде всего на безусловную защиту национальных интересов. Именно с его именем связано появление концепции многополярного мира. Эта идея стала не просто красивой геополитической теорией.

Примаков последовательно применял ее в повседневной практической работе, особенно когда речь шла о придании внешней политике России многовекторности, об активизации поиска союзников на Востоке и в других регионах мира.

И сегодня есть все основания утверждать, что сама жизнь, все последующее развитие международных событий подтвердили его мудрость. Многополярность стала — как бы

кто этому ни сопротивлялся — реальностью, доминирующей тенденцией современного мира.

Особо хочу подчеркнуть роль Примакова в продвижении евразийской интеграции. Он был одним из первых, кто заговорил о равноуровневой интеграции, о необходимости и неизбежности выделения в этом процессе интеграционного ядра, о том, что без активной роли России в этом процессе евразийская интеграция не состоится.

Его знаменитый разворот над Атлантикой в марте 1999 года и отказ от официального визита в США (он тогда уже был председателем правительства) показал всему миру: российская внешняя политика изменилась бесповоротно. Возврат к любым формам ее зависимости от внешних сил невозможен в принципе.

Таковы приоритеты, привнесенные Евгением Максимовичем во внешнюю политику российского государства. Они и сегодня получают творческое развитие, практическое воплощение в деятельности главы российского государства Владимира Владимировича Путина, в работе министерства иностранных дел, других государственных структур, связанных с международными делами.

Внешнеполитические идеи, дипломатический опыт Примакова помогают и нам, парламентариям. Его принципиальность в главном в сочетании с гибкостью в конкретных вопросах, деталях особенно важны в нынешней непростой ситуации на мировой арене и в межпарламентской дипломатии.

Во внутренней политике Примаков всегда отличался умеренным консерватизмом. Он был настоящим прагматиком, реалистом, человеком, взвешенным в принятии решений и в то же время настойчивым в их осуществлении, а иногда и достаточно жестким. Когда было необходимо, он мог действовать молниеносно.

Ему были присущи глубокие всесторонние знания, богатейший опыт, сила характера. За внешним спокойствием,

лояльностью к мнению других, даже некоторой внешней флегматичностью таилась стальная воля, и он проявлял ее в необходимых случаях. Это и есть стиль Примакова, государственного деятеля.

Считаю, что его присутствие на нашем политическом Олимпе стало несомненным благом для страны.

В сентябре 1998 года Евгению Максимовичу пришлось — я не оговорила, именно пришлось — занять пост председателя правительства. Страна, как вы помните, находилась в глубоком экономическом и политическом кризисе. После тяжелого и унижительного дефолта, отставки правительства Кириенко Государственная дума дважды отклонила кандидатуру Виктора Степановича Черномырдина, предлагавшуюся Ельциным. В политической повестке дня реально стоял вопрос о роспуске нижней палаты парламента, что в тех условиях грозило просто непредсказуемыми последствиями.

Президент увидел выход в назначении Примакова. Евгений Максимович сначала отказался от предложенной ему высокой чести, но окружение Ельцина — а там были люди, мнение которых являлось для Примакова значимым, — сумело убедить или уговорить его (как угодно) принять это предложение. Показательным было голосование в Думе: за Примакова было подано 317 голосов — больше, чем требуется для принятия изменений в Конституцию.

Приняв пепелище вместо экономики, новое правительство активно включилось в работу по возрождению страны. Оно заявило о новом курсе реформ, направленном, прежде всего, на повышение роли государства в экономике, усиление социальной защиты населения.

Меня Евгений Максимович убедил занять пост вице-премьера по социальным вопросам. В тех условиях это, конечно, была, как говорили тогда, «расстрельная» должность. Я была бы неискренней, если бы сказала, что приступила

к работе, что называется, без страха и сомнений. Было и то, и другое, но мне помогало то, что я видела со стороны работу Евгения Максимовича, видела его доверие к себе, получала постоянную помощь и поддержку от него.

Я помню, Евгений Максимович пригласил меня и сказал, что с первого декабря мы должны начинать регулярно платить пенсии, которые не платились уже полгода, и вернуть задолженность нашим уважаемым пенсионерам. А долги были немалые, сравнимые с лавиной долей бюджета. Я до сих пор помню эти цифры: 32 миллиарда (это тех денег) долгов пенсионерам, 34 миллиарда — задолженность бюджетникам, почти 30 миллиардов — задолженность военнослужащим. Но казна, как вы знаете, была пустая, даже ежемесячные выплаты пенсионерам составляли лавиную долю очень маленького тогда бюджета.

Мы искали и находили решения, иногда нетривиальные, что называется, на грани фола. Задача была поставлена, но выполнить ее было невозможно, потому что надо было 15 миллиардов, а Пенсионный фонд в то время собирал всего лишь 11 миллиардов, и нужно было найти почти четыре миллиарда дополнительно. И мы нашли вариант — на три месяца отложить перечисление денег «Газпрома» трем регионам, то есть одолжить их на три месяца, чтобы справиться с ситуацией. После непростых раздумий, возражений он все-таки согласился, но сказал: «При условии, что ты будешь носить, если потребуется, мне сухари, потому что это решение не совсем законное». Проблема была решена. Чувство юмора у него всегда было отменным. Правда, я до сих пор не знаю, всегда ли это был юмор.

Тогда в центре внимания у нас находились вопросы, связанные с административным регулированием валютного рынка, с формированием бюджета развития, с последовательной борьбой против коррупции. Россия была в долгах, как в шелках.

Уже в первой половине 1999 года антикризисная деятельность правительства дала реальные позитивные результаты. Удалось подавить галопирующую инфляцию, начался рост экономики, промышленного производства, увеличился объем экспорта, и было достигнуто положительное сальдо торгового баланса. Здесь, конечно, сработали и мудрость Примакова, и талант, а также способности той команды, которую он собрал, в том числе его первого заместителя — Юрия Дмитриевича Маслюкова. За восемь месяцев правительству удалось отодвинуть страну от края пропасти. И это, поверьте, не фигура речи. Недаром деятельность Примакова на этом посту вошла в учебники по экономике как пример успешной антикризисной работы. Тем не менее, на мой взгляд, сделанное Евгением Максимовичем и возглавляемым им тогда правительством еще ждет своей полной, всесторонней оценки, внимательного изучения и анализа.

Вместе с тем, как это нередко бывает в политике, успешная работа вызывает не только одобрение, но и недоброжелательство, опасения, элементарную зависть. Мне нравится одна поговорка. Говорят, сострадание можно получить даром, а вот зависть надо заслужить. И он ее заслужил. Я не исключаю, что в том числе и это явилось немаловажным субъективным фактором, побудившим президента Ельцина отправить правительство Примакова в отставку. Тогда, судя по опросам, 81 процент российских граждан негативно отнеслись к такому решению, и это уже исторический факт. Покидая пост, Примаков мог бы в духе древних римлян с полным основанием сказать: «Мы сделали все, что могли. Пусть, кто может, сделает больше». Но природная сдержанность и интеллигентность Евгения Максимовича сказались и тут: Примаков ушел спокойно, с достоинством, не хлопая дверью председательского кабинета.

В последние годы, уже не занимая формальных постов в государстве, Евгений Максимович продолжал свое

служению Отечеству. Все мы знаем, насколько серьезно беспокоили его вопросы сохранения единства России. Он всегда был последовательным сторонником развития федеративных отношений, укрепления российской государственности. Хорошо помню его слова на Всероссийском совещании по вопросам развития федеративных отношений: «Федерация — не только оптимальная форма государственного устройства России, но и единственная возможность сохранения и укрепления единства страны». Хорошо бы эти мудрые слова услышали наши украинские братья.

При этом, будучи блестящим экономистом, Евгений Максимович понимал, что, только имея финансовую самостоятельность, наши регионы смогут в полной мере внести свой вклад в укрепление России. Мне очень близка эта мысль. Совет Федерации сегодня прилагает большие усилия, для того чтобы разработать новую модель межбюджетных отношений, финансового федерализма с тем, чтобы дать регионам больше полномочий, в том числе в бюджетной и налоговой сферах.

В январе 2015 года, уже перед своим уходом, Евгений Максимович предложил нам свое видение выхода из нынешнего экономического кризиса. Первым в списке необходимых изменений он назвал отказ правительства от позиции простого созерцания того, что происходит, от медлительности в принятии первоочередных решений.

Могу подтвердить, что в правительстве Примакова от формирования идеи до ее закрепления в нормативных актах и реального воплощения на деле проходили, как правило, считанные дни. Сегодня же зачастую мы сталкиваемся с тем, что остро востребованные решения долгое время согласовываются в различных бюрократических кабинетах.

Евгений Максимович никогда не боялся говорить и писать то, что действительно думал, он всегда был честен перед собой. Многогранный жизненный и профессиональный

опыт позволял ему давать очень точные оценки и делать верные прогнозы развития ситуации.

Целиком и полностью выступая за реформирование нашей страны, ее экономической и политической системы, он в то же время постоянно подчеркивал необходимость самого тщательного учета реалий — и исторических, и современных. Евгений Максимович считал, что механическое копирование зарубежного опыта, попыток волевого насаждения западных институтов ничего, кроме вреда, нашей стране не принесет. Путь России — это путь поиска самостоятельных решений, в основе которых — творческое осмысление как собственного, отечественного, так и зарубежного опыта, сохранение исторической и национальной идентичности России. Российское государство и его глава, Владимир Владимирович Путин, — а я знаю, как уважительно относился Евгений Максимович к Владимиру Владимировичу Путину, — последовательно проводят этот курс с начала 2000-х годов. Именно это, на мой взгляд, позволяет сохранять общественно-политическую стабильность, двигаться вперед, несмотря на неблагоприятные внешние условия, прямое давление на нашу страну извне.

Примаков не питал никаких иллюзий относительно политики США и Запада в целом в отношении России. Он метко охарактеризовал недальновидность политики США, которые привыкли решать свои противоречащие другим странам задачи, не думая о завтрашнем дне. Спрогнозировал он и последствия «арабской весны», дал точную оценку событиям на Ближнем Востоке, на Украине, показал реальную опасность так называемого Исламского государства.

Для меня всегда было очень важно знать мнение Евгения Максимовича по тем или иным направлениям развития страны и, естественно, работы Совета Федерации. Поэтому он не только был частым гостем нашей палаты, но и входил

в состав важнейших консультативных органов, и я имела привилегию очень часто встречаться с ним лично.

Можно с полным основанием сказать, что оценки и рекомендации, высказанные Евгением Максимовичем в ходе работы в наших научно-экспертных советах, стали заметным интеллектуальным вкладом в теорию и практику парламентаризма.

Сегодня биография Евгения Максимовича, его идеи, идеалы хорошо известны. Кажется, мы все уже о нем знаем. Но на самом деле мы еще только в самом начале пути нашего понимания того, как нам всем повезло жить и работать рядом с этим человеком.

В заключение я хотела бы привести слова Евгения Максимовича Примакова: «Люди говорят: уходит время. Время говорит: уходят люди. Давайте же успевать ценить и то и другое».

Долгая дорога вместе

На своей последней книге, которую Евгений Максимович подарил мне незадолго до ухода, он написал: «Дорогому моему другу, с которым мы прошли столь длинную дорогу...» Если задуматься, сколько же лет мы были рядом? Почти сорок, с тех пор как в 1978-м встретились в Доме на набережной в квартире у Владимира Ивановича Бураковского, директора Института сердечно-сосудистой хирургии. Впрочем, я прибавил бы сюда еще лет десять. В 1967 году, через месяц после окончания шестидневной войны между Израилем и Египтом, Сирией, Иорданией, я во главе делегации советской общественности оказался в Каире. Поездка и переговоры были крайне сложными. Как же мне хотелось увидеться с собором «Правды» в Египте Евгением Примаковым, чьи репортажи я всегда искал в свежем номере, поражаясь их глубине и анализу. По этим материалам, в частности по «Многоэтажному Дамаску», я выверял свое представление о Ближнем Востоке и теперь надеялся лично пообщаться с блестящим знатоком региона. Увы, в те дни Примакова не оказалось на месте, он был в разъездах. Однако я неизменно продолжал следить за его публикациями — так пристально и заинтересованно, словно Женя был мне уже не чужим человеком.

И вот после того как меня только-только назначили послом в Иордании, мой давнишний приятель Леон Оников,

работавший в ЦК КПСС, позвал меня в гости к Бураковскому, с которым прежде доводилось пересекаться. Теперь его дочь с мужем-дипломатом собирались в загранкомандировку в Амман. Я охотно согласился, тем более Леон обмолвился: дома у Владимира Ивановича будет и Примаков. Надо сказать, Бураковский, Оников и Примаков были не разлей вода со времен их общей тбилисской юности. А как говорил Евгений Максимович, друг — это превосходная степень близости. Мог ли я тогда представить, что на себе испытаю, каким преданным, великодушным и нежным товарищем способен быть Женя с людьми, которых впускал в свое сердце! Удивительное дело: мы не были знакомы, но когда Евгений Максимович по-юношески быстрыми шагами вошел в комнату, в каком-то порыве мы крепко обнялись и затем не отходили друг от друга до конца вечера. Безусловно, мне было невероятно важно и полезно услышать, что рассказывал о Ближнем Востоке эксперт такого ранга, как Примаков — тогда уже директор Института востоковедения Академии наук СССР, уловить подводные течения, хитросплетения, противоречия взрывоопасного региона, куда вскоре надолго улетал. Но не меньше, чем мудрость будущего политического тяжеловеса, меня покорили в собеседнике его чисто человеческие оценки, наблюдательность, чувство юмора, а главное — отсутствие какой бы то ни было отчужденности, которая нередко ощущается, когда люди лишь вступают на общую «длинную дорогу». В Жене поражала пленительная доверчивость — я никогда ни у кого больше не встречал этого редкого сочетания открытости души и трезвости ума, здравомыслия.

Кажется, в тот чудный московский вечер и зародилась наша дружба.

Примаков несколько раз прилетал в Амман. Дважды мы вместе были у короля Хусейна, подолгу оживленно беседовали с ним. Евгений Максимович разделял мое уважение

к этому умному, просвещенному, харизматичному монарху, с которым меня связывали неформальные отношения. Хусейн же, со своей стороны, подпал под обаяние личности Примакова. Его масштабность, фундаментальность знаний и понимание расклада сил на Ближнем Востоке произвели на короля Хусейна сильное впечатление. Он полностью согласился со многими доводами Примакова, поддержал позицию Советского Союза по урегулированию ближневосточного конфликта, довольно резко осудил попытки США расколоть единство арабского мира. Схожесть ли подходов, а может, умение Примакова в самой официальной обстановке вести себя непринужденно так расположили короля, что в один из приездов Евгения Максимовича в Амман Хусейн, узнав, что тот в городе, сел на мотоцикл Harley Davidson и, не предупредив черкесов из личной охраны, примчался с ним повидаться.

Да, вокруг Примакова всегда образовывалась особая атмосфера. Я бы назвал ее территорией тепла. Никогда не забуду наш первый совместный пикник в лесу вблизи Аммана. В выходной день после окончания череды переговоров с официальными лицами королевства я пригласил Женю отдохнуть в кругу моей семьи.

Моя супруга Рано Назаровна и дочь Фируза навсегда влюбились в Евгения Максимовича, очарованные его простотой, раскованностью, умением развеселить компанию всякими анекдотами и забавными байками. Кстати, с тех давних пор у нас сложилась традиция вместе отдыхать, отмечать семейные торжества, часто бывать друг у друга на даче. И хотя высочайшее мастерство Рано Назаровны в приготовлении узбекского плова — неоспоримая реальность, никто лучше Евгения Максимовича и его супруги Ирины Борисовны не умел найти более лестных и щедрых похвал.

В мае 1985 года мне предложили вернуться в Узбекистан. Примаков сердечно приветствовал мое возвращение после

пятнадцатилетней дипломатической службы на руководящую работу в республике. При встречах он живо интересовался происходящим в Узбекистане, и для меня было очень ценно, что наши мнения о положении дел в республике (например, негативное отношение к так называемому «хлопковому делу») всегда совпадали. Судьба в те годы неоднократно сводила нас. Так, в 1986 году, когда состоялся государственный визит М. С. Горбачёва в Индию, обоих включили в состав делегации. Примаков и я провели тогда плодотворные, но невероятно изнурительные переговоры с лидерами индийской компартии, не во всем одобрявшими затеянную в СССР перестройку. Однако и в этом вопросе — о необходимости кардинальных перемен в стране — мы с Евгением Максимовичем были горячими единомышленниками. Весной 1989 года судьба сделала совсем неожиданный поворот: Примакова избрали председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, а меня — председателем Совета Национальностей. Таким образом, мы опять оказались вместе — на этот раз в самом центре бушующих политических страстей. Уговаривая меня оставить пост первого секретаря ЦК компартии Узбекистана, Горбачёв заметил: «Соглашайся, Рафик, будешь работать со своим другом — Евгением Примаковым». Конечно, это не стало для меня главным аргументом, но мысль о присутствии в руководстве парламента столь близкого человека сыграла немалую роль в принятии решения.

Не могу сказать, что работа в Верховном Совете СССР приносила нам с Евгением Максимовичем большое удовлетворение. В обеих палатах парламента шли жаркие дискуссии. Зачастую обескураживали некорректность выступлений, запелляционный тон ораторов, граничащий с грубостью, переходом на личности. И Евгений Максимович, и я старались вести заседания сдержанно, терпеливо, хладнокровными или шутивными репликами помогали громоздкому кораблю обходить опасные рифы. Но, к сожалению, в наши

обязанности, в представлении первого заместителя председателя Верховного Совета А. И. Лукьянова, в основном входило вести заседания, по регламенту предоставлять слово, ничего при этом не комментируя. Примакова все больше одолевала скука. Не вынося никакой бодяги, он даже мог задремать. Что и стало толчком для сочинения по мотивам популярной в те годы песни смешного, злободневного романса:

Все наши решенья известны заранее,
Поэтому кратко и без дураков:
Поручик Нишанов, ведите собрание!
А ну-ка проснитесь, корнет Примаков!

Примерно через год на посту председателя Совета Союза Женя сказал мне: «Рафик, эта работа не по мне. Я не имею права даже как-то корректировать явно ошибочные предложения, отражать нападки на страну, на перестройку». И, вздохнув, добавил: «Хочу попросить Горбачёва о переходе на другую работу». Мне было жаль, но я сознавал, что заседательская суэта и монотонность угнетают Примакова. Поэтому поддержал его стремление вырваться на волю. Горбачёв тоже скрепя сердце смирился и назначил Примакова членом Президентского совета.

А Лукьянов, как известно, оказался чуть позже одним из организаторов ГКЧП. О путче мы с Евгением Максимовичем узнали, отдыхая в Крыму в санатории «Южный». Я — с Рано Назаровной и Фирузой, он — с любимым внуком Женей. В тот же день — 19 августа — удалось вылететь в Москву, выступить против антиконституционного переворота. Последующие годы для моего друга оставались «годами в большой политике». На всех своих высоких постах Примаков щепетильно сохранял безупречную репутацию, оставался кристально честным человеком, больше всего ценящим дружбу и ненавидящим предательство. Возглавив

Торгово-промышленную палату, он поддержал мою идею создать Фонд содействия российско-арабскому сотрудничеству, помог в его организации. Мы снова работали рука об руку, вместе ездили в Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты, Султанат Оман, Ливан, Сирию, Иорданию, Египет, сообща продвигали интересы российского бизнеса.

...Когда Евгений Максимович тяжело заболел, всех, кто был рядом, буквально ошеломляла его стойкость. Настоящий мужчина, гордец, он не только не позволял себе раскиснуть, пожаловаться — напротив, словно удесяттерив свою известную волю, работал напряженно, неистово, до упора. Без преувеличения — до последних дней. Мы виделись еженедельно. Едва отойдя от тяжелых процедур, Женя, как встарь, заставлял меня хохотать, травя — откуда он их только брал? — какие-то новые анекдоты. И лишь за два дня до госпитализации в ЦКБ произнес слова, которых я никогда от него не слышал: «Рафик, я устал». Я запротестовал, напомнив, как мужественно он держался все эти трудные последние месяцы, стал успокаивать, что усталость — временная, пройдет, надо только не загонять себя работой, отлежаться. Евгений Максимович улыбнулся, сделал вид, что согласен. Но из больницы позвонил мне и уже без эвфемизмов завел речь о своем уходе. Он говорил с трудом, задыхаясь. Последние слова были наполнены не жалостью к себе, не страхом смерти, а беспокойством за семью, мыслями о любимых — Ире, Нане и, конечно, Жене... Просил не оставлять родных без внимания. Я обещал. И он знал, что мое обещание железно. «Ты ни о чем не волнуйся. Только держись и крепись», — я едва сдерживал слезы. Комок, который стоял в горле, остался, кажется, до сих пор.

Шедший напролом

Нечасто так бывает, что даже «самого видного», «самого выдающегося» деятеля провожает в последний путь глава государства. Но так было, когда провожали Евгения Максимовича Примакова, — именно президент России В. В. Путин бросил первую горсть земли в могилу Евгения Максимовича на Новодевичьем кладбище. Он произносил свою надгробную речь, шел за гробом после отпевания, а у многих в голове вертелись его слова: «Я учился у Примакова, я учился по его книгам».

В тот день народ шел и шел в Колонный зал, чтобы проститься с Е. М. Примаковым, сказать последнее слово ушедшему из жизни выдающемуся государственному деятелю, одному из самых уважаемых и принципиальных политиков мирового уровня, ученому и практику, сделавшему немало для процветания России и укрепления ее позиций на международной арене.

Да, мы понесли невосполнимую потерю, но жизнь продолжается.

Где бы ни работал Евгений Максимович, он относился к порученному делу как к своему первому, любимому и последнему, отдавая всего себя работе, делу. Он так и не мог сказать, какое поручение было для него лучшим: Служба внешней разведки, министерство иностранных дел или

Торгово-промышленная палата, но всюду он привнес свое, новое, примаковское.

Мне посчастливилось работать с Е. М. Примаковым не один год, и потому я позволю себе поделиться некоторыми воспоминаниями.

Стало расхожей фразой, что он был выдающимся востоковедом. Да, это так, но многие почти не вспоминают его вклад в развитие Содружества Независимых Государств, ликвидацию кровопролитных конфликтов, которые достались нам в наследство от рухнувшего СССР.

Это был смелый политик, который рисковал жизнью, выполняя поручения Родины. Так было на Ближнем Востоке, так было и в Абхазии, Таджикистане, Приднестровье. Его формулы урегулирования, если бы тогда они были приняты сторонами конфликтов, принесли бы мир и благополучие на многострадальную землю (кровопролитный конфликт в Таджикистане нам все же удалось урегулировать).

О годах его работы на посту президента ТПП РФ также стоит сказать несколько слов.

В декабре 2014 года был подписан президентом и вступил в силу Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации». А ведь далеко не все знают, что первые варианты этого закона были сделаны под руководством Е. М. Примакова в Торгово-промышленной палате еще в 2003 году. Стоит упомянуть и исключительно полезное функционирование в течение почти 15 лет «Меркурий-клуба» — одной из самых успешных дискуссионных площадок России. Записки по итогам некоторых заседаний клуба рассматривались руководством России.

Трудно забыть удивительное чувство юмора и самоиронии, которым обладал Евгений Максимович. Он умел как бы непрочно расположить к себе любого спорщика или участника важного совещания.

Свои книги и статьи он писал сам. Его стихам могут позавидовать многие профессионалы.

И еще об одном. Он очень любил петь. Садясь к нему в машину, отправляясь на какое-то важное совещание или переговоры, всегда слышал его мурлыканье себе под нос популярных в свое время мелодий.

Все мы очень дорожим днем 13 января последних лет, когда в Центре международной торговли в рамках заседаний «Меркурий-клуба» выступал с докладом Е. М. Примаков. В докладах подводились итоги прошедшего года и всегда представлялся его взгляд в будущее. А потом было застолье по случаю Старого Нового года и обязательно песня, за которую отвечал Иосиф Давыдович Кобзон. Он подходил с микрофоном в руках к наиболее заметным гостям и хозяевам, и те пели, разумеется, с его участием. Сколько раз мне говорил Примаков: «Скажите вы Кобзону, пусть не насилует меня этим пением. Не хочу, не буду».

И вот наступило 13 января 2015 года. Евгений Максимович уже был болен, плохо говорил, плохо двигался, но пропустить эту дату не мог. Ее не мог пропустить ни один член «Меркурий-клуба». В этот день Примаков как бы попрощался с нами.

Настало время песни. К Примакову подошел Кобзон, и они а капелла исполнили замечательные строчки Ярослава Смолякова:

Если я заболею,
К врачам обращаться не стану.
Обращусь я к друзьям,
Не сочтите, что это в бреду:
Постелите мне степь,
Занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте
Упавшую с неба звезду.

Зал затих. Кобзон уже следовал с микрофоном к другому столику, видимо, считая, что бывший партиец больше одного куплета не знает, а Примаков выразительно продолжал:

Я шагал напролом,
Никогда я не слыл недотрогой.
Если ранят меня
В справедливых жестоких боях,
Забинтуйте мне голову
Русской лесною дорогой
И укройте меня
Одеялом в осенних цветах.

Евгений Максимович, спасибо, что вы были в нашей жизни. Что каждому ученику вы оставили свою «звезду». Вы научили нас работать, работать много и честно, любить свое дело и свою Родину, быть скромными и отзывчивыми людьми.

**Особая доброжелательность к людям
и глубокие знания —
отличительная черта Е. М. Примакова**

Судьба свела меня с Евгением Максимовичем в конце 1960-х годов. Я только начинал свою дипломатическую службу в посольстве СССР в Египте, а он был там корреспондентом газеты «Правда». Уже тогда Евгений Максимович, хотя и был очень молодым, проявил себя как лидер и выделился среди всех остальных. Потом пути наши пересекались. Он был научным руководителем моей диссертации.

Его проникательность, особая доброжелательность к людям и глубокие знания — важнейшие элементы, которых нет у многих. У него стратегическое видение — он видел на несколько ходов вперед в развитии ситуации. Это умение проникать вглубь событий быстро осознали египтяне. Он передавал многие свои корреспонденции по телефону, которые записывала их разведка, переводила и докладывала наверх как собственное достижение.

Он умел заглядывать за горизонт. Евгений Максимович еще в 1990-х годах говорил о «треугольнике» Россия-Китай-Индия. Сегодня этот «треугольник» вошел в БРИКС.

Можно вспомнить, что Евгений Максимович был одним из первых российских ученых, который предсказал быстрое усиление исламского фактора. Когда Россия вступила

в Организацию исламского сотрудничества в качестве наблюдателя, под руководством Евгения Максимовича была создана Группа стратегического видения «Россия — исламский мир», которая активно работала до «арабской весны». А в конце 2014 года по указанию президента эта группа снова возобновила свою работу.

Евгений Максимович известен на Ближнем Востоке. Когда я в 2013 году был с визитом в «столице» иракского Курдистана Эрбиле, то многие люди вспоминали о том, что он установил тесные отношения с отцом нынешнего лидера Мустафой Барзани. Курды всегда вспоминают, что связи с отцом нынешнего лидера были очень доверительные. Роль Примакова во всех этих делах высоко оценивали. В любой арабской стране Евгения Максимовича Примакова хорошо знали и называли его хорошим другом.

Евгений Максимович был очень обаятельным человеком, поэтому не случайно, что у него было много друзей. И это не праздные слова. Когда в 2013 году я приехал в Каир, в аэропорту один египтянин спросил, где сейчас Примаков. Оказалось, что когда Примаков работал в Каире, этот египтянин работал по соседству водителем. Все египтяне в округе знали, что Евгений Максимович журналист. Сколько лет прошло с конца 1960 годов, а простые люди вспоминают о нем с чувством глубокого почтения и уважения. Авторитет Евгения Максимовича высок в странах Арабского Востока и Израиле.

В МГИМО (У) МИД России мы выпустили много книг, в том числе и по ближневосточному урегулированию, по партнерству цивилизаций и т. д. Для нас почетно участие академика Евгения Примакова в этих изданиях. Два года назад вышла большая серия «Политическая история Ближнего Востока в лицах», где есть два очерка Евгения Максимовича. Его участие, конечно, является украшением любой книги.

В 2018 году мы опубликовали второй том этой серии — он открывается статьей академика Примакова о курдском лидере М. Барзани. Книга вышла тогда, когда Евгения Максимовича уже не было с нами, и по единодушному решению всех авторов мы посвятили ее памяти нашего выдающегося современника.

Когда Евгений Максимович Примаков стал министром иностранных дел в 1996 году, он начал говорить о жизненно важных интересах России. Первые его визиты были на Украину и в Белоруссию. Он считал, что это главные государства, с которыми у нас должны быть самые тесные и добрые отношения. В то время я был руководителем российской делегации на переговорах с Белоруссией. Развод шел по многим вопросам. Но мы стремились превратить этот развод в союз, и нам это удалось.

Когда Примаков приехал в Минск, то была короткая встреча с Лукашенко — всего 40 минут. Лукашенко пригласил его на ужин тет-а-тет. Этот ужин продолжался четыре часа, после чего началась интенсивная работа, результатом которой стало создание Союзного государства. Это говорит о том, что Евгений Максимович Примаков правильно определял приоритеты.

Его действия как дипломата, как умелого переговорщика надо изучать в ВУЗах, которые готовят дипломатов. У Евгения Максимовича были прекрасные отношения с западными коллегами. Госсекретарь США Мадлен Олбрайт его боготворила как человека, у них были замечательные отношения, несмотря на разность позиций. Когда его принимал Билл Клинтон, то они всегда быстро находили общий язык.

Дартмутская группа российских и американских общественных деятелей и ученых существует свыше 50 лет. Мы встречаемся два раза в год (один раз — в Америке, другой раз — в России), открыто обсуждаем российско-американские отношения, пытаемся совместно найти выходы из очень

сложных проблем. Мы не даем интервью, только готовим отчеты для своих руководителей. Этой группой с нашей стороны долгое время руководил Евгений Максимович. И до сих пор американцы вспоминают его с большим почтением. Когда они в былые годы приезжали в Москву, то первая их просьба была непременно устроить встречу с Е. М. Примаковым хотя бы ненадолго.

**Евгений Максимович — безоговорочный лидер
с уникальной способностью мыслить и находить
правильные решения**

Академик Евгений Максимович Примаков — несравненный знаток ближневосточных дел (разумеется, наряду с глубокими экспертными познаниями других внешнеполитических проблем). Вспоминаю именно эту его ипостась, поскольку именно в Египте мы и познакомились.

Замечу, что у меня была возможность наблюдать за деятельностью Е. Примакова в Каире в тот период. Там был сосредоточен крепкий журналистский пул. Стержнем его был Евгений Максимович. Безоговорочный лидер с уникальной способностью мыслить и находить правильные решения. Компьютеров тогда практически не было. Евгению Максимовичу они не были нужны, справлялся и без них на славу. Кто-кто, а Максимыч (так себе позволяли обращаться к нему его близкие друзья) знал, что говорит. Его ближневосточные таланты не всем, однако, нравились в московских сферах. В какой-то, правда, давний период он оказался отстраненным от высокой политики Кремля на арабском направлении. Ненадолго, однако.

В итоге Ближним Востоком Е. Примаков занимался более полувека как журналист, ученый и политик. Корреспондент,

директор ИМЭМО, Института востоковедения АН СССР. Руководитель Службы внешней разведки. На Смоленской площади Москвы с благодарностью вспоминают его работу в качестве министра иностранных дел.

Довелось Евгению Максимовичу возглавлять правительство России.

Депутат Госдумы, руководитель Центра ситуационного анализа Российской академии наук.

Примаков-министр с вниманием относился к нашему журналу «Международная жизнь», который мне выпала честь возглавлять более двадцати лет.

Многие годы Совет журнала «Международная жизнь» выбирал в декабре лучшие материалы из опубликованных за год. Ясно, что Примаков — автор желаемый и редкий — всегда был в списке номинантов. Однако зная его самого — скромность и строгое отношение к профессиональной этике, — мы не решались вручить ему диплом, пока он возглавлял СВР, МИД, а тем более правительство. Момент настал в 2003 году. Евгений Максимович, в то время уже президент Торгово-промышленной палаты России, сделал для журнала материал под названием «Предлагалось С. Хусейну отказаться от поста президента и провести демократические выборы». Статья была блистательной и очень актуальной. И нам уже ничто не могло помешать, наконец-то, объявить автора лауреатом журнала за лучший материал уходящего года.

Должен сказать, что, перечитывая ту статью вновь, совершенно определенно понимаешь, что Евгений Максимович прописал сценарий будущих событий на Ближнем Востоке, включая «арабскую весну».

Но мне почему-то неудивительно!

Академик об академике

Говоря о Евгении Максимовиче, мы говорим и об эпохе, в которую мы жили и продолжаем жить.

И должен сказать, что Евгений Максимович, конечно, уникален тем, что «с молодых ногтей» был хорошо известен в стране всем, кто так или иначе причастен к изучению международных отношений, любит журналистику. Говорят о патентах, которые можно с полным основанием передать ему, — одним из патентов является то, что он и его друзья, коллеги, по существу, создали школу международной журналистики в Советском Союзе.

Наше поколение познакомилось с ним, прежде всего читая его публикации в газете «Правда». Безусловно, его имя стоит в ряду уникальных журналистов-международников, таких как Мэлор Стуруа, Валентин Зорин, Томас Колесниченко, Станислав Кондрашов, Игорь Беляев. Причем он со всеми ими дружил, а с Томасом они были просто «не разлей вода».

Евгений Максимович никогда не отказывался выступить перед ребятами, которые готовились стать журналистами и международниками. Я его увидел в первый раз, когда в 1968 году он пришел в МГИМО и рассказывал о ближневосточной ситуации.

С этого времени он стал частью нашей жизни. Открывая «Правду», я обязательно прочитывал статью Примакова.

У него всегда была изюминка в публикациях, всегда был здравый смысл и всегда были замечательные наблюдения.

Вообще должен сказать, что Евгений Максимович — удивительный человек в силу целого ряда причин. Правильно сказано, что он — системный человек. Человек очень здравомыслящий, может быть, это банально звучит — «здравомыслящий», но в нашу непростую эпоху здравый смысл играет огромную роль.

Когда был юбилей ИМЭМО РАН, я попросил своих кадровиков принести личные дела — его и Симонии. Они хранятся у нас, поскольку архив Института востоковедения перешел после объединения в МГИМО. На юбилей института мы подарили им увеличенные портреты, где они молодые и очень красивые. А в характеристиках студенческого времени о Евгении Максимовиче говорилось, что он очень вдумчивый, активный и один из лучших лекторов, которые работали по линии общества «Знание». И это мастерство выступать интересно, глубоко Евгений Максимович сохранял и даже, мне кажется, постоянно совершенствовал. А подтверждение этому мы наблюдали, по крайней мере, каждое 13 января в «Меркурий-клубе».

Не могу не упомянуть и о том, что при всех его замечательных талантах государственного и общественного деятеля он еще и замечательный педагог. Когда он оказался в Торгово-промышленной палате и у него появилось немного свободного времени, мне удалось убедить его поработать профессором в МГИМО. Он сразу определил, что согласен, но будет проводить ситуационные семинары. И несколько лет возился с ребятами и проводил ситуационные семинары по самым актуальным проблемам. Причем это не разовые занятия, а целый учебный курс, результатом чего стали публикации в наших ведущих международных журналах. К тому же несколько человек — участников этих ситуационных анализов — стали его аспирантами и защитили

кандидатские диссертации. Это еще одна черта, о которой редко говорится.

Вспоминая мидовский период, а все это, так или иначе, проходило на моих глазах, должен сказать, что, конечно, к моменту прихода Евгения Максимовича в министерстве ощущалась довольно сильная растерянность в силу целого ряда причин. Во-первых, это были обстоятельства, которые определялись неясностью того, чего же мы хотим в мире и как мы будем вести дело. Куда Россия должна выплывать? Во-вторых, эта растерянность была связана с тем, что из МИД в 1990-х годах уходили десятки, если не сотни классных специалистов, причем самого производительного возраста — 35–40 лет. И в посольствах, и в центральном аппарате не хватало знающих специалистов. Но и, наконец, это было связано еще с тем, что зарплата была крайне мала. И как правильно сказал Евгений Максимович, что в столовую люди перестали ходить, поскольку денег просто не было за обед заплатить. Это был довольно тяжелый период. И когда Евгений Максимович пришел в МИД, там испытали огромный энтузиазм, потому что знали, как работал Евгений Максимович в разведке и сколько он сделал для людей. Наконец-то российские дипломаты почувствовали, что они выполняют исключительно важные государственные обязанности и при этом государство их поддерживает.

Евгений Максимович, конечно, провел огромную работу в интересах министерства. Сегодня, когда вспоминают о самых выдающихся министрах иностранных дел, вслед за Горчаковым называют Громыко и Примакова. И хотя все они действовали в разные эпохи, но по калибру это люди очень близкие. К тому же они были настоящими патриотами Отечества и служили Отечеству — думаю, что в этом нет никаких сомнений.

Не могу не упомянуть и о том, что многие руководители министерства — люди, активно работающие в очень

непростых условиях — тесно сотрудничали с Евгением Максимовичем. И все, безусловно, испытывают огромную благодарность, в том числе за то, что он сделал для МИД.

Должен сказать, что мне, наверное, посчастливилось. Я несколько раз ездил с Евгением Максимовичем в длительные поездки. Из всех поездок наиболее яркая — это поездка в бывшую Югославию, причем по всем республикам. Тогда, в той сложнейшей ситуации я еще раз убедился, что Евгений Максимович — тончайший дипломат, знающий, чувствующий нюансы, но при этом жесткий переговорщик, который может ставить вопросы ребром.

Мы тогда ездили в известный российский батальон. Нельзя забыть встречи с нашими ребятами, как они нас принимали, как были благодарны Евгению Максимовичу за его, прямо скажем, отеческую поддержку. И они тогда почувствовали, насколько нужны Родине и насколько важна их миссия.

Завершая, хочу сказать, что, конечно, Евгений Максимович был человеком-эпохой. Человек очень разносторонний, с массой талантов. А для нас — мидовцев и мгимовцев — важен тот вклад, который Евгений Максимович внес в укрепление МИД и в развитие МГИМО.

Примаков научил нас понимать, что суверенного государства без разведки не бывает

Мне приятно и почетно вспомнить Евгения Максимовича Примакова, сказать то, что я думаю об этом великом человеке, которого считаю своим учителем, наставником, гуру. Это — явление в нашей политической и социальной жизни. Евгений Максимович — государственный и в то же время исключительно демократичный человек, который, где бы ни работал, всегда приносил элемент реальной демократии.

Я познакомился с Евгением Максимовичем в начале 1970-х годов, когда работал в Индии и принимал участие в Институте востоковедения в ситуационном анализе, посвященном левому движению в Индии, в частности национализму в Западной Бенгалии. Евгению Максимовичу, который вел одну из сессий, поразил меня исключительно четкой мыслью, умением эту мысль выразить так, чтобы она была понятна и академическому уровню, и человеку с улицы.

Но самый главный период времени, когда я узнал Евгения Максимовича, это был его приход в разведку в качестве руководителя, на абсолютно новое для него место, в иную среду. Если быть честным, коллектив разведки переживал тогда очень сложный период, связанный с разъединением Комитета государственной безопасности, в целом с распадом Советского Союза. Очень-очень настороженно воспринимают

самую идею прихода в разведку человека со стороны. Но Евгений Максимович оказался не человеком со стороны, он вошел в ткань этой очень консервативной среды, как нож в масло, и внес в военный, достаточно сильно идеологизированный коллектив элементы, которые я сейчас называю реальной демократией. Тогда, оставаясь людьми в погонах, мы тем не менее научились воспринимать мир и задачи, которые перед нами стали возникать как задачи новой страны — России. Мы благодаря ему начали понимать, что разведка нужна любому государству и без разведки государство уже не является государством.

Он сделал все возможное для того, чтобы в самый тяжелый период времени позаботиться о сохранении определенной позитивной корпоративности этой организации, но, самое главное, он привнес реальную заботу о каждом конкретном человеке, который служит, будучи за рубежом или на Родине. Зарплата тогда у нас была, я бы сказал, скромная. Но при этом мы не перестали осознавать свою принадлежность к элите российского общества, но нового российского общества.

То наследие, которое досталось Евгению Максимовичу, всегда, достаточно критично относилось ко многим явлениям, происходившим или происходящим в рамках Советского Союза, во многом критично воспринимало определенные черты начетничества, ортодоксальности, без лишней и ненужной идеологизированности, связанным с выполнением своего служебного долга, с государственными задачами и интересами.

Что очень важно, Евгений Максимович научил нас, тех, кто остался в рядах разведки, по-новому воспринимать и интересы страны, государства, Отчизны, и отдельного руководителя, и отдельной группы, и отдельной политической организации. Эти понятия при Евгении Максимовиче наполнились новым содержанием, они стали нам ближе,

понятнее. Хотя скажу: чтобы это наследие было здоровым, огромные усилия прилагали и люди, которые были в руководстве разведки и до него. Прежде всего имею в виду таких руководителей, как Леонид Владимирович Шебаршин, Николай Сергеевич Леонов, Вадим Алексеевич Кирпиченко, который, кстати, был закадычным другом Евгения Максимова. Благодаря усилиям Евгения Максимова, Вадим Алексеевич был возвращен на службу в разведку. Сплав разведывательного опыта Вадима Алексеевича и колоссального государственного политического опыта Евгения Максимова в результате выдал новые ориентиры для тех людей, которые оставались в разведке, и для новых людей, приходивших на службу.

Я горжусь тем, что был рядом с Евгением Максимовичем и затем принял уже обновленную разведку из его рук.

Евгений Максимович стал министром иностранных дел. В этот период время взаимопонимания двух служб — дипломатической и разведывательной — достигли своего апогея. Мы работали вместе, прекрасно понимая друг друга, высоко оценивая плечо поддержки, помощь товарища. Мне кажется, что Евгений Максимович, наверное, с грустью вспоминал тот период времени, когда ему пришлось уйти из разведки на другие посты, даже более высокие — даже на уровень председателя правительства страны. Насколько я знаю, Евгений Максимович свое пребывание на посту руководителя разведки считал очень значимым. Мы все очень благодарны ему за то, что он был вместе с нами, и мы будем ему обязаны до конца наших дней. Надо признать тот факт, что разведка была спасена и осталась боеспособной за счет усилий, которые он тратил на ее сохранение и усиление ее авторитета в новой России.

Хотелось бы отметить также и то, что забота Евгения Максимова о человеке не имеет пределов. В самое тяжелое время, в начале 1990-х годов, Служба внешней разведки

ни разу не задержала зарплату: 20-го числа каждого месяца все сотрудники СВР были уверены в том, что они получают зарплату. Многие были благодарны Евгению Максимовичу и также Ивану Ивановичу Гореловскому, который занимался нашими финансовыми и хозяйственными делами, чтобы не прекращалась выплата зарплат, чтобы разведчики обедали в столовой, самой дешевой в стране по тем временам, но с очень высоким качеством. Такие блага предоставлялись — даже выпечка собственного хлеба, производство собственных пельменей, прямые закупки мясной продукции из глубинки России, наличие холодильников. Сотрудники после окончания рабочего дня могли купить продукты домой. Эта забота о человеке органично присутствовала в Евгении Максимовиче, особенно о человеке, который работает в интересах страны. Эта черта Евгения Максимовича являлась уникальной. Я редко встречал руководителей, у которых доходили бы руки до конкретного человека.

Евгений Максимович сделал очень много, несмотря на распад Советского Союза, для того, чтобы разведка сохраняла очень прочные и достаточно искренние связи с соответствующими службами бывших республик Советского Союза. Евгений Максимович стремился компенсировать потери после распада СССР, он много предпринял усилий по созданию центростремительных процессов, чтобы мы преодолели тяжелые барьеры сильного противостояния западных спецслужб периода холодной войны. Партнерские связи, независимо от того, насколько искривлен наш партнер, помогали нам лучше понимать процессы, которые происходят в аналогичных наших спецслужбах. Мы смогли сохранить достаточно уверенно партнерское взаимопонимание. В очень серьезной и конфликтной ситуации, которая возникает в отношениях со спецслужбами, Евгений Максимович научил нас преодолевать трудности с минимумом потерь. Это тоже очень серьезное качество руководителя разведки,

руководителя, который умеет, ни на каплю, ни на миллиметр не отходя от защиты интересов страны, своей службы, не вступать в обмен пощечинами, ударами ниже пояса. Это тоже редкое достоинство Евгения Максимовича как руководителя разведки.

Не будем говорить о той роли, которую Евгений Максимович сыграл для всей страны после случившегося дефолта, когда практически выталкивал страну из финансовых руин и делал это, опираясь на соратников, независимо от их политических взглядов. Главное, чтобы эти люди были патриотами страны, понимали государственные интересы и действовали в соответствии с этими интересами. Евгений Максимович на посту премьер-министра, несмотря на очень непродолжительный срок, сделал, наверно, столько, сколько не сделали на этом посту его предшественники за многие годы.

Теперь, отмечая 90-летие рождения этого удивительного человека и гражданина, вспоминаю его 80-летие, которое, без преувеличения могу сказать, было отмечено государственно правильно, потому что вся страна испытывает к этому человеку бесконечное уважение. Даже те люди, которые с ним не соглашались, даже те люди, которые выступают с других позиций. Тем не менее, они не могут его не уважать и даже не преклонять голову перед величием этого человека.

Я благодарен Евгению Максимовичу за то, что он был с нами и остается уникальным креативом для огромного количества людей, стоящих на защите интересов государства.

О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И ПУБЛИКАЦИЯХ Е. М. ПРИМАКОВА

Из множества трудов Е. М. Примакова наиболее полным и систематизированным является собрание его сочинений под заглавием «Евгений Максимович Примаков», выпущенное в 2016 году в Москве в десяти томах издательством ТПП РФ и издательством «Российская газета». Подробный перечень содержания каждого тома приведен в первом томе двухтомника «Неизвестный Примаков» на стр. 483–487. Смотрите ниже опубликованные там краткие сведения о содержании каждого из десяти томов.

Том 1: Анатомия ближневосточного конфликта. Восток после краха колониальной системы. — 656 с.

В первый том Собрания сочинений вошли книги «Анатомия ближневосточного конфликта» (1978) и «Восток после краха колониальной системы» (1982), написанные Е. М. Примаковым во время работы директором Института востоковедения АН СССР. Обе книги содержат широкий анализ событий и процессов, которые происходили на Ближнем Востоке и в развивающихся странах Азии и Африки в 1950–1970-е годы, а также той роли, которую они играли в мировой политике и экономике.

Том 2: История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е — начале 80-х годов. Война, которой могло не быть. — 608 с.

Во второй том Собрания сочинений Е. М. Примакова вошли книги «История одного сговора: ближневосточная

политика США в 70-е — начале 80-х годов» (1985) и «Война, которой могло не быть» (1991). Первая работа посвящена анализу предпосылок и последствий Кэмп-Дэвидских соглашений 1978 года и рассмотрению ключевых моментов ближневосточной политики США в 1970–1980-е годы. Вторая работа представляет собой хронологическое описание развития событий в ходе войны в Персидском заливе 1990–1991 годов.

Том 3: Годы в большой политике. — 592 с.

В книге «Годы в большой политике», включенной в данный том и впервые опубликованной в 1999 году, автор пишет о своей работе в Институте мировой экономики и международных отношений, в Службе внешней разведки и в Министерстве иностранных дел, а также предлагает личный анализ событий внутреннего и внешнеполитического характера в 1980-х и 90-х годах.

Том 4: Восемь месяцев плюс... Мир после 11 сентября. — 544 с.

В том включены две книги. В первой из них, «Восемь месяцев плюс», вышедшей в 2001 году, рассказывается о пребывании Е. М. Примакова во главе правительства России в 1998–1999 годах. В другой книге, «Мир после 11 сентября», увидевшей свет в 2002 году, дан геополитический анализ событий, связанных с этой трагедией, коренным образом изменившей обстановку в мире.

Том 5: Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). — 608 с.

В книге «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века)», включенной в данный том, автор характеризует основные

политические процессы, которые меняли лицо ближневосточного региона во второй половине XX — начале XXI века, а также описывает и анализирует ряд исторических эпизодов и значительных событий, в которых ему довелось выступить не только свидетелем, но и участником.

Том 6: Минное поле политики. Мир без России? — 800 с.

В книге «Минное поле политики», включенной в данный том и впервые вышедшей в 2007 году, автор пишет о своей жизни с раннего детства и вплоть до начала XXI века. В книге «Мир без России?», также включенной в данный том и впервые опубликованной в 2009 году, через призму личного восприятия рассказывается о тех внешнеполитических вызовах, которые стоят перед современной Россией, и о способах оптимального реагирования на них.

Том 7: Мысли вслух. Россия: надежды и тревоги. — 416 с.

В книгах «Мысли вслух» и «Россия: надежды и тревоги» речь идет об актуальных политических проблемах, в том числе об экономической и политической модернизации России и о проблемах Ближнего Востока. Их предлагается решать с учетом как основных научных принципов политологии, так и с учетом коренных интересов России. Большое внимание уделено личному участию Е. М. Примакова в мировых событиях.

Том 8: Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. — 320 с.

В данном томе собраны лекции, доклады, интервью, выступления, а также статьи Е. М. Примакова, публиковавшиеся в различных изданиях и на страницах прессы. В них рассматривается широкий круг внутренних и внешнеполитических проблем, в первую очередь, вызовы, стоящие перед российской экономикой, социальные и культурные аспекты

модернизационных процессов. В центре внимания автора — также актуальные внешнеполитические сюжеты, связанные с наиболее острыми проблемами сегодняшнего мира (Сирия, Ирак, Ближний Восток и др.).

Том 9: Избранные доклады, выступления, интервью и эссе. — 592 с.

В девятый том Собрания сочинений Е. М. Примакова включены его выступления, доклады, интервью, эссе, охватывающие период с 2002 по 2014 год. Большинство текстов публикуется впервые. Внимание автора сосредоточено на текущих задачах экономической модернизации России, связанных с созданием условий, благоприятствующих развитию малого и среднего предпринимательства в стране. В книге затрагиваются проблемы инновационной, налоговой, тарифной политики, вопросы разработки законодательной базы для стимулирования предпринимательской деятельности, организации институтов, способствующих поддержке малого и крупного бизнеса и т. д.

Том 10: Био-библиография Е. М. Примакова. — 336 с.; цв. илл.

Данный том содержит вспомогательные справочные материалы, которые дополняют публикацию наследия Е. М. Примакова. Вместе с тем, этот том имеет самостоятельное значение как своеобразная «энциклопедия по Е. М. Примакову» и тем самым может быть полезным как исследователям его богатой биографии и эпохи, в которую он жил, так и всем интересующимся новейшей отечественной историей.

СТИХИ

Евгений ПРИМАКОВ

* * *

Я твердо все решил: быть до конца в упряжке,
Пока не выдохнусь, пока не упаду.
И если станет нестерпимо тяжело,
То и тогда с дороги не сойду.

Я твердо все решил: мне ничего не надо —
Ни высших должностей, ни славы, ни наград,
Лишь чувствовать дыханье друга рядом,
Лишь не поймать косой, недобрый взгляд.

Я много раз грешил, но никогда не предал
Ни дела, чем живу, ни дома, ни людей.
Я много проскакал, но не оседлан,
Хоть сам умею понукать коней.

Мы мчимся, нас кнутом подстегивает время,
Мы спотыкаемся, но нас не тем судить,
Кто даже ногу не поставил в стремя
И только поучает всех, как жить.

* * *

Жизнь кружится,
Жизнь вертится,
Не все сбудется,
Но все стерпится.

Блеск молнии,
Шум, гам кругом,
Все ж спокойнее,
Когда грянул гром.

Дым стелется,
Дым ест глаза,
Но развеется,
С глаз сойдет слеза.

Днем прожитым
Ночь близится.
Коль не умер я,
Значит, свидимся.

* * *

Давлю в себе раба — работы нет труднее,
Ведь сразу не поймешь, кого в себе давить —
Того, кто от металлорока сатанеет,
Того, кто осязает поколений нить?

Или того, кто ходуном заходит,
Когда стране пощечины дают,
Хотя себе он места не находит,
Коли облыжно хвалят или безбожно врут.

Давлю в себе раба, работаю в три смены,
Но прежним остаюсь в поступках и делах.
Быть может, наперед запрограммировали гены
До самого конца жить в кандалах?..

* * *

Комом к горлу, комом к горлу —
Прожитые годы.
Комом радости и горе,
Свадьбы и разводы.
Комом смерти, комом роды,
Прожитые годы.

Время сушит, время рушит,
Что казалось вечным.
Время беспощадно душит,
Время лезет в наши души
Нагло, бессердечно.

Все быстрее и быстрее наступают зимы.
Все мятежники на реях,
Остальные живы.
Одиночеству навстречу
Выступают зимы.

1987 г.

* * *

Стежки-дорожки
Прошел и проехал.
Мелкие сошки
Приветствуют сверху.

Стежки-дорожки
Прямо иль креном.
Все время на дрожках,
Усланных сеном.

А думают, вроде
Лечу на ракете.
Неужто в народе
Так верят газете?

Стежки-дорожки,
Доколе вас хватит,
На весны помножим,
По зимам разгладим.

* * *

Другу А. С. Д.

Остановись, прислушайся —
Жизнь рядом бьет ключом.
Не к случаю от случая,
Не в темень кирпичом.

Остановись, послушай тех,
Кто рядом песнь поет
О том, как падал мягкий снег,
О счастье быть вдвоем.

Без дерганья, без критики,
Нацеленной поддых,
Без подлостей политики,
Без мерзостей интриг.

Всем этим мы накушались
И наигрались всласть.
Годами дурью мучались,
Той, что зовется «власть».

Давай подольше проживем
Без шишек, синяков,
Грибов корзину соберем,
Подышим глубоко.

Пойдем к друзьям на огонек —
Там рады нам всегда.
Никто не спустит вслед курок,
Согреет тамада.

К сердцам протянет легкий мост
Из добрых, теплых слов,
Витиеватый скажет тост
За дружбу и любовь.

Неужто и отсюда нам
Захочется назад
В людскую толчею, бедлам,
В мир окриков, команд?

Но если так произойдет,
Грош ломаный цена
Мне и тебе, а может, рок
Нам все испить до дна?

1991 г.

* * *

Опять труба зовет в дорогу,
Но, как всегда, трублю я сам.
Не для меня сидеть в берлоге
Или вымалывать у Бога
Сонливых радостей мещан.

Цыганский дух вселился в тело,
Хотя плясать и не горазд.
Под звук гитары надоело,
Под дудку не согнуть колени,
А на ходу в кибитку — враз.

Вдогонку не бросайте камни,
Ведь все равно не долетят.
А если уж кого и ранит,
То бумерангом в наказанье,
А кони вдаль кибитку мчат.

* * *

Война остается в песнях,
В выпитом в память погибших,
В мыслях, которым тесно,
В воспоминаньях о бывшем.

Война остается в вере,
Что дальше все будет лучше,
Что не напрасны жертвы —
Свое все равно получим.

Война остается в соли,
Что сыплем себе на раны.
Для некоторых — жажда крови,
Для некоторых — жажда правды.

Война остается в играх
Детей в войну против немцев,
В просветах стай журавлиных,
В людях с непрожитым детством.

Война неотступно с нами,
Хотя без нее уж полвека.
Трудно рубцуются раны
Те, что в душе человека.

* * *

Родная Грузия стала не той,
Страну захлестнуло мутной волной,
Задержалась в пляске святого Витта
Вся многослойная палитра

Центральных, местных властей и партий.
Хоть кто-нибудь подойдите к карте
Или к дому с заросшим порогом,
В конце концов спросите у Бога,

Как быть с бедой, чьи корни все глубже,
Сняли с ковров кинжалы и ружья,
В пятнах крови белые скатерти,
Черное горе в глазах у матери.

Беда прорастает в ткани быта.
Непостижимо, что будут забыты
Многоязычье тбилисских дворов,
Сомкнутых в радость и горе столов.

Соседи в Сухуми — не рядом, а вместе,
Не изменяя ни дружбе, ни чести.
Не все, очевидно, прошли эту «школу»,
Иначе сочли бы страшной крамолой.

Вершить от традиций крутой поворот,
Одних возвышать, другим — от ворот.
Река все равно в свое русло вернется,
Вода, опрокинув преграды, прорвется.

Нет аналогий в истории старой:
Давид Строитель, царица Тамара,
Чудится мне, что слышу их стоны —
При них страна не знала погромов.

* * *

Уходим, уходим, уходим в Россию,
Сняв с солдатских могил посты.
Нам никто не стреляет в спину,
Но никто не сказал «прости».

Разум диктует — остаться не можем.
Но разве в разуме дело,
Если все чувства морозом по коже
Напряжены до предела.

Вслед раздается, что нет побежденных.
Ответить хочется матом.
В затылок глядят вермахта колонны,
Встречает страна в заплатах.

Печатаю шаг, уходим в Россию,
Уходим с сердцами пустыми.
Приказ: отставить взгляды косые,
Салютовать холостыми!

* * *

Доктор, как хорошо, что вы рядом,
Дело даже не в медицине,
Может, важнее на целый порядок
То, что глаза у вас синие-синие.

Серые, вдруг чуть-чуть зеленые,
Гамма, а не единый цвет.
В них — степное, размашисто вольное
В прикавказье прожитых лет.

Вы прошли частокол испытаний
Сквозь начальников — пациентов.
Глаза стали немного печальнее,
Но по-прежнему многоцветны.

Доктор, с вами мне стало надежнее.
Дело даже не в медицине,
Просто жизнь у всех очень сложная,
А глаза у вас все-таки синие...

1991 г.

НА ВЫСТАВКЕ СЕРА

Проще простого: находился в Париже,
Зашел на выставку Сера́,
И все другое стало жиже и ниже.
В душу вонзились, как стрела,

Безмолвные дали и одиночество
Людей, погруженных в вечность.
Ни с кем не сравнимый рисунок точечный
Высвечен светом свечи.

Во многих картинах предчувствие смерти?
С версией спорить не буду.
Непостижимо, но — верьте не верьте —
Сера́ рисовал оттуда.

* * *

Любит — не любит...
Сказала ромашка,
Что приголубит.
Родился в рубашке.

Любит — не любит...
На гуще кофейной
Слились в поцелуе.
Попробуй не верить.

Любит — не любит...
Пасьянс однозначный:
Вовек не забудет.
Цыганке — без сдачи.

Бы́ло — не бы́ло —
Спросил напрямуюю.
Как отрубил:
Любите другую.

ПРЕИМУЩЕСТВО ЛЕТ

Когда годов отстукало немало,
То любишь или рубишь не сплеча,
Идешь «на вы» не с поднятым забралом.
Давно уже не дружишь с кем попало
И не осудишь сгоряча...

Смириться можно с возрастом любим,
Коль ощущаешь каждое «мгновенье»,
А не плывешь от юбилея к юбилею
И только вниз, и «по теченью спин».

Сергей ЛАВРОВ

* * *

Максимыч — честь, Максимыч — совесть.
Не уронить и не пропить.
Максимыч — и роман, и повесть
Эпохи, где случилось жить.

Была ершиста та эпоха —
Швыряла вверх, швыряла вниз.
Внизу порой бывало плохо,
Потом повыше поднялись.

Он снизу шел, он шел от жизни,
Своим умом, своим горбом,
Своею верностью Отчизне —
В ее обличии любом.

В Баку окончив Мореходку,
В глобальный вышел океан
И совершал за ходкой ходку
К правителям различных стран.

Саддам Хусейн и Бутрос Гали,
И Киссинджер, и Гельмут Коль —
Все с наслаждением играли
Для них написанную роль.

Он не читал нравоучений,
Он лаской брал партнеров в плен.
Добрела, кушая пельмени,
Суровая Олбрайт Мадлен.

Судьбы крутые повороты
Не изменили его суть.
Он сам большие самолеты
Был в состоянье развернуть.

И разворачивал, коль надо,
А если надо — приземлял.
Он многих, в том числе и НАТО,
Воспитывал и вразумлял.

Масштаб мышленья — планетарный.
Дар ясновиденья велик:
Предрек он мир многополярный —
Многополярный мир возник!

А знаменитый треугольник —
Пекин, Нью-Дели и Москва?
Сперва казалась мысль крамольной,
А тройка — вот она, жива!

В арабском мире след глубокий
Оставил он весьма хитро́:
Служил собкором на востоке,
Теперь там служит внук Сандро.

Несметное число талантов:
И академик, и поэт,
А запоет — для музыкантов
На этом фоне шансов нет!

В Баку учился — а в Тбилиси
Он возмужал, друзей обрел.
И дружбу до бескрайних высей
В шкале всех ценностей возвел.

В каком бы ни был переплете,
В какой бы ни был он войне,
В каком бы ни был развороте —
Всегда служил своей стране.

Всегда был там, где было нужно,
И верил в принципы свои.
Не предавал он в службе дружбу,
Не предавал своей любви.

Он из такого сделан теста,
Что все в руках его горит:
Парламент, мозговые тресты,
Правительство и даже МИД.

Он — кладезь вечных постулатов.
Вот, например: «Лишь тот, кто глуп,
Иль тот, кто не совсем богатый,
Не пьет, как принято, под суп».

А за столом роскошным этим
Ни бедняков, ни глупых нет.
А значит — нам на этом свете
Помог Максимыча завет.

Признаемся себе, ребята:
Ведь он нас вправду научил,
Как умным быть и быть богатым,
На дружбу не жалея сил.

И мы богаты этой дружбой,
И мудростью его умны.
И это все, что в жизни нужно
Для нас, для мира, для страны.

Сегодня мы, как мушкетеры,
Пьем все, и все — за Одного.
С Максимычем свернем мы горы!
Желаем — Максимум всего!

29 октября 2009 года

АВТОРЫ ОЧЕРКОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ О Е. М. ПРИМАКОВЕ

АКОПОВ Погос Семёнович (род. 10 августа 1926 г. в Грузинской ССР). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1983). Окончив Московский экономический институт (1951), работал в Госплане СССР. По окончании Дипломатической академии МИД СССР (1960) постоянно на дипслужбе. Более 15 лет работал в посольстве СССР в Египте — от третьего секретаря до временного поверенного. Был зам. зав. отделом стран Ближнего Востока МИД СССР (1977–1983). Посол в Кувейте (1983–1986) и Ливии (1986–1991). Один из организаторов и вице-президент Международной внешнеполитической ассоциации. Редактор единственного в России журнала на арабском языке «Биль-Амаль». Президент Ассоциации российских дипломатов. Вице-президент общества «Россия-Египет». Почетный член Императорского православного палестинского общества. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почета, медалями. Заслуженный работник дипломатической службы РФ.

АКСЕНЁНОК Александр Георгиевич (род. 10 апреля 1942 г. в Пермской области). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1993). Окончил МГИМО (1965). Кандидат юридических наук. Работал в посольствах в Ливии, Ливане, Ираке, Египте, Йемене. Советник-посланник в Сирии. Посол в Алжире (1991–1995) и Словакии (1998–2002). Работал в отделе стран Ближнего Востока, управлении оценок и планирования, 1 ЕД, был послом по особым поручениям. Награжден медалью, имел благодарность Президента РФ. Почетный работник МИД России.

БАЖАНОВ Евгений Петрович (род. 6 ноября 1946 г. во Львове, УССР). Доктор исторических наук. Окончил МГИМО (1970) и Дипломатическую академию МИД СССР (1981). Советник 1 класса. Работал в генконсульстве в Сан-Франциско, посольстве в КНР, в аппарате ЦК КПСС. Был проректором Дипакадемии (1991–2011) и ее ректором (2011–2016). Руководит Институтом актуальных международных проблем Дипакадемии. Имеет медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, благодарность Президента РФ, почетную грамоту и нагрудный знак МИД РФ. Почетный работник МИД РФ. Заслуженный деятель науки РФ.

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (род. 18 октября 1947 г. в Москве). Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1 класса (2003). Государственный советник РФ 1 класса. Кандидат исторических наук. Окончил МГИМО (1969). Преподавал там и в Дипакадемии МИД СССР. Служил в посольствах СССР в Египте и Танзании, в департаменте Ближнего Востока и Северной Африки. Советник-посланник в Египте (1993–1996). Посол РФ в Саудовской Аравии (2000–2005). Зам. директора департамента Африки МИД РФ (2005–2007). Почетный работник МИД РФ. С 2007 г. работает в Совете Федерации ФС РФ: зам. начальника, начальник Управления международных связей, советник, а затем помощник заместителя Председателя Совета Федерации (с 2018 г.). Зам. председателя Ассоциации российских дипломатов. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

БАРСКИЙ Кирилл Михайлович (род. 22 ноября 1964 г. в Московской обл.). Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1 класса (2016). Кандидат исторических наук. Окончил МГИМО (1989). Много лет работал по Китаю, в посольстве в КНР и 1 департаменте Азии МИД РФ, а также в постпредстве при ООН. Советник-посланник посольства в Индонезии (2004–2008). Зам. директоров департамента общеазиатских проблем и департамента азиатского и тихоокеанского сотрудничества МИД РФ. Специальный представитель Президента РФ по делам Шанхайской организации сотрудничества. Посол в Таиланде и постпред при ЭСКАТО

(2014–2018). Посол по особым поручениям. Отмечен почетными грамотами Президента РФ, МИД РФ и таможенной службы, медалью МЧС России, имеет благодарности правительства РФ.

ВЕЗИРОВ Абдул-Рахман Халил оглы (род. 26 мая 1930 г. в Баку). Окончил Азербайджанский индустриальный институт им. М. Азизбекова (1952) и его аспирантуру (1954). Секретарь и первый секретарь ЦК ЛКСМ Азербайджана (1954–1959). Секретарь ЦК ВЛКСМ (1959–1970). Первый секретарь горкома КПСС Кировабада (1970–1974). Завотделом ЦК компартии Азербайджана (1974–1976). Генеральный консул СССР в Калькутте (1976–1979). Посол СССР в Непале (1979–1985) и Пакистане (1985–1988). Первый секретарь компартии Азербайджана (1988–1990). Награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени (2), Дружбы народов, Знак Почета, 5 медалями.

ВОРОНЦОВ Юлий Михайлович (7 октября 1929 г. — 12 декабря 2007 г.). Первый заместитель Министра иностранных дел СССР (1986–1990). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1977). Окончив МГИМО (1952), служил в МИД СССР (2 Европейский отдел, постпредство при ООН, отдел международных организаций). Советник и советник-посланник посольства СССР в США (1966–1977). Как зам. начальника управления по планированию внешнеполитических мероприятий (1977) возглавлял в Белграде делегацию СССР на международной конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Посол СССР в Индии (1977–1983) и во Франции (1983–1986). Первый зам. министра и посол СССР в Афганистане (1988–1989). Постпред СССР и России при ООН и в Совете Безопасности ООН (1990–1994). Посол России в США (1994–1999). Был также государственным советником РФ (с 1992 г.) и советником Президента РФ по внешней политике (1998–2000). В отставке в 1999 г. стал специальным посланником Генерального секретаря ООН по СНГ как его заместитель с окладом 1 доллар в год. Как зам. Генсекретаря ООН с 2000 г. координировал возвращение из Ирака пленных и имущества Кувейта. Создал и возглавил Российско-Американский совет делового сотрудничества, стал

председателем правления Российско-Американского инвестиционного банка (2000). Занимал много общественных постов (президент Международного центра Рерихов, президент Ассоциации выпускников МГИМО и другие), Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» III степени, Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени (2), Почета, Знак Почета, 3 медалями. Заслуженный работник дипломатической службы РФ. Совет ветеранов дипслужбы издал книгу «Дипломат Юлий Воронцов» (М., «Международные отношения» 2009).

ДЗАСОХОВ Александр Сергеевич (род. 3 апреля 1934 г. во Владикавказе). Доктор политических наук. Кандидат исторических наук. Чрезвычайный и Полномочный Посол (1986). Окончил Северо-Кавказский горно-металлургический институт (1957). Работал в ВЛКСМ, в руководстве Комитета молодежных организаций СССР (1964–1967) и Советского комитета солидарности стран Азии и Африки (1967–1986). Посол СССР в Сирии (1986–1988). Первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС (1988–1990). Председатель комитета по международным делам Верховного Совета СССР (1990–1991) и комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям Верховного Совета РФ (1993). Депутат Государственной думы Федерального собрания РФ (1993–1998). Президент Республики Северная Осетия (1998–2005). Член Совета Федерации РФ (2005–2010). С 2010 г. зам. председателя комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» II, III и IV степеней, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Почета и Дружбы народов.

ДОЛГОВ Константин Михайлович (род. 14 июля 1931 г. в Ульяновской обл.) Доктор философских наук. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова (1959). До этого работал на предприятиях в Харькове, служил в Военно-морском флоте СССР. Много лет преподаватель, в том числе в Институте общественных наук. Консультант журнала «Коммунист». Директор издательства «Искусство». Завсектором в аппарате ЦК КПСС. Председатель правления ВААП (1982–1986). Завсектором Института философии РАН

(1986–1995). Заведующий кафедрой Дипломатической академии МИД РФ (с 1995 поныне). Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы, Дружбы народов, медалями. Заслуженный деятель науки РФ.

ЕЛИЗАРОВ Николай Михайлович (род. 1 мая 1937 г. в Тамбове). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1992). Окончил политехнический институт в Саратове (1966) и Высшую дипломатическую школу (1974). Ранее служил в Советской армии. Был вторым секретарем комсомола Таджикистана, работал в ЦК ВЛКСМ. Советник-посланник посольства СССР в Колумбии (1982–1989). Посол РФ в Венесуэле и по совместительству в Доминиканской Республике (1992–1997), в Коста-Рике и по совместительству в Гватемале (1999–2004). Работал в отделе стран Латинской Америки и руководстве кадровой службы МИД СССР. Был директором консульской службы, членом Коллегии МИД РФ (1997–1999). Инспектор по линии Генерального секретариата МИД. Имеет медали, в том числе «За трудовую доблесть». Заслуженный работник дипломатической службы РФ.

ЗАЙЦЕВ Анатолий Сафронович (род. 30 января 1939 г. в г. Борисове БССР). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1985). Окончил Институт восточных языков при МГУ им. М. В. Ломоносова (1962). Кандидат экономических наук. Много лет работал во Вьетнаме, затем в постпредстве СССР при отделении ООН и других международных организациях в Женеве. Посол СССР/РФ в Конго (Браззавиль, 1989–1994) и в Исландии (1998–2002). Работал в отделе международных экономических организаций и 2 Европейском отделе МИД СССР. Был экспертом и помощником министра, старшим советником Управления по планированию внешнеполитических мероприятий, заведующим отделом юго-восточной Азии, директором 4 департамента Азии и 4 департамента стран СНГ (1994–1998). Участвовал в инспекциях по линии Генерального секретариата МИД РФ. Имеет медали «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть» и медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Почетный работник МИД РФ.

ИВАНОВ Игорь Сергеевич (род. 23 сентября 1945 г. в Москве). Министр иностранных дел России (1998–2004), Секретарь Совета безопасности России (2004–2007). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1989). Окончил Московский педагогический институт иностранных языков (1969). Работал в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, в торгпредстве и посольстве СССР в Испании. Советник-посланник (1980–1983) и Посол России в Испании (1991–1993). В МИД СССР/РФ работал в 1 Европейском отделе, советником при министре и помощником министра. Глава Общего секретариата МИД (1986–1991). Первый заместитель Министра (1993–1998). С 2007 г. профессор МГИМО. С 2011 г. президент Российского совета по международным делам. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» II и IV степеней, Знак Почета, медалью А. М. Горчакова и другими. Имеет почетные грамоты правительства и МИД РФ, шесть благодарностей Президента РФ, нагрудный знак МИД РФ «За вклад в международное сотрудничество». Заслуженный работник дипломатической службы РФ.

КАЗИМИРОВ Владимир Николаевич (род. 12 августа 1929 г. в Москве). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1975). Окончил МГИМО (1953) и Высшую дипломатическую школу (1962). Работал в посольствах СССР в Венгрии и Бразилии. Посол СССР в Коста-Рике (1971–1975), в Венесуэле и по совместительству в Тринидаде и Тобаго (1975–1980) и в Анголе (1987–1990). Посол РФ в Коста-Рике и по совместительству в Гватемале (1996–1999). Служил в 5 Европейском отделе МИД, отделе латиноамериканских стран, в управлении по планированию внешнеполитических мероприятий. Возглавлял 1 Латиноамериканский отдел (1980–1987) и управление стран Африки (1990–1992), член коллегии (1991–1992). Посол по особым поручениям, глава посреднической миссии России, полномочный представитель Президента РФ по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе, участник и сопредседатель Минской группы ОБСЕ (1992–1996). После отставки (2000) возглавлял консультативную группу послов, был заместителем председателя Ассоциации российских дипломатов. Председатель

Совета ветеранов дипслужбы (2011–2016). Имеет ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Трудового Красного Знамени (2), Дружбы народов, Знак Почета, медали. Заслуженный работник дипломатической службы РФ.

КАРАСИН Григорий Борисович (род. 23 августа 1949 г. в Москве). Статс-секретарь–заместитель Министра иностранных дел РФ (2005–2019). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1995). Окончил Институт восточных языков при МГУ им. М. В. Ломоносова (1971). Работал в посольствах СССР в Сенегале, Австралии и Великобритании. Посол России в Великобритании (2000–2005). Работал в 1 Африканском отделе МИД СССР, секретариате заместителя министра, 2 Европейском отделе, начальником управления в департаменте Африки и Ближнего Востока. Директор департамента информации и печати (1994–1996). Заместитель министра (1996–2000 и в 2005). Награжден орденами Александра Невского, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Дружбы, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями Совета безопасности РФ и другими. Отмечен почетной грамотой и 5 благодарностями Президента РФ. Заслуженный работник дипломатической службы РФ. Имеет почетный знак Государственной думы РФ «За заслуги в развитии парламентаризма»

КОЛОТУША Василий Иванович (род. 26 июня 1941 г. в Херсонской обл. УССР). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1990). Окончил МГИМО (1965). Работал в посольстве СССР в Ливане, консульстве в Александрии и посольстве в Египте. Советник-посланник в Ираке (1983–1986). Посол СССР в Ливане (1986–1990). Посол России в Марокко (1992–2000). В МИД СССР/РФ работал в отделе стран Ближнего Востока. Был начальником управления стран Ближнего Востока и Северной Африки (1990–1992). Посол по особым поручениям и по совместительству глава группы по урегулированию грузино-абхазского конфликта (2000–2003). Награжден орденом Дружбы народов, медалью «За трудовую доблесть» и другими, почетной грамотой МИД РФ. Почетный работник МИД России.

КОМПЛЕКТОВ Виктор Георгиевич (род. 8 января 1932 г. в Москве). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1977). Окончил МГИМО (1954). Работал в посольстве СССР в США и отделе стран Америки/США МИД СССР. Зав. отделом США, член коллегии МИД (1978–1982). Заместитель Министра иностранных дел СССР (1982–1991). Посол СССР в США (1991–1992). Посол по особым поручениям (1992–1994). Посол России в Испании (1994–1999) и по совместительству в Андорре (1996–1999). Награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Знак Почета, медалью «За трудовое отличие» и другими. Отмечен почетной грамотой Верховного Совета РСФСР. Заслуженный работник дипломатической службы РФ.

КОСАЧЁВ Константин Иосифович (род 17 сентября 1962 г. в Московской обл.). Чрезвычайный и Полномочный Посол (2009). Председатель Комитета Совета Федерации РФ по международным делам (с 2014 г.). Окончил МГИМО (1984). Работал в посольстве СССР в Швеции и генконсульстве в Гетеборге, во 2 Европейском отделе/департаменте. С мая 1998 г. в аппарате правительства РФ: советник, помощник председателя правительства по международным делам. Депутат Госдумы РФ (1999–2012), председатель ее комитета по международным делам (2004–2011) или его заместитель (1999–2003; 2011–2012). Глава Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству, специальный представитель Президента РФ по связям с государствами СНГ (2012–2014). Награжден орденами Александра Невского, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Почета и Дружбы. Имеет нагрудный знак МИД РФ «За вклад в международное сотрудничество».

КУЗНЕЦОВ Валерий Алексеевич (род. 10 февраля 1937 г. в Ленинграде). Весь период блокады провел в осажденном городе с отцом А. А. Кузнецовым (одним из руководителей обороны Ленинграда, первым секретарем обкома и горкома, репрессированным в 1950 г. по т. н. «ленинградскому делу»). Окончил МГИМО (1960) и его аспирантуру (1965), успев поработать год в Гвинее.

В МГИМО был одновременно секретарем комитета комсомола. Затем работал в Комитете молодежных организаций СССР, возглавлял парторганизацию КМО. Ответственный секретарь Студенческого совета СССР. Продолжил трудовую деятельность в отделе пропаганды ЦК КПСС, заведовал там сектором газет и ТАСС. Был в Афганистане в группе политсоветников при руководстве ЦК НДПА (1980–1981). Работал заместителем начальника Главлита СССР (в ранге заместителя министра), заместителем председателя правления АПН, занимал ответственные должности в аппарате правительства России. Директор «Меркурий-клуба» (2003–2016), основателем и председателем правления которого был Е. М. Примаков. Награжден орденом Знак Почета, особо отмечен ТПП России.

ЛАВРОВ Сергей Викторович (род. 21 марта 1950 г. в Москве). Министр иностранных дел Российской Федерации (с 2004 г.). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1992). Окончил МГИМО (1972). Работал в посольстве СССР в Шри-Ланке и много лет в постпредстве при ООН. В МИД СССР/РФ служил в отделе/управлении международных экономических организаций, в руководстве этим управлением. Директор департамента международных организаций и глобальных проблем МИД РФ. Заместитель Министра иностранных дел РФ (1992–1994). Постоянный представитель РФ при ООН и в Совете Безопасности ООН (1994–2004). Председатель комиссии России по делам ЮНЕСКО (с 2004 г.). Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» (I, II, III и IV степеней), имеет орден Почета, медаль «За трудовое отличие» и 6 других медалей, почетные грамоты и 4 благодарности Президента РФ, грамоты МИД РФ и Госдумы РФ. Заслуженный работник дипломатической службы РФ.

МАСАЛОВ Владимир Иванович (род. 10 апреля 1940 г. в Рязанской обл.). Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2 класса (1996). Окончил Центральный институт физкультуры (1963), Московский педагогический институт иностранных языков (1970) и Академию общественных наук (1987). Работал

в ССОД, оргкомитете «Олимпиады-80», международном отделе ЦК КПСС, аппарате Президента СССР. В МИД РФ входил в руководство департаментов по административным вопросам и по связям с субъектами федерации, парламентом и общественно-политическими организациями. Генеральный консул РФ в Гетеборге (1997–2001). Возглавляет литературно-творческое объединение сотрудников и ветеранов МИД России «Отдушина». Награжден орденом Знак Почета.

МАТВИЕНКО Валентина Ивановна (род. 7 апреля 1949 г. в Каменец-Подольской обл. УССР). Председатель Федерально-го Собрания Российской Федерации (с 2011 г.). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1997). Окончила Химико-фармацевтический институт в Ленинграде (1972) и Академию общественных наук (1985). Была активна на комсомольской и партийной работе: первый секретарь райкома и обкома ВЛКСМ Ленинграда, первый секретарь райкома КПСС. Заместитель председателя исполкома Совета народных депутатов Ленинграда (1986–1989). Как депутат Верховного Совета СССР возглавляла комитет по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства (1989–1990). Окончила курсы руководящих дипломатических работников при Дипакадемии МИД СССР (1991). Посол СССР/России в Республике Мальта (1991–1994) и в Греции (1997–1998). В МИД РФ была послом по особым поручениям, директором департамента по связям с субъектами федерации, парламентом и общественно-политическими организациями, членом коллегии (1995–1997). Заместитель председателя правительства России (1998–2003). Полномочный представитель Президента РФ в северо-западном федеральном округе (2003). Губернатор гор. Санкт-Петербург (2003–2011). Постоянный член Совета безопасности РФ. Президент Ассоциации выпускников Дипломатической академии МИД РФ. Награждена орденами Андрея Первозванного, «За заслуги перед Отечеством» I, II, III и IV степеней, Трудового Красного Знамени, Почета, Знак Почета, рядом медалей. Имеет 2 благодарности Президента РФ и нагрудный знак МИД РФ «За вклад в международное сотрудничество».

НИШАНОВ Рафик Нишанович (род. 15 января 1926 г. в Казахской АССР). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1970). Окончил Ташкентский вечерний педагогический институт (1959). Кандидат исторических наук (1969). С 1942 г. был колхозником в Ташкентской обл. В 1943 г. избран секретарем исполкома поселкового совета, затем секретарем райкома комсомола. После службы в Советской армии (1945–1950) на комсомольской и партийной работе в Ташкенте. Председатель Ташкентского горисполкома (1962), секретарь и член Бюро ЦК компартии Узбекистана. Перешел на дипломатическую работу послом СССР в Шри-Ланке и по совместительству в Мальдивской Республике (1970–1978). Посол в Иордании (1978–1985). Министр иностранных дел Узбекской ССР (1985–1986). Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР (1986–1988). Первый секретарь ЦК компартии Узбекистана (1988–1989). Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР (1989–1991), советник Президента СССР. С ноября 1991 г. на пенсии. Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Почета, Знак Почета, медалями.

ПАСТУХОВ Борис Николаевич (род. 10 октября 1933 г. в Москве). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1986). Окончил Высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана (1958). Посвятил работе в ВЛКСМ почти четверть века — от секретаря Бауманского райкома Москвы до первого секретаря ЦК (1977–1982). Председатель Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (1982–1986). Посол СССР в Дании (1986–1989) и Афганистане (1989–1992). Заместитель и 1 заместитель Министра иностранных дел России (1992–1998), Министр по делам СНГ (1998–1999). Старший вице-президент Торгово-промышленной палаты России (2003–2009), советник гендиректора Центра международной торговли ТПП (с 2011 г. и поныне). Многократно избирался депутатом Верховного Совета СССР (1974–1989) и Государственной думы РФ. Был председателем комитета Госдумы по делам СНГ (2000–2003). Награжден орденами Алек-

сандра Невского, «За заслуги перед Отечеством» II и III степеней, Ленина, Трудового Красного Знамени (3), Красной Звезды, Дружбы, медалями. Имеет нагрудный знак МИД РФ «За вклад в международное сотрудничество».

ПЕТРОВ Георгий Георгиевич (род. 15 мая 1948 г. в Винницкой обл. УССР). Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2 класса (1999). Окончил МГИМО (1971). Работал в торгпредстве СССР в Норвегии и управлении торговли с западными странами Министерства внешней торговли СССР (1974–1980). Был ответственным секретарем советской части межправительственной советско-шведской комиссии по экономическому сотрудничеству (1980–1987). Зам. начальника главного управления экономических связей с капиталистическими странами МВТ СССР (1987–1992). Торгпред России в Румынии (1992–1997). Руководитель департамента тарифной политики и мер защиты внутреннего рынка Министерства внешних экономических связей РФ, член коллегии МВЭС РФ (1997–1998). Посол по особым поручениям, директор департамента экономического сотрудничества МИД РФ (2000–2002). Вице-президент Торгово-промышленной палаты России (2002–2016). Советник президента ТПП. Награжден орденом Дружбы и медалью. Имеет нагрудный знак МИД РФ «За вклад в международное сотрудничество».

ПОПОВ Вениамин Викторович (род. 6 июля 1942 в Иркутске). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1991). Окончил МГИМО (1965). Работал в посольствах СССР в Ираке, Египте, Сирии и Йемене. Советник-посланник в Йемене (1978–1979), затем посол СССР в этой стране (1987–1991). Посол СССР/России в Ливии (1991–1993). Посол РФ в Тунисе (1996–2000). В аппарате МИД работал в отделе стран Ближнего Востока, в управлении по планированию внешнеполитических мероприятий, был послом по особым поручениям (1993–1996 и 2000–2007). Награжден орденом Дружбы, медалями, в том числе «За трудовое отличие». Отмечен почетной грамотой и благодарностью МИД РФ, Заслуженный работник дипломатической службы РФ.

ПЯДЫШЕВ Борис Дмитриевич (22 октября 1932 г. — 8 июня 2018 г.). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1989). Доктор исторических наук. Окончил МГИМО (1956). Работал в управлении внешнеполитической информации и отделе печати МИД. Советник посольства СССР в Великобритании, зам. зав. отделом печати МИД, консультант отдела ЦК КПСС, помощник председателя Совета министров СССР (1975), советник и советник-посланник посольства СССР в Болгарии (1975–1983). Был зам. зав. отделом США (1983–1986), первым зам. начальника управления информации МИД СССР (1986–1990), послом по особым поручениям (1996–1998). Главный редактор журнала «Международная жизнь» МИД СССР/РФ (1990–1996 и 1998–2009), член коллегии МИД (1990–1992). Награжден орденами Почета, Дружбы, Знак Почета, 3 медалями. Отмечен почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. Заслуженный работник дипломатической службы РФ.

РАННИХ Александр Александрович (род. 25 июля 1949 г. в Москве). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1992). Работал в генконсульстве СССР в Турку и посольстве СССР в Финляндии. Посол России в Латвии (1992–1996), Исландии (2002–2005) и Танзании (2010–2015). В аппарате МИД работал в отделе скандинавских стран, секретариатах заместителя и первого заместителя Министра иностранных дел СССР. Был помощником и зав. секретариатом первого заместителя Министра (1988–1992), зам. директора 1 Европейского департамента (1997–1998), директором Исполнительного секретариата (1998–1999), директором департамента безопасности (1999–2002), послом по особым поручениям и полпредом РФ при ОДКБ (2005–2015). Награжден 8 государственными и ведомственными медалями, почетной грамотой МИД, благодарностями, юбилейным и почетным знаками.

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич (род. 26 августа 1950 г. в Москве). Ректор МГИМО (с 1992 г. и поныне). Действительный член РАН (2008). Доктор политических наук (1995). Чрезвычайный и Полномочный Посол (1993), член коллегии МИД (1997).

Окончил МГИМО (1972) и его аспирантуру (1976). Стажировался в посольстве СССР в КНДР (1971–1972). С 1974 г. помощник ректора МГИМО, вел преподавательскую работу, стал доцентом (1979). Был деканом по работе с иностранными учащимися и проректором по международным связям. Служил в посольстве СССР в США (1983–1986). Был деканом факультета международных отношений и первым проректором (1989), стал профессором (1991). В 1992 г. избран ректором МГИМО и многократно переизбран (последний раз в 2017 г.). Президент Российской ассоциации международных исследований (с 1999 г.). Член Президиума Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию (2006). Главный редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета» (2008). Председатель Совета директоров АО «Первый канал» (2011). Награжден орденами Александра Невского, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степеней, Почета, Дружбы, 6 медалями, имеет почетную грамоту и благодарность Президента РФ, почетную грамоту и нагрудный знак МИД РФ «За вклад в международное сотрудничество». Почетный работник МИД России.

ТРУБНИКОВ Вячеслав Иванович (род. 25 апреля 1944 г. в Иркутске). Директор Службы внешней разведки РФ (1996–2000). Первый заместитель Министра иностранных дел России и полномочный представитель Президента РФ в государствах-участниках СНГ (2000–2004). Чрезвычайный и Полномочный Посол (2001). Окончил МГИМО (1967) и аспирантуру МГУ (1969). Работал в АПН. Был собкором АПН в Индии, сотрудником посольства СССР в Индии. Работал редактором-консультантом АПН, советником посольства СССР в Бангладеш. После службы во внешней разведке — посол России в Индии (2004–2009). Член дирекции Института мировой экономики и международных отношений РАН имени Е. М. Примакова. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Красной Звезды (2), медалью ФСБ. Отмечен почетными грамотами Президента РФ и правительства. Заслуженный сотрудник органов внешней разведки РФ.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азия — 105–123, 145, 156–157, 163
- Ассоциация российских дипломатов — 71
- Афганистан — 146
- Африка — 145
- Ближний Восток — 17–18, 25, 31, 41, 53–54, 93–95, 97–104, 145, 147, 156, 225, 243, 245, 247, 250, 252, 256
- БРИКС, Россия-Индия-Китай — 60, 113, 122, 124, 222, 232, 237, 255
- Внешняя разведка — 21, 29–33, 35, 68, 70, 78, 81, 84–85, 133, 177, 230, 251, 263, 265–269
- Вьетнам — 118
- Гватемала — 185–187
- Германия — 37, 44–45, 49, 182
- ГКЧП — 30, 249
- Дипломатическая академия МИД РФ — 66–67, 162
- Египет — 93, 140–141, 142–144, 202, 210, 221, 245, 250, 255–256
- Закавказье — 164–168, 178–183, 224
- Израиль — 18, 49, 103, 200–201, 203, 210, 220, 232, 245
- Индия — 21, 112–114, 155, 221, 248, 265
- Ирак — 16–17, 21, 24–27, 40–42, 53–54, 77, 90–91, 132, 142, 201, 207, 210–213, 220–221, 225, 237
- Иран — 21, 211, 220–221
- КНР (Китай) — 21, 40, 82, 106–110, 118, 155, 163, 219, 221
- Корея (обе) — 68, 114–115, 163
- КПСС, съезды, ЦК КПСС — 24, 28–29, 147–148, 199, 246
- Куба — 199
- Кувейт — 40, 207–210, 212
- Латинская Америка — 71–73, 145, 184–187
- МГИМО (У) — 61–65, 256–257, 261–262
- Меркурий-клуб — 80, 83, 96, 157, 222–223, 228, 234, 252–254, 262

- МИД СССР/РФ, отечественная дипломатия — 24–25, 35–36, 60–61, 72–74, 77, 84–85, 105, 130–131, 133–135, 139–141, 166, 172–176, 177–182, 190–198, 218, 227–228, 230–238, 251, 263–264, 267
- Многополярность мира — 63, 105, 122, 129, 222, 231, 237, 273
- Нагорный Карабах — 165–166, 178–182
- НАТО — 37–39, 43–44, 52, 130–131, 134–135, 220, 237–238
- Наука, РАН — 18, 22–23, 81, 94, 146, 149, 157–160, 171–172
- ОБСЕ — 167, 178–179, 182
- ООН — 40–41, 127, 132, 137, 185, 200
- Ограничение вооружений — 39, 223
- Парламентаризм и политические силы — 23–24, 27–29, 56–57, 148–150, 176, 225, 236, 242–244, 248–249
- Правительство РФ — 44–55, 131, 135–136, 173–174, 225, 230–231, 239, 242, 269
- Приднестровье — 252
- Семья — 11–14, 21–22, 137–138, 151–152, 174, 250
- Сирия — 135, 147, 219–220, 245, 250
- Ситуационные анализы — 21, 57, 63–64, 76, 91–92, 146, 262, 265
- СНГ — 137, 166, 179, 224, 252
- Совет ветеранов дипслужбы — 61, 84–85, 89, 187
- США — 19–21, 23, 29, 34–37, 39, 41–43, 50–53, 68, 77, 93–94, 96, 103, 117, 132–133, 159, 207, 209–211, 221, 226, 243, 247, 257–258
- Терроризм — 221–222, 225, 243
- ТПП, ЦМТ — 57, 64–65, 78–81, 230, 250, 252
- Турция — 221
- Франция — 36–38
- Украина — 158, 222–224, 242, 257
- ШОС — 119, 122
- Югославия — 42–44, 51–53, 95, 226, 264
- Япония — 20, 66–67, 111–112, 155, 163

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдалла, наследный принц — 99–101
Абд-Раббо, Ясир — 18, 204
Абу Айяд — 18
Абу Мазен (Махмуд Аббас) — 18, 142
Абу-Нидадь — 201
Адамишин А. Л. — 85, 182
Азиз, Тарик — 17, 26, 41, 91, 206–207, 210–211
Азимов С. А. — 201–202
Акопов П. С. — 69–71
Аксенёнок А. Г. — 90–96
Алекперов В. Ю. — 52
Алиев Г. А. — 168, 177, 179–181
Андреотти, Джулио — 25
Андропов Ю. В. — 176, 188
Арбатов Г. А. — 160
Асад, Хафез — 18, 25, 220
Арафат, Ясир — 18, 141–142, 201–203
Афанасьевский Н. Н. — 192
Бажанов Е. П. — 66–69
Бакатин В. В. — 30–31
Бакланов А. Г. — 97–104
Бакр, Ахмад Хасан аль — 90–91, 142
Барзани, Мустафа — 17, 142, 256–257
Барский К. М. — 105–123
Бегин, Менахем — 18
Белоногов А. М. — 210
Беляев Е. А. — 13
Беляев И. П. — 58, 69–70, 269
Березовский Б. А. — 135
Берия Л. П. — 14
Бессмертных А. А. — 85, 214
Бокерия Л. А. — 159
Брегель Э. Я. — 14
Бураковский В. И. — 69–70, 159, 175–176, 255–256
Бурбулис Г. Э. — 187
Буш, Джордж — 21, 131, 212, 224
Ведрин, Юбер — 36
Везиров А. Х. — 125–126
Вершбоу, Александр — 79
Виноградов В. М. — 71

- Виноградов С. А. — 199
Владимир Н. М. — 187
Володин В. В. — 57
Волошин А. С. — 55
Вольский А. И. — 30
Воронцов Ю. М. — 126–139
Вулси, Роберт Джеймс — 35
Вяхирев Р. И. — 52
- Гасанов Г. А. — 180–181
Гафуров Б. Г. — 145
Геварра, Че — 199
Гейтс, Роберт — 34
Герашенко В. В. — 52
Глазунов И. С. — 74
Гласпи, Эйприл — 207
Гончаров С. Н. — 108
Гор, Альберт — 50–52
Горбачёв М. С. — 21, 23–31,
81–82, 107–108, 148, 178,
209–210, 248–249
Гордиенко, Еухенио — 185
Горчаков А. М. — 232, 263
Грачёв-Седых В. В. — 126
Громов Б. В. — 183
Громов В. П. — 185–186
Громько А. А. — 155, 170, 263
Гуджрал, Равниш Радовин-
дер — 36
Гукасян А. А. — 179, 181
- Гургенов В. И. — 32
Гурриа, Анхель — 36
- Данелия Г. Н. — 159
Даян, Моше — 18
Дзасохов А. С. — 140–152, 160,
183
Дини, Ламберто — 36
Долгов К. М. — 153–163
Дэн Сяопин — 21, 108
Дьяченко Т. Б. — 45, 48
- Елизаров Н. М. — 71–75
Ельм-Валлен, Лена — 36
Ельцин Б. Н. — 28, 35, 41, 45, 48–
50, 54–57, 70, 108, 119, 121,
136, 170, 173, 184, 226, 239
- Зайцев А. С. — 164–168
Зорин В. С. — 261
Зубаков Ю. А. — 71, 135, 183
Зуэйн, Юсуф — 17
Зюганов Г. А. — 48
- Иванов И. С. — 85, 94, 138–139,
160, 169–174, 192
Икэда, Юкихико — 36, 111
Иноземцев Н. Н. — 17, 92, 126,
144, 160, 169
Иоселиани Д. Г. — 70

- Каверин С. Н. — 15
Казимиров В. Н. — 59, 69, 78,
84–86, 89, 177–191
Карапетян Г. А. — 126–139
Карасин Г. Б. — 106, 190–195
Кинкель, Клаус — 36–37, 44,
182, 228
Кириенко С. В. — 50, 134, 239
Кирпиченко В. А. — 32, 267
Кисляк С. И. — 192
Киссинджер, Генри — 67–68,
80, 93, 228, 232
Клинтон, Билл — 37–38, 257
Кобзон И. Д. — 253–254
Козырев А. В. — 127, 129–130,
138, 170, 177–178, 182–183
Колесниченко Т. А. — 65, 160,
261
Колотуша В. И. — 196–217
Коль, Гельмут — 38
Комплектов В. Г. — 76–78
Кондрашов С. Н. — 65, 134, 261
Косачёв К. И. — 51, 218–226
Котти, Флавио — 36
Кочарян Р. С. — 165, 177, 179, 181
Коштуница, Воислав — 53
Кристофер, Уоррен — 36–38
Крючков В. А. — 176
Кузнецов В. А. — 160, 227–229
Лавров С. В. — 59–62, 122, 160,
187, 192, 228, 230–235
Ламбах, Ф. — 182
Лебедев В. С. — 16
Леонов Н. С. — 267
Ли Пэн — 113
Лосюков А. П. — 116, 193
Лукашенко А. Г. — 257
Лукьянов А. И. — 249
Лутви аль-Холи — 143
Лужков Ю. М. — 56
Лукин В. П. — 183
Маленков Г. М. — 14
Малиновский Р. Я. — 15
Мамедов Г. Э. — 192
Маркарян Р. В. — 135, 209, 216
Мартинес, Мигель — 149
Мартынов В. А. — 23
Масалов В. И. — 86–87
Маслюков Ю. Д. — 241
Матвиенко В. И. — 174, 192, 236–
244
Медведев В. А. — 27
Медведев Р. А. — 107
Меир, Голда — 18
Микоян А. И. — 188
Милошевич, Слободан — 42–
43, 51–52, 95
Милутинович, Милан — 42

- Минин В. И. — 207
Молотов В. М. — 14
Мубарак, Хосни — 18, 25
Мэтлок, Джек — 213
- Накасонэ, Ясухиро — 111
Наранхо, Фернандо — 184
Насер, Гамаль Абдель — 21, 57–58, 91, 141, 210–211
Немченко М. — 11
Нетаньяху, Биньямин — 49
Нимейри, Джафар Мухаммед — 17
Нишанов Р. Н. — 148, 245–250
- Обути, Кэйдзо — 112
Ойзерман Т. И. — 160
Олбрайт, Мадлен — 38–39, 41–43, 110, 118, 133, 228, 257
Оников Л. А. — 175, 245–246
- Панкин Б. Д. — 128, 130
Панов А. Н. — 106, 111, 194
Папазян В. А. — 181
Пастухов Б. Н. — 160, 165, 180, 194, 251–254
Перес, Шимон — 18
Петров Г. Г. — 78–83
Петровский Б. В. — 160
Погудин М. В. — 78
Покровский В. И. — 159
- Поляков В. П. — 69, 208
Попов В. В. — 255–258
Посувалюк В. В. — 192, 207
Потанин В. О. — 134
Примаков А. Е. — 65
Примаков А. А. — 138
Примакова А. Я. — 11–13
Примакова И. Б. — 22, 81, 138, 151–152, 247, 250
Путин В. В. — 53–54, 56–57, 59, 73, 84, 158, 187, 220, 235, 238, 243, 251
Пырлин Е. Д. — 70
Пэттен, Кристофер — 110
Пядышев Б. Д. — 186, 259–260
- Рабин, Ицхак — 18, 142
Ранних А. А. — 87–89
Рао, Нарасимха — 113
Рейган, Рональд — 21
Рокфеллер, Давид — 19–20
Россель Э. Э. — 52
Ругова, Ибрагим — 42
Румянцев В. П. — 69–70
- Саакашвили М. Н. — 134
Садат, Анвар — 21, 93
Сафайр, У — 36
Саххаф, Мухаммед Саид ас — 41
Севастьянов В. И. — 183

- Симония Н. А. — 262
Ситарян С. А. — 29, 69
Сондерс, Гарольд — 19, 93
Сталин И. В. — 14
Степашин С. В. — 55
Стуруа М. Г. — 261
Суэцугу, Итиро — 20
- Тарасенко С. П. — 213
Тер-Петросян Л. А. — 177, 179–181
Титов К. А. — 52
Торкунов А. В. — 61–67, 81, 160, 261–264
Трояновский О. А. — 107
Трубников В. И. — 32, 265–269
Тэтчер, Маргарет — 25
- Ульяновский Р. А. — 92, 160
Уманский К. А. — 175–176
Ушаков Ю. В. — 192
- Фахд ибн Абдул-Азиз Аль Сауд — 25, 99
Федотов А. Л. — 71
Фейсал, Сауд — 101
Ферт, Леон — 51
- Хабаш, Жорж — 200, 203
Хаватме, Наиф — 202
- Халевинский И. В. — 66
Халонен, Тарья — 36, 228
Хамиси, Абдуррахман — 421
Харадзе Л. В. — 11, 14–15, 19, 22, 152
Хасан II — 215–217
Хасимото — 112
Хейкал, Мухаммед — 142
Холбрук, Ричард — 51–52
Хаммами, Саид — 201
Хохоликов А. Н. — 186–187
Хрущёв Н. С. — 15–16, 159
Ху Цзиньтао — 82
Хусейн, король — 246–247
Хусейн, Саддат — 24–26, 35, 41, 53–54, 90–91, 132, 207, 211, 213
- Цзян Цзэмин — 82
Цянь Цичэнь — 109
- Чарльз, принц — 110
Чазов Е. И. — 160
Черномырдин В. С. — 45, 50, 188, 239
Чернышёв А. С. — 106
Чернышёв В. И. — 183
Черняев А. С. — 26–27
Чуркин В. И. — 182

- Шаймиев М. Ш. — 56
Шаликашвили, Джон — 133
Шаретт, Эрве де — 36
Шарон, Ариэль — 103
Шаталин С. С. — 27
Шахназаров Г. Х. — 27
Шебаршин Л. В. — 267
Шеварнадзе Э. А. — 129–129,
166–167, 208–210, 213–214
Шевченко В. Н. — 45
Шиманский Л. В. — 65
Ширак, Жак — 37–38, 52
Широян С. А. — 69
Шмидт А. Э. — 14
Шмидт, Гельмут — 80
Шредер, Герхард — 49
Шуйский Г. Т. — 16
- Эймс, Олдрич — 35
Эксурси, Ллойд — 36
- Юмашев В. Б. — 45
- Явлинский Г. А. — 29
Яковлев А. Н. — 21, 27
Яковлев В. А. — 52, 56
Ясин Е. Г. — 27

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Политик, дипломат, ученый Евгений Примаков

Сборник воспоминаний

Редактор-составитель сборника В. Н. Казимиров

Главный редактор издательства — Е. Степанов

Компьютерная верстка, макет — И. Ракина

Корректоры — О. Ефимова, Ф. Мальцев

Формат 60x84/16

Бумага офсетная

Гарнитура Minion

Тираж 1000 экз.

Сдано в набор 11.07.2019

Подписано в печать 05.09.2019

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6.